

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Дальневосточный федеральный университет
Восточный институт –
Школа региональных и международных исследований

**ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАПРАВЛЕНИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ**

*К 80-летию Л.П. Бондаренко
и 120-летию Восточного института*

Монография

Под общей редакцией В.Л. Завьяловой и Г.Н. Ловцевич

Москва
Издательство «ФЛИНТА»

Владивосток
Издательство Дальневосточного
федерального университета

2019

УДК 80(571.6)
ББК 80(255)
П78

Рецензенты:

С.В. Андросова, д-р филол. наук, профессор;
Е.В. Терехова, д-р филол. наук, профессор

Авторы:

З.Г. Прошина (§ 1.1), В.Л. Завьялова (предисловие, заключение, § 1.2), Е.В. Уютова (§ 1.3),
Н.М. Запорожская (§ 1.4), М.А. Колесниченко (§ 1.5), М.О. Белова (§ 1.5),
А.И. Едличко (§ 1.6), Л.В. Кульчицкая (§ 1.7), Э.Б. Меграбова (§ 1.8),
С.М. Соболева (§ 1.9), М.Н. Рассоха (§ 2.1), Г.Н. Ловцевич (введение, § 2.2),
Д.А. Марков (§ 2.2), А.С. Трифонов (§ 2.2), Т.В. Винокурова (§ 2.3), С.С. Ильина (§ 2.3),
Г.И. Модина (§ 3.1), Е.А. Первушина (§ 3.2), М.И. Ступницкая (§ 3.3),
Д.Ю. Червякова (§ 3.4), М.И. Жук (§ 3.5)

Проблемы языкового образования и направления филологических исследований в высшей школе Дальнего Востока России. К 80-летию Л.П. Бондаренко и 120-летию Восточного института : монография / З.Г. Прошина, В.Л. Завьялова, Е.В. Уютова [и др.] ; под общ. ред. В.Л. Завьяловой и Г.Н. Ловцевич. – М. : Флинта ; Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. – 148, [16] с. : ил. – Текст. Изображения : непосредственные.

ISBN 978-5-9765-4291-4 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-7444-4649-9 (Издательство ДВФУ)

В монографии рассматриваются теоретические и прикладные проблемы языкознания, литературоведения, переводоведения, теории обучения иностранным языкам в вузе, теории межкультурной коммуникации. Монография посвящена 80-летию Людмилы Петровны Бондаренко, стоявшей у истоков филологического образования в Дальневосточном федеральном университете. В написании монографии приняли участие её коллеги, соратники, ученики и последователи. Издание приурочено к 120-летию высшего образования на Дальнем Востоке России.

Предназначена для филологов, лингвистов, литературоведов, переводчиков, преподавателей иностранных языков и других специалистов в области лингводидактики, психолингвистики, социолингвистики, переводоведения, лингвоконтактологии, лингвистической прагматики. Издание будет также полезно студентам, магистрантам, аспирантам и широкому кругу лиц, изучающих проблемы теории языка, литературы, межкультурной коммуникации.

УДК 80(571.6)

ББК 80(255)

ISBN 978-5-9765-4291-4 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-7444-4649-9 (Издательство ДВФУ)

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2019

*Посвящается
заслуженному работнику высшей школы
Российской Федерации
Людмиле Петровне Бондаренко*

120-лет высшему образованию на Дальнем Востоке

Предисловие

Людмила Петровна Бондаренко – кандидат филологических наук, доцент, профессор Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), Директор института иностранных языков (1995–2010), Заслуженный работник Высшей Школы Российской Федерации.

Людмила Петровна Бондаренко – педагог и учёный-фонетист, посвятивший свою жизнь развитию филологического образования и науки на Дальнем Востоке. В 1956 году Людмила Петровна поступила на факультет романо-германской филологии, попав на первый набор во вновь открытый Дальневосточный государственный университет¹ (ДВГУ); с 1963 года начала работу в университете на кафедре английского языка историко-филологического факультета. С 1967 по 1969 годы Людмила Петровна продолжила своё образование на высших педагогических курсах в Московском государственном институте иностранных языков им. Мориса Тореза (ныне МГЛУ). С 1975 по 1978 годы обучалась в аспирантуре Ленинградского государственного университета (ныне СПбГУ) на широко известной во всём мире Кафедре фонетики и методики преподавания иностранных языков, проводя исследование в Лаборатории экспериментальной фонетики им. Льва Владимировича Щербы. Научным руководителем Людмилы Петровны была Лия Васильевна Бондарко, заведующая «щербовской кафедрой» с 1977 по 2007 годы, ученица двух крупнейших советских учёных-фонетистов – Маргариты Ивановны Матусевич и Льва Рафаиловича Зиндера. В 1978 году Людмила Петровна защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Членение спонтанной речи паузами колебания и его соотносённость с синтагматическим членением: экспериментальное фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка» (специальность 10.02.19 – общее языкознание).

По возвращении из Ленинграда Людмила Петровна развивала направление теоретической и прикладной фонетики в родном вузе, поддерживая тесные контакты с учёными-фонетистами Ленинградской (Санкт-Петербургской) и Московской фонологических школ. Позднее она возглавила сначала филологический факультет, а затем созданный на его базе Институт иностранных языков ДВГУ, где выступала не только в роли директора, но и более 20 лет заведовала кафедрой фонетики английского языка (до реструктуризации ДВФУ в 2011 г.). За годы существования Института иностранных языков (1995–2011) под руководством Людмилы Петровны укреплялось сотрудничество с российскими и зарубежными научно-исследовательскими институтами и вузами; шло активное развитие факультетов, кафедр, учебно-культурных и научно-

¹ Дальневосточный государственный университет, преемником которого с 2011 г. является Дальневосточный федеральный университет, ведёт свою историю от гуманитарного Восточного института, основанного указом российского императора Николая II во Владивостоке в 1899 г. В 1920 г. путём объединения Восточного института и нескольких частных учебных заведений был образован Государственный Дальневосточный университет, который просуществовал 10 лет (расформирован в 1930 г.). В 1956 г. Дальневосточный государственный университет был восстановлен как правопреемник Восточного института и Государственного Дальневосточного университета.

образовательных подразделений (Центр испанского языка, Французский центр, Центр изучения Канады, Немецкий учебно-культурный центр, научно-образовательные центры «Межкультурная коммуникация и речевые технологии», «Прикладная лингвистика и речевые технологии»), что позволило Институту завоевать признание ведущего на Дальнем Востоке России центра подготовки филологов, преподавателей иностранных (европейских) языков, лингвистов, переводчиков, литературоведов, специалистов в области межкультурной коммуникации.

В 1998 году, благодаря усилиям Людмилы Петровны и её коллег (Марии Григорьевны Лебедько, Зои Григорьевны Прошиной, Аллы Ивановны Шевелёвой, Эммы Грайровны Меграбовой и других), в ДВГУ был открыт единственный на Дальнем Востоке диссертационный совет К 212.056.01 по защите кандидатских диссертаций, специальность 10.02.04 – германские языки (филологические науки)². В это время сформировались две основные дальневосточные научные школы – лингвоконтактологическая (особенности культурно-языковых контактов в АТР – Т.Н. Мельникова, Л.П. Бондаренко, З.Г. Прошина; В.Л. Завьялова и др.) и лингвокогнитивная (когнитивные аспекты взаимодействия языка и культуры в синхронии и диахронии; проблемы межкультурной коммуникации – М.Г. Лебедько, М.Н. Рассоха, О.В. Николаева и др.), в рамках которых до настоящего времени осуществляются научные изыскания разного уровня как в ДВФУ (на базе кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, зав. каф. Г.Н. Ловцевич; кафедры романо-германской филологии, зав. каф. Н.С. Морева и др.), так и за его пределами. Исследования ведутся, в том числе, по грантам (Федеральной целевой программы, Аналитической ведомственной целевой программы Министерства образования и науки РФ; Научного фонда ДВФУ; зарубежных фондов); успешно защищаются кандидатские и докторские диссертации. Всё вышесказанное свидетельствует о востребованности созданных в Институте иностранных языков, под руководством Людмилы Петровны Бондаренко, научных школ и признании их достижений не только в России, но и за рубежом.

Несмотря на большую организационную и административную работу, Людмила Петровна Бондаренко продолжала преподавать и постоянно вела научно-исследовательскую и учебно-методическую деятельность. Она является автором многочисленных статей, учебных пособий, монографий, словарей и других научных и учебно-методических трудов (см. *Список основных трудов Л.П. Бондаренко*). За время работы в университете Людмила Петровна дала путёвку в научную жизнь семи кандидатам филологических наук (В.Л. Завьяловой, Е.В. Уютовой, Ю.В. Белоножко, М.О. Пивоваровой (Беловой), И.А. Киритовой, М.А. Полянской (Колесниченко), Н.М. Шевчук (Запорожской)), которые продолжают научную традицию своего руководителя. Именно Людми-

² После реструктуризации в ДВФУ был создан объединённый диссертационный совет Д 999.206.03 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по специальностям: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки); председатель О.В. Николаева (приказ Минобрнауки России от 02 февраля 2018 г. № 106/нк).

ла Петровна способствовала формированию концептуальных подходов одного из перспективных лингвоконтактологических направлений ДВФУ – изучению фонетических аспектов проблемы регионального варьирования английского языка как посредника в коммуникации России и стран АТР. Исследование контакта звуковых систем английского языка и языков Восточной Азии осуществляется Людмилой Петровной и её учениками с 1990-х годов, с привлечением учёных-востоковедов ДВФУ (А.Я. Соколовского, кафедра Тихоокеанской Азии; В.И. Молодых, кафедра китаеведения; А.А. Хаматовой, кафедра китаеведения; В.В. Верхоляка, кафедра корееведения; А.А. Шнырко, кафедра японоведения), а также зарубежных коллег университетов Китая (*Dalian University of Foreign Languages, Harbin Institute of Technology*), Австралии (*Charles Sturt University, Griffith University*), США (*University of Colorado*), выступающих в качестве профессиональных консультантов. Результаты проводимых научных исследований применяются в ДВФУ при подготовке устных переводчиков, специалистов в области прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, а также в практике обучения английскому языку иностранных студентов из стран Восточной Азии.

Людмила Петровна является членом нескольких профессиональных организаций и одним из основателей (совместно с З.Г. Прошиной, М.Г. Лебедько, Г.Н. Ловцевич) Дальневосточной общественной организации преподавателей английского языка (ДВООПАЯЗ / FEELTA), которая за годы своей деятельности, начиная с 1995 года, приобрела множество международных связей и значительный опыт профессиональной работы. В настоящее время ДВООПАЯЗ является членом Пан-азиатского консорциума профессиональных организаций преподавателей английского языка стран АТР. Благодаря инициативе Людмилы Петровны на базе Института иностранных языков с 1996 года регулярно проводятся крупные международные конференции, симпозиумы, школы, собирающие специалистов в области лингвистики, языковой подготовки и межкультурной коммуникации со всего мира.

За заслуги в научно-педагогической деятельности и большой вклад в подготовку квалифицированных специалистов Людмила Петровна Бондаренко получила правительственную награду «Заслуженный работник Высшей Школы Российской Федерации», награждена Почетной грамотой администрации г. Владивостока и другими наградами; имеет звание Ветеран труда.

В настоящее время Людмила Петровна продолжает следить за развитием филологического образования и науки, как в России, так и за рубежом. Она всегда помогает дельным советом и искренне радуется достижениям своих учеников. Последователи, коллеги и соратники благодарны Людмиле Петровне Бондаренко за оставленное ею большое наследие!

Введение

Предлагаемая вниманию читателей монография является коллективным трудом, написанным в канун 120-летия высшего образования на Дальнем Востоке России, который подводит своего рода итоги многолетней работы в области филологического образования и науки в данном регионе.

Коллектив авторов представлен 21 учёным филологом из Владивостока, Москвы и Санкт-Петербурга. Несмотря на широкую географию, все авторы являются выпускниками филологической школы Дальневосточного государственного университета. Всех авторов объединяет совместная работа с Людмилой Петровной Бондаренко, которая вдохновляла, поддерживала и заражала своей энергией, творческим подходом и научным видением на постановку и решение новых теоретических и прикладных задач в области зарубежной филологии.

Монография состоит из предисловия, введения, трёх глав, посвящённых соответственно актуальным вопросам лингвистики, лингводидактики и литературоведения, а также заключения и списка литературы. Коллективный труд открывается предисловием, написанном В.Л. Завьяловой, доктором филологических наук, одной из первых учениц и последователей Людмилы Петровны Бондаренко. Предисловие посвящено профессиональной биографии Людмилы Петровны, её вкладу в становление и развитие филологического образования и науки на российском Дальнем Востоке.

Глава 1, *лингвистическая*, является самой обширной и представлена 9 параграфами. В параграфе 1.1 (З.Г. Прошина) описана история становления на Дальнем Востоке России новой отечественной социолингвистической парадигмы, называемой лингвоконтактологией. Автор рассматривает социополитические причины возникновения нового направления исследования культурно-языковых контактов посредством английского языка и подробно останавливается на этапах развития новой парадигмы в Институте иностранных языков ДВГУ под руководством Л.П. Бондаренко. В параграфах 1.2 (В.Л. Завьялова), 1.3 (Е.В. Уютова), 1.4 (Н.М. Запорожская), 1.5. (М.А. Колесниченко, М.О. Белова) представлена Дальневосточная фонетическая школа, в центре внимания которой как теоретические вопросы звуковой стороны языкового знака (В.Л. Завьялова), просодической типологии разносистемных языков (Е.В. Уютова), так и прикладные вопросы функционирования и восприятия корейского (Н.М. Запорожская) и китайского (М.А. Колесниченко, М.О. Белова) вариантов английского языка. Проблемам лексической контаминации в немецком языке посвящён параграф 1.6 (А.И. Едличко). Параграф 1.7 (Л.В. Кульчицкая) рассматривает опыт учебного перевода студентами языкового вуза текстов с высокой степенью метафоричности. Дискурсивный анализ репрезентации образа президента России В. Путина в американском журнале Newsweek с

2000 года по сегодняшний день (Э.Г. Меграбова) представлен в параграфе 1.8. Заключительный параграф 1.9 рассматривает проблемы межкультурной коммуникации на английском языке между представителями западной и восточной лингвокультур (С.М. Соболева).

Глава 2, *лингводидактическая*, освещает некоторые вопросы языкового образования в высшей школе. В параграфе 2.1 (М.Н. Рассоха) поднимается важный для иноязычного образования вопрос о метакоммуникации в языковом классе, рассматриваются роль и функции метаязыка в познании, а также содержание и объём метакоммуникации в языковом классе. В параграфе 2.2 (Г.Н. Ловцевич, Д.А. Марков, А.С. Трифонов) идёт речь об организации курса практической лексикографии для студентов-бакалавров, обучающихся по направлению «Фундаментальная и прикладная лингвистика». Авторы делятся успешным опытом проведения лекционных, семинарских, практических занятий и групповой проектной деятельности по созданию студентами словарей специальной лексики. Параграф 2.3 (Т.В. Винокурова, С.С. Ильина) представляет 28-летний опыт преподавания английского языка студентам совместных дудипломных российско-американской/австралийской международных программ в Дальневосточном федеральном университете. Особое внимание уделено формированию грамматических навыков, а также приёмам и методам обучения слушанию, чтению и письму.

Глава 3, *литературоведческая*, состоит из 5 параграфов, посвящённых исследованию зарубежной литературы. Повесть Флобера «Мемуары безумца» и мотив любви рассматриваются в параграфе 3.1 (Г.И. Модина). Параграф 3.2 (Е.А. Первушина) повествует о начале русской переводческой истории «Макбета» Шекспира и трагической судьбе ранних русских переводов. Параграф 3.3 (М.И. Ступницкая) обращается к теме взаимодействия литературы и кино на примере экранизации романа Патрика Модiano «Вилла “Печаль”». Параграф 3.4 (Д.Ю. Червякова) повествует о диалоге Джона Фаулза с французскими экзистенциалистами. Параграф 3.5 (М.И. Жук) обращается к мифу и времени как ключевым категориям в романе Уильяма Фолкнера «Шум и ярость».

Подобное структурирование монографии отражает направления филологических исследований, получивших импульс в Институте иностранных языков Дальневосточного государственного университета в конце прошлого столетия и продуктивно развивающихся в настоящее время.

Глава 1. Актуальные вопросы лингвистики

1.1. Лингвоконтактологические исследования на Дальнем Востоке России: история и перспективы

З.Г. Прошина

Становление новой отечественной социолингвистической парадигмы, называемой лингвоконтактологией, произошло в начале 1990-х годов, когда с поднятием железного или бамбукового занавеса расширились контакты с зарубежными странами и появилась необходимость исследования культурно-языковых контактов. Второй предпосылкой для этого явления было то, что английский язык стал средством глобального общения, и многие контакты осуществлялись именно с его помощью.

Российский Дальний Восток был особенно чуток к контактам со своими соседями, происходившим все чаще и чаще через английский язык как лингва франка, и поэтому Институт иностранных языков ДВГУ, руководителем и основателем которого была Людмила Петровна Бондаренко, не мог не откликнуться на проблемы времени. Таким образом, не удивительно, что именно в ИИЯ ДВГУ и зародилось новое направление исследования культурно-языковых контактов. Удивительно, однако, то, что на передовой оказался не центральный, а региональный вуз, и он первым принял научные тезисы, которые сегодня до сих пор многим кажутся кощунственными:

1. основная коммуникация в современном мире происходит не между носителями и неносителями языка, а между пользователями, для которых английский язык – просто инструмент коммуникации, часто неродной, но освоенный в такой степени, что коммуникация происходит успешно;

2. для того чтобы коммуникация с пользователями, также овладевшими английским как неродным, была успешной, надо ориентироваться не на язык и культуру только носителей, а знать особенности языка-посредника;

3. особенности вариантов английского как международного языка можно постигнуть только в связке языка, культуры, национального менталитета;

4. освоение китайского, корейского, японского и др. вариантов английского языка необходимо и переводчикам, и будущим педагогам.

Когда в 1990-е годы мы только начинали задумываться над этими вопросами, перед нами стояли практические вопросы: что сделать, чтобы переводчики не боялись переводить людей, говорящих с акцентом; как преодолеть трудности взаимопонимания. Естественно, для решения этих вопросов было необходимо начинать научные исследования, во-первых, в фонетическом направлении, руководить кото-

рым взяла на себя труд Л.П. Бондаренко; во-вторых, в лексикографическом, поскольку очень важно было понимать реалии и другие элементы культуры Китая, Кореи и Японии, передаваемые по-английски.

Так возникла идея переводного контактологического словаря «Перекресток» [Прошина, 2004], название которого символизировало культурно-языковой узел, сложившийся в результате контакта восточных, английского и русского языков. Первую часть словаря делала я; вторую, ономастическую, д.ф.н. Татьяна Николаевна Мельникова. Научными редакторами словаря выступили Л.П. Бондаренко и профессор Дун Чжэнминь, преподававший русский язык в Университете штата Вашингтон (г. Пуллман, США).

Далее в лексикографическом направлении провела изыскания моя первая аспирантка Н.Г. Богаченко [2003], исследование которой базировалось на многотомном Оксфордском словаре и которая показала историю заимствования восточно-азиатских слов английским языком.

Лексикографическое направление было продолжено Г.Н. Ловцевич, чья докторская диссертация «Кросскультурный терминологический словарь как словарь нового типа» [Ловцевич, 2010] выявила воздействие английского языка на русскую методическую терминологию, где заимствованные термины начинают жить своей жизнью, порою значительно отличаясь от терминов языка-донора.

Фонетическое направление развивали аспиранты Л.П. Бондаренко, в фокусе исследований которых оказались особенности слога-ритмической организации и просодии китайского [Завьялова, 2001; Полянская, 2011], японского [Белоножко, 2007], корейского [Уютова, 2004; Шевчук, 2011], вьетнамского [Пивоварова, 2005], тайского [Киритова, 2010] вариантов английского языка. Описанные в этих диссертациях дистинктивные признаки восточноазиатских акцентов впоследствии были собраны в коллективной монографии “Слог и ритм английской речи в странах Восточной и Юго-Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Япония, Вьетнам, Таиланд)” [2007], явившейся прорывным трудом в контактной вариантологии английского языка и аккумулирующей достижения Петербургской фонологической школы, к которой принадлежала Л.П. Бондаренко, научный руководитель аспирантов, и Московской научной школы межкультурной коммуникации, созданной проф. С.Г. Тер-Минасовой. Впоследствии вышла из печати еще одна монография – «Английский язык в Китае: Особенности просодического строя» [Завьялова, 2010]. Через восемь лет В.Л. Завьялова с успехом защитила докторскую диссертацию на тему: «Звуковой строй английского языка Восточной Азии: концепция регионального фонетического варьирования» [Завьялова, 2018].

Еще одно направление исследований концентрировалось на дескрипции вариантов и их функционировании. В монографии «Английский язык и культура Восточной Азии» [Прошина, 2001] рассмотрены вопросы плюрицентричности и нор-

мативности современного английского языка, дан социолингвистический очерк его восточноазиатских вариантов, включающий историю контактов английского языка с китайским, корейским и японским, в том числе в иммигрантских диаспорах, функционирования английского языка в разных сферах жизни восточноазиатских социумов, в том числе в образовании, историю латинизации в Китае, Корее, Японии; процессов англлизации восточноазиатских языков и нативизации английского языка в Восточной Азии.

Собственно лингвистическое исследование, представленное в данной монографии, направлено на характеристику заимствованных ориентализмов в английском языке, их фонографическую, грамматическую, семантическую и прагматическую адаптацию (материалом послужили тексты американского варианта английского языка). Проведенный количественный анализ показал, что наибольшее число ориентализмов имеют японское происхождение, за ними следуют китайские заимствования, и третье место принадлежит корейским реалиям, что отражает особенности культурно-языковых контактов, степень весомости той или иной культуры для англоязычного речевого социума.

Особое место в монографии занимает глава об опосредованном переводе восточноазиатских слов с английского языка, выполняющего посредническую роль, на русский, их освоение русским языком. Это научное направление впоследствии нашло свою реализацию в переводческих курсах, ряде статей (например, [Прошина, 2013, 2014; Proshina, 2005, 2018]), докладов и в учебном пособии по теории и практике опосредованного перевода [Прошина, 2005].

Завершается монография лингвокультурологическим очерком, раскрывающим восточноазиатскую картину мира через ее англоязычное восприятие русскими – таким образом, осуществлено описание третичной картины мира через язык-посредник (первичная картина мира описывается родным языком; вторичная – языком, непосредственно соотносящимся с отражающей им культурой, а третичная – картина мира третьей страны, вербализуемая языком-посредником).

После выхода в свет данной монографии труды исследователей лингвоконтактологии пополнились целым рядом новых диссертаций, среди которых были следующие: «Лексические и грамматические особенности китайской региональной разновидности английского языка» [Иванкова, 2007] (см. также ее монографию [Иванкова, 2009]); «Функционирование китайских вкраплений в произведениях американской писательницы Эми Тэн» [Лупачева, 2005]; «Гендерно маркированные номинации лиц в лингвоэтническом аспекте (на материале произведений американских авторов китайского происхождения)» [Ревенко, 2006]; «Кореизированные английские слова в корейском варианте английского языка» [Файзрахманова, 2017]; «Англоязычные эргонимы и словесные товарные знаки Японии как опосредованное отражение национальной культуры» [Крыкова, 2004]; «Языковая репре-

зентация образов восточноазиатской мифологии в англоязычных текстах» [Матвиенко, 2010]; «Лингвистическое выражение компромисса в культурах Запада и Востока через английский язык как язык-посредник» [Максимова, 2011]. Докторская диссертация О.В. Николаевой [2011] соединила два научных направления, разрабатываемые в ДВГУ: когнитивное и контактологическое; в ней наглядно продемонстрировано создание сложной картины мира при контакте языков и культур – новозеландский вариант английского языка соединил в себе картины мира пакеха, англоязычных пользователей европейского происхождения, и коренного народа маори, не считая культурно-языкового вклада других иммигрантов.

Приняв понятие вариантов в Расширяющемся круге Б. Качру [Kachru, 1985], лингвисты не могут не интересоваться своим собственным вариантом, на котором говорят они сами, их коллеги, студенты и профессионалы. Признание русского варианта английского языка оказалось самым болезненным моментом в вариантологической парадигме. Для его прояснения и возникла необходимость создания коллективной монографии «Русский вариант английского языка: История, черты и функции» [Russian English, 2016] с описанием отличительных черт русского английского и его функционирования.

Под русским вариантом английского языка понимается континуум, состоящий из акролекта, мезолекта и базилекта, в котором в той или иной степени отражаются трансферентные черты русского языка (в виде фонетического акцента, специфического использования лексики и иногда грамматических структур) и который представляет лингвокультурную идентичность русского пользователя английским языком. Акролектом называется разновидность варианта, которая близка к экзонормативной модели носителей языка и которая используется обычно в формальном контексте (в речи дикторов радио и телевидения, в англоязычных статьях русских журналистов, в выступлениях дипломатов и т.п.), но выражает при этом лингвокультурную идентичность русского человека. Мезолектная разновидность обнаруживается в неформальном контексте (кулуарные разговоры на конференциях и т.п.) и тогда, когда в формальной ситуации в силу каких-то психологических причин (стресс, усталость, взволнованность) образованный говорящий теряет в какой-то степени контроль над своей речью и делает типичные, системные и продуктивные отступления от нормы. Базилект же представляет собой гибридную форму языков, своеобразный пиджин, свойственный необразованным пользователям языка и презрительно называемый Ruslish. Фундаментальной ошибкой многих людей оказывается отождествление Ruslish с русским вариантом английского языка (Russian English), в то время как последний – намного шире по своему содержанию и его описание основано на речи образованных русских, бегло и успешно осуществляющих коммуникацию на английском языке.

Авторами коллективной монографии о русском варианте английского языка выступили исследователи из Владивостока (Е.М. Бутенина, В.Л. Завьялова,

Т.А. Иванкова, М.Г. Лебедев, Г.Н. Ловцевич), Москвы (А.А. Ионина, И.В. Крыкова, З.Г. Прошина, А.А. Ривлина, С.Г. Тер-Минасова, трое из которых – бывшие дальневосточники), Санкт-Петербурга (Е.В. Белоглазова, В.В. Кабакчи), а также зарубежные исследователи, наши бывшие соотечественники (А. Эдди, выпускница Сахалинского университета, Е. Лорик, выпускница ДВГУ, О. Лазаретная, Е. Салахян, И. Устинова).

Еще до выхода в свет монографии “Russian English” проблемы некоторых особенностей англоязычной речи русских рассматривались в кандидатских диссертациях, защищенных в ДВГУ – в частности, в диссертации В.Б. Колычевой [2004] «Универсальное и культурно-специфическое в функциональном стиле английского научного текста» и в диссертации О.Н. Сычевой [2005] «Кодовое смешение и переключение на английский язык в среде русского социума».

Читатель данной работы может упрекнуть меня в разнородности используемых терминов для обозначения поля научной деятельности: социолингвистика – лингвоконтактология – контактная вариантология. Данные термины находятся между собой в гипо-гиперонимических отношениях. Социолингвистика – широкая дисциплина, включающая в свой состав лингвоконтактологию, или лингвистику языкового контакта, как один из своих разделов, наряду с гендерной лингвистикой, вариационной лингвистикой, лингвистикой, изучающей языковую политику и др. Объект исследования лингвоконтактологии – контакты не только языков, но и культур, что делает лингвоконтактологию достаточно близкой к лингвокультурологии. Контакты языков подразумевают много аспектов, подвергающихся исследованию разными дисциплинами и теориями: теорией перевода, эрратологией, или теорией ошибок, креолистикой, изучающей креольские языки и пиджины, билингвологией, теорией кодового смешения и переключения, теорией заимствований, изучением диалектов и вариантов языков. Последнее как раз и составляет объект контактной вариантологии, которая может иметь отношение не только к английскому, но и другим плюрицентричным языкам, которые расплавляются за свой международный характер дифференциацией на варианты – своеобразная «лингвистическая цена», по выражению Б. Качру [Kachru, 1992, p. 309], за мировую известность.

Контактная вариантология, таким образом, может касаться не только английского языка, но и других языков международного общения. По аналогии с английским, контактную вариантологию немецкого языка стала разрабатывать Л.Е. Корнилова [2010], исследовавшая восточноазиатские наименования в немецком языке. Семантика политических интернационализмов в немецком, английском и русском языках обследована А.И. Едличко [2009].

Как представляется, одних предпосылок для развития контактной вариантологии было бы недостаточно – предпосылки предопределяют, но не всегда

реализуются. Для реализации научных проектов необходимы люди и их деятельность. Развитию контактологии значительно способствовало создание Дальневосточной ассоциации преподавателей английского языка (FEELTA) в 1995 г., участие коллег в конференциях, организуемых у нас в стране и за рубежом, контакты и общение с зарубежными коллегами. Особенной вехой стал двухкратный приезд во Владивосток Ларри Смита, одного из организаторов Международной ассоциации исследователей вариантов английского языка (*International Association for World Englishes*). Его лекции перед преподавателями и студентами открывали новые перспективы, заставляли смотреть на знакомые явления с новой точки зрения. Статья Л. Смита в научном сборнике «Культурно-языковые контакты» [Smith, 2008] до сих пор является откровением для многих лингвистов, поскольку в ней освещаются не только основные положения парадигмы, но также утверждается статус полноправного варианта английского языка в России, Китае, Японии и других странах Расширяющегося круга. Помню изумление Л. Смита, когда во время его первого визита во Владивосток в 2005 г. его познакомили с работами дальневосточных исследователей, которые, не опираясь в то время на работы известных в мире социолингвистов-вариантологов (поскольку литература еще была недоступна), независимо от них пришли к аналогичным с ними выводам и заключениям. Наверное, это и есть доказательство правильности курса научной мысли.

Большое значение для развития отечественной лингвоконтактологии имело и то, что исследователи регулярно могли публиковать результаты своих изысканий в печатных изданиях сборника «Культурно-языковые контакты». Печатным органом также стал издаваемый в Хабаровске журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке», филологическая тематика которого сфокусирована на соотношении языка и культуры, культурно-языковых контактах и межкультурной коммуникации. Первая статья о лингвоконтактологии была напечатана в 2005 г. Двенадцать тематических выпусков журнала были посвящены следующим темам:

- Социолингвистический контекст межкультурных коммуникаций [2009];
- Культурно-языковые контакты [2010];
- Культурно-языковая полипарадигма [2011];
- Образовательное пространство АТР [2012];
- Культурно-языковой контекст расширяющегося мира [2013];
- Локальное в глобальном: Язык, литература, методика их преподавания [2014];
- Русская культура на стыке языков и литератур [2015];
- Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов [2016];

- Дальний Восток на перекрестке культур: формирование лингвокультурной среды [2016];
- Полифония культурно-языковой среды [2017];
- Историко-теоретические взгляды отечественных переводоведов: К 100-летию дискуссии о нормативности перевода [2018];
- Язык и литература в академическом дискурсе. Обучение английскому языку в контексте глобализации [2019].

Подводя итоги, мы можем гордиться достигнутым. Сделано немало, выросло не одно поколение лингвистов, работающих в этом направлении. Дальневосточная школа лингвоконтактологии известна у нас в стране и за рубежом.

Но как всегда, статус научной школы и ее роль будут зависеть от решения ею новых задач, среди которых видится открытие новых курсов – например, лингводидактического курса «Проблемы преподавания английского как международного» (а не иностранного, что меняет всю концепцию обучения); «Опосредованный перевод». Новые научные изыскания могут быть посвящены вариативности вариантов: насколько гетерогенен, например, китайский английский: если язык неразрывен с культурой, а население Китая составляет, по официальной статистике, 56 народов и говорит на 302 языках [Ethnologue, 2019] – одинаково ли они говорят по-английски? Как влияет их этно-культурная дифференциация на язык-посредник? Аналогичная ниша открывается для русского варианта английского языка – в Российской Федерации более 180 национальностей, по переписи 2010 г., говорят на 117 языках [Там же]. Русский вариант английского языка – зонтичный термин. Чем его подварианты отличаются в произношении? Влияют ли диалекты на вариант? Какая национально-окрашенная лексика составляет их специфику? Имеет ли место непосредственное заимствование в английский язык из этнических языков Российской Федерации или это происходит через посредничество русского языка? Каков языковой ландшафт дальневосточного города в сопоставлении с городами центрально-европейской и сибирской части России? Какие языки и в каком виде представлены в языковых ландшафтах? Предстоит детальное исследование современной транслингвальной литературы на английском языке, особенно литературы, написанной писателями, эмигрировавшими с Дальнего Востока (например, бывшей магаданки Ксении Мельник – Kseniya Melnik). Наконец, очень важное направление в лингвоконтактологии – контактные варианты с другими языками, в том числе восточных языков с испанским. Это лишь малая толика еще не решенных вопросов – новые проблемы возникают в жизни по мере роста нашего интереса к культурно-языковым контактам с окружающими нас коммуникантами.

1.2. К вопросу о звуковой стороне языкового знака

В.Л. Завьялова

Философско-семиотические аспекты языка издавна волнуют умы филологов, психологов, социологов, культурологов и специалистов в других областях знания, связанных с изучением речезыковой деятельности человека. Лингвисты и философы языка от Платона до У. Эко³ исследуют природу звукового языка и его существенные свойства [Платон, 1990; Эко, 2009]. Согласно принципу различения природы и сущности языка Ф. де Соссюра, принято говорить о его онтологической двойственности: тотальной внешней обусловленности (биологической, психологической, социальной, коммуникативной), с одной стороны, и относительной внутренней автономности как знаковой системы, с другой [Иванов, 2002]. Вместе с тем, нельзя не учитывать и существование взаимной зависимости природно-сущностных свойств языка.

Несмотря на единодушное признание единства звучания и значения в семиотической модели естественного языка, в зависимости от научно-лингвистической традиции, говорят либо о произвольности, либо о мотивированности звуковой стороны языка и её связи с содержательной⁴ [Зубкова, 2010]. А.Г. Волков трактует язык как «естественный объект по онтологической природе своих элементов» [Волков, 1966, с. 12]. Материей языкового знака, как известно, служит звук – колебательное движение воздуха или другой среды, который может быть графически (вторично) репрезентирован в виде письма. В. Гумбольдт, отмечая значимость языкового звука, называл его «отражением жизни»⁵ [Гумбольдт, 1984]. А.В. Кравченко, излагая концепцию У. Матураны, приходит к выводу, что язык, будучи антропоцентричным и антропоморфным по своей природе, является «не замкнутым автономным образованием, а интегрированной частью среды, в которой живёт и действует человек» [Кравченко, 2001, с. 30–31]. Рассуждая о естественнонаучных аспектах лингвосомиозиса и отталкиваясь от знаковой природы языка, исследователь характеризует его функцию по представлению структур знания как функцию биологической системы, служащей адаптации человека к окружающей среде [Там же]. Если понимать язык как особую среду, являющуюся частью естественной среды, где проходит жизнедеятельность человека, тогда звуковую материю можно считать

³ Данная проблематика поднимается в трудах Аристотеля, И.А. Бодуэна де Куртэнэ, Ф. де Соссюра, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, А.Г. Волкова, М.А. Зайченко, А.В. Кравченко, В.П. Кульбикова, В.И. Постоваловой, А. Соломоники, Ю.С. Степанова, Н.В. Уфимцевой и других.

⁴ В данной работе не ставится задача разведения терминологического ряда *информация- значение- смысл*, поскольку в фокусе внимания автора находятся звуковые аспекты лингвосомиозиса, принципиально противопоставленные содержательным.

⁵ Звуковая форма языка понимается В. фон Гумбольдтом как идиоэтнический феномен, лежащий в основе различения языков [Гумбольдт, 1984, с. 75].

естественной субстанцией языкового знака, обладающей признаками универсальности в окружающем нас мире.

Для осмысления звуковой субстанции языка как части внешнего и внутреннего звукового пространства («звуковой среды» по И.А. Вартанян), в котором существует *Homo loquens*, целесообразно обратиться к термину *фоносфера*, введённому С.С. Шляховой по аналогии с терминами *биосфера* и *ноосфера* В.И. Вернадского и *семиосфера* Ю.М. Лотмана [Шляхова, 2006]. В представлении исследователя, фоносфера – это «некий звуковой континуум, репрезентируемый как на материально-пространственном, так и на абстрактном уровнях, заполненный разнотипными биологическими (часто неосознаваемыми), техническими и культурно-семиотическими звуковыми системами» [Шляхова, 2006, с. 14]. Семиотизация звука в знаковых системах разных уровней рассматривается (по типологии Ю.С. Степанова [Степанов, 1985, 2001]) в рамках антропо- и зоосемиотики как один из кодовых механизмов информационной связи, как составляющая социо- и биосферы, и важнейшая составляющая семиосферы. «Эти звуковые механизмы информационной связи, обеспечивающие коммуникацию как в био- и в семиосфере, так и между этими системами, можно определить как фоносферу Фоносфера, возникая на уровне биосферы, через ноосферу становится частью семиосферы, образуя многочисленные звуковые коды (музыкальный, языковой, биоакустический и др.)» [Там же, с. 14]. Областью экспликации звукового кода языка является лингвофоносфера. Лингвофоносфера, таким образом, представляет собой маргинальную семиотическую структуру, обеспечивающую переход из зоны био- и социофоносферы в семиофоносферу; иными словами, структуру, выполняющую функцию преобразования биологического звукового пространства и искусственно создаваемого в культуре звукового пространства (музыка, технические шумы) в семиотические звуковые системы [Там же]. Следовательно, онтологически можно рассматривать звуковую материю языкового знака как часть природной (звуковой) среды, используемую человеком в лингвосемиозисе для целей установления связи с окружающим миром и другими индивидами.

Понимание необходимости передачи значений языкового знака от одного индивида другому с целью их распределения и закрепления в данной культурно-языковой общности является ключевым в осознании выбора человеком звуковой субстанции для «означивания» действительности. В этой связи следует обратиться к нейропсихофизиологической трактовке эволюции процессов звукового лингвосемиозиса и звуковой интеграции людей в социуме по В.П. Кульбикову [Кульбиков, 1999]. Рассматривая звуковую интеграцию как процесс эволюционного развития функциональной системы психической деятельности человека, В.П. Кульбиков приходит к выводу, что «звуковую информацию можно представить как продукт сознания, воспроизведенный на уровне нейрофизиологических структур – моделей звуковых обра-

зов головного мозга» [Там же, с. 9]. По мнению исследователя, формирование звукового образа психической деятельности человека происходило следующим образом: первобытный человек находился под постоянным воздействием звуковых полей; в процессе звуковой интеграции с окружающим миром и себе подобными человеческими существами формировались важные понятия, абстрактные представления о внешних предметах; через звук и звуковую интеграцию между первобытными людьми происходило развитие и формирование способностей человека к объективации [Там же, с. 11].

Для головного мозга человека, согласно учению И.П. Павлова о сигнальных системах, звук является сигналом, стимулирующим сложные химические процессы в нервных клетках, при этом «данный внешний агент» сам ничего не совершает в организме, хотя активизирует комплекс физиологических процессов, подготавливающих организм к тому, что еще когда-то последует [Анохин, 1968, с. 195]. «При формировании второй сигнальной системы происходит отбрасывание случайных, несущественных, вариативных компонентов и объективный мир отражается в его обобщенной форме с учетом существующих связей и отношений» [Спивак, 1986, с. 3]. Как отмечает В.П. Кульбиков, способность живых существ объективировать звуковое поле следует отнести к развившейся способности нервной системы трансформировать энергетические импульсы космоса в психоэнергетические, и, посредством отдельных мышечных тканей организма, в собственные звуки, и наоборот: вызываемые импульсы колебательной энергии звуковой волны (в рецепторах) трансформировать в психоэнергетические импульсы [Кульбиков, 1999, с. 17]. В ходе последнего процесса вызванные звуковой волной колебания трансформируются в слуховом анализаторе (в проводящих путях слухового нерва⁶) в электрические импульсы, которые поступают в слуховые зоны мозга, формируя слуховые ощущения. Поскольку звук является и результатом и инструментом нейропсихической деятельности человека, сам человек – в общей системе социально-психической деятельности людей – представляет собой индивидуальную структуру, построенную по модели организации функциональных систем и взаимодействующую с другими подобными системами в процессе звукоинформационного обмена [Кульбиков, 1999, с. 66]. Всё вышесказанное подтверждает существующее в современном языкознании положение об интерпсихичности⁷ звукового языка, т.е. его распределённости в сознании носителей языка.

В свою очередь, способность звука служить проводником в процессе звукоинформационного обмена между людьми [Жинкин, 1982] основывается на психо-

⁶ С точки зрения нейрофизиологии задача нервной клетки состоит в том, чтобы принимать информацию от клеток, которые её передают, суммировать и интегрировать эту информацию, а также доставлять её другим клеткам [Хьюбел, 1990, с. 14].

⁷ См. подробнее [Cowley, 2006].

физической «спаянности» звука и значения в языковом знаке: идеальный звук и значение языковой единицы находятся в отношениях взаимной детерминации. Исходя из философского понимания речи как «озвучивания действительности», вслед за М.А. Зайченко, мы полагаем, что «в самой акустической природе звука, в нашем восприятии его уже заложено представление о наличии значимости» [Зайченко, 2010, с. 125]. Речезыковой звук трактуется нами как звук, осмысленный человеком в результате личного чувственно-психического опыта взаимодействия с окружающей средой и обмена языковым опытом в данном культурно-языковом сообществе. Признавая, что идеальный языковой знак инкорпорирует значение в звуковом образе [Соссюр, 1933], и разделяя положение о том, что смысл воплощен в звуковом теле слова [Лосев, 1999], можно говорить о диалектике озвученного смысла и осмысленного звука в языковом знаке. Признание существования такой связи предполагает, что любое изменение звукового тела слова влечёт за собой изменение передаваемого словом значения и наоборот. В то же время именно свойство психофизической спаянности знаковых единиц языка – «кирпичиков» языкового сознания индивида – обеспечивает возможность «извлечения» и передачи значения, «сублимированного» в звуке, другому индивиду в данном культурно-языковом сообществе посредством реально-акустической звуковой субстанции.

Уникальное свойство семиотизированного звука – способность существования в материальном и быть отражённым в идеальном, т.е. в языковом сознании человека, – позволяет считать его нагруженным полифункционально. Звук выступает одновременно и в качестве идеального носителя значения в языковом знаке, и в роли медиатора, или «передаточной субстанции» языкового знака («знаконосителя», в терминах А.В. Кравченко) в реальном акте речевой деятельности. «Перекодировка ментальной репрезентации ... в речевую (дискурсивную) и наоборот ... происходит посредством синхронизации акустического образа языкового знака и реального артикуляторно-акустического речевого сигнала, способных активировать семиотически связанные с ними смыслы в сознании говорящего и слушающего» [Завьялова, 2014, с. 136].

Таким образом, можно утверждать, что, пройдя фазу семиотизации, речезыковой звук обеспечивает переход смысла из сферы идеального через значение языкового знака в сферу материального и обратно в процессе речезыковой деятельности. Иными словами, через языковой знак, телом которого является слово в звуковой форме, человек способен осуществить переход от внутренней смысловой структуры мысли к внешней структуре формального языка, обеспечивая тем самым «возможность взаимопонимания с другими носителями данной культуры» [Уфимцева, 2010, с. 15]. При этом «именно фонетика как материальная экспликация языковой системы обеспечивает принадлежность человеческого языка к высшей форме семиотической системы, причём системы открытого характера, подда-

ющей влиянию, воздействию и детерминации со стороны других семиотических систем» [Тулеева, 2010, с. 3].

Связь слова с его звуковой формой и конкретным значением, закреплёнными в данном культурно-языковом коллективе, является необходимым условием доступа к языковому сознанию – ментальному лексикону и языковой семантике – при восприятии речи на любом языке. «Ментальный лексикон – это система, отражающая в языковой способности знания о словах и эквивалентных им единицах и выполняющая сложные функции, связанные как со словами, так и со стоящими за ними структурами репрезентации знаний» [Кубрякова, 1997, с. 97]. Основным признаком ментального лексикона является динамизм, поскольку «это динамическая функциональная система, самоорганизующаяся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами» [Залевская, 1999, с. 154]. В нейролингвистических исследованиях признаётся, что лексическое «представление» слова проявляется в коре головного мозга в виде нейронной сети, поэтому именно связи между группами нейронов в задействованных корковых областях призваны реализовывать семантические взаимоотношения между внешней формой слова и описываемым им действием [Штыров, Пулфермиллер, 2008]. Значимость звуковой оболочки слова при обращении к ментальному лексикону доказывается в когортной теории восприятия речи, ключевым положением которой считается перцептивная значимость фонетической оформленности начала слова. По данным Е.В. Ягуновой, «распознавание слов осуществляется слева направо, то есть начальный сегмент речевого сигнала проверяется на совпадение с соответствующими начальными сегментами единиц ментального лексикона» [Ягунова, 2008, с. 43]. Согласно данной модели «начальный сегмент сигнала активирует множество единиц словаря, содержащих этот сегмент как начальный, и происходит выдвижение гипотез о слове и формируется когорта» [Там же].

Говоря о процессах языковой семиотизации звука и роли звуковой формы языковых единиц при обращении к ментальному лексикону, нельзя оставить без внимания вопрос о становлении фонетико-фонологических категорий родного и неродного языков. Формирующийся в филогенезе универсальный психоакустический модуль обеспечивает преднастройку частного фонетико-фонологического подмодуля конкретного языка, который складывается в раннем онтогенезе. Этот процесс можно описать, по данным А.В. Венцова и В.Б. Касевича, следующим образом: дети в раннем возрасте «осуществляют в пространстве наличного сенсорного материала активный поиск информации, которая может быть перекодирована в некоторое символическое представление, отвечающее системе данного языка» [Венцов, Касевич, 2003, с. 55]. При этом задача когнитивного расчленения постоянно меняющегося акустического образа слова на дискретные составляющие с воз-

возможностью их последующего группирования и рекомбинации в другие акустические образы решается в возрасте 4-5 лет [Лепская, 1997].

Как показывают исследования в области билингвизма, при освоении второго языка происходит изменение языкового сознания, сформировавшегося в контексте родного языка, причём значительные усилия требуются именно для развития фонематического слуха – способности анализировать и синтезировать речевые звуки по постоянным признакам, свойственным фонемам изучаемого языка. В нейролингвистическом направлении сегодня активно исследуются способы «организации двух языков в мозге человека, процессов, происходящих в коре головного мозга при изучении языков, модификаций модели церебральной организации в ситуации билингвизма» [Вишневская, 1993, с. 29]. При этом считается, что формирование речезыкового модуля второго языка функционально и нейроанатомически базируется на использовании тех же структур мозга, что и первоначальное развитие речи [Perani, Abutalebi, 2005], что объясняет возможность появления иностранного акцента при говорении на неродном языке. Это может быть вызвано сравнительной прочностью связей фонологической сети с узлами сети семантической в речемыслительных процессах билингва, в которых, по мнению И.Г. Овчинниковой, «узлы семантической сети активируются за счет более прочных связей с фонетической сетью родного языка» [Овчинникова, 2009, с. 48]. Недостаточная сформированность чёткости фонологических контрастов в иностранном языке, необходимых для возможности передачи закреплённых за ними значений в процессе общения людей, размытость которых определяется близостью формируемых вторичных языковых (звуковых) образований и автоматизацией обращения человека к первичной языковой системе, снижает степень точности и скорости обращения к ментальному лексикону, а значит – передачи смыслового сообщения и его понимания при общении на неродном языке. С другой стороны, экспериментально доказано, что по мере становления вторичной языковой системы, увеличивается скорость доступа к ментальному лексикону родного языка через звуковые стимулы начала слова, т.к. билингвы развивают большую мозговую пластичность по сравнению с монолингвами (см., напр. [Bialystok et al, 2012]). Учитывая роль звуковой стороны в процессах языковой семиотизации в онтогенезе и существование прочных нейронных связей между звуковым и лексико-семантическим образами элементов ментального лексикона очевидна значимость постоянной отработки слухо-произносительных навыков языка для успешного речевого взаимодействия.

Всё вышеизложенное позволяет заключить, что звуковая материя является естественной биоантропогенной субстанцией, используемой человеком посредством семиотизации в информационном обмене с другими представителями данного языкового сообщества. Подобная трактовка речезыкового звука позволяет объяснить не только закономерность выбора звуковой формы языка как

обусловленной естественным влиянием звуковой природы, частью которой является человек, но и её исключительную значимость для языковой объективации и социализации человека. При этом следует отметить, что звуковое восприятие окружающего мира и его семиотизация отличны у разных народов мира, что позволяют говорить, как отмечает С.Г. Тер-Минасова, наряду с уникальной картиной мира, о явной и отчётливой национально-специфической «симфонии мира» [Тер-Минасова, 2007, с. 66]. Фонетико-фонологический модуль языка, включающий инвентарь звуков и способов их сочетания при формировании звуковых оболочек языковых знаков, является ключом к семантике данного языка и – шире, к культурной картине мира его носителей. Представляется важным подчеркнуть особую роль речезыкового звука как культурно-обусловленного звукового кода доступа к языковому сознанию человека, обеспечивающему его формирование и функционирование. Более того, речезыковой звук выполняет функцию медиатора поддержания устойчивости и, в то же время, динамики языкового сознания данного языкового коллектива. Фонетико-фонологическая категоризация может рассматриваться как процесс и результат звуковой объективации опыта взаимодействия человека с окружающим его миром и культурно-языковым социумом, выполняющей через систему языковых значений адаптационную (биологическую) и интеграционную (культурную) функции.

1.3. О спорных вопросах просодической типологии разносистемных языков (на примере корейского языка)

Е.В. Уютова

В области просодической фонологии к настоящему времени накоплен большой фактический материал, освещающий словесную просодию языков различных групп и семей. Однако следует отметить, что вопросы глобального типологического анализа фонологических систем морфологически дифференцированных и генетически разнотипных языков мира с позиций просодической фонологии мало исследованы. Типологическая проблематика, чрезвычайно популярная в отечественной и зарубежной лингвистике ещё последних декадах прошлого столетия, сегодня, на наш взгляд, лишена должного внимания со стороны исследователей. Между тем, столь актуальные в современное время межязыковые исследования в области языковой вариантологии и лингводидактики не могут и не должны, по нашему твёрдому убеждению, обходиться без обращения к типологическому материалу. Обращение к данным языковой типологии в работах о речевой просодии тем более актуально в свете развития современного подхода интегрального описания языка [Хромов, 2000].

Каждый язык имеет свой просодический «ключ» и свой, свойственный только ему тембр звучания. Просодическое устройство слова – своего рода «национальная одежда» типологически различных языков – определяет основную специфику речевых интонаций. Именно по этой специфике речь распознается как принадлежащая к языку определённой просодической типологии: например, речь на языке со слоговыми тонами, на языке со словесным ударением, на языке с преимущественно временной организацией слова, на языке сингармонического типа.

Применительно к двухсложному и многосложному слову термин *просодическое устройство*, *просодия слова* традиционно понимается как устройство вокалической части слова, установление сложившихся в данном языке взаимоотношений вокалических частей слогов слова, формируемых основными физическими (акустическими) характеристиками речевого звучания (частотой основного тона, интенсивностью, длительностью).

Нормативно-произносительные взаимоотношения слогов в слове в каждом языке свои, и они не могут быть нарушены без нарушения произносительной нормы данного языка. Наибольшие различия в принципе просодического устройства наблюдаются в типологически различных языках.

В лингвистической литературе обычно называются и с разной степенью обоснованности доказательства рассматриваются пять типов (принципов) просодического устройства слова в языках мира: 1) языки со словесным ударением; 2) тоновые или тоновые языки; 3) языки с сингармоническим устройством слова; 4) языки с правилами временных отношений слогов в слове; 5) языки, совмещающие тоновое устройство слова с ударением. Такая классификация предложена в работе М.К. Румянцева, посвященной исследованию просодии слова в типологически разных языках [Румянцев, 2003]. По мнению С.В. Кодзасова, исследовавшего вопросы типологии просодии в языках разной ареальной и генетической принадлежности, базовые просодические схемы, которые можно потенциально встретить в языках мира сводятся к четырем: 1) тональная структура; 2) сочетание тона и ударения; 3) динамическая структура; 4) анакцентность [Кодзасов, 2002]. Наиболее развернутая классификация просодических систем предложена в фундаментальной работе В.Б. Касевича «Фонологические проблемы общего и восточного языкознания» [Касевич, 1983, с. 181–186]. Данная классификация построена на основании использования трех бинарных признаков: А – релевантность/иррелевантность просодической характеристики каждого слога; В – релевантность/иррелевантность места ударения; С – релевантность/иррелевантность качества ударения. В соответствии с классификацией В.Б. Касевича, выделяющей семь классов языков, **английский язык** относится к VI классу языков, для которых релевантно только место ударения, т.е. позиция ударного слога в слове. Признаком самостоятельности,

цельнооформленности английского слова является наличие в нём ударения преимущественно динамического (часто смешанного) типа.

Перечисленным типологическим концепциям нельзя отказать в основательности и большой объяснительной силе, однако они ни в коей мере не могут быть признаны исчерпывающими. По-прежнему существуют многочисленные языки, факты словесной просодии которых недостаточно изучены. К таковым, в частности, относится **корейский язык**. Вопрос о просодическом соотношении слогов в корейском слове заинтересовал автора данной работы в ходе диссертационного исследования, посвященного описанию вариантологических произносительных особенностей английской речи носителей корейского языка [Уютова, 2004]. Исследование выполнялось на кафедре фонетики Института иностранных языков ДВГУ и носило прикладной характер; результаты планировалось использовать для создания комплексного пособия, знакомящего переводчиков с произносительной спецификой восточноазиатских вариантов английского языка. Теоретическим основанием для исследования послужил сопоставительный анализ фонологических систем английского и корейского языков. Анализ проводился на разных фонологических уровнях: сегментном и супraseгментном. В ходе данного исследования остро встала проблема определения статуса корейского языка в просодической типологии. Ни в одной из имеющихся в лингвистической литературе классификаций просодических систем нет ссылки на факты корейского языка, которые иллюстрировали бы тот или иной тип (принцип) просодического устройства слова. Причиной тому является, безусловно, слабая изученность проблемы корейской словесной просодии. Кроме того, следует учитывать тот немаловажный факт, что в корейском языке на разных стадиях его эволюции существовали слоговые тоны и сингармонизм. В этом – уникальность словесной просодии корейского языка и, несомненно, сложность ее исследования.

«Романтическое» определение корейского языка как языка – «призрака» в просодической типологии ни в коей мере не может удовлетворить пытливого исследователя. Учитывая, что корейский язык не является ни тональным⁸, ни (в полной мере) сингармоническим, уместно ожидать для него релевантности такой фонологической характеристики как акцентность. Отметим, что мнения лингвистов (как индоевропейцев, так и ориенталистов) в значительной степени противоречивы. В ходе собственного исследования мы убедились, что нередко об ударении в корейском языке делаются прямо противоположные заключения, что в значительной степени осложняет задачу систематизации теоретического материала. Неслучайно корейские лингвисты называют эту область исследований корейского языка «минным полем» (*mine field*).

⁸ Современный корейский язык не принадлежит к числу тональных языков. Несмотря на то, что в литературе часто можно встретить упоминание о корейских тонах, их функционирование относят к раннему, средневековому состоянию языка (см., например, [Ho-Min, 1994]).

В целом существует две различные точки зрения. Согласно первой из них, которой придерживается большинство авторов, современный корейский язык использует именно ударение как особое фонологическое средство на уровне слова. При этом выдвигаются различные предположения относительно природы ударения, его акустических коррелятах, позиции в слове [Мазур, 1997; Бен Енг Сук, 2000; Park, 2004; Athanasopoulou & Vogel, 2016]. Другая точка зрения объединяет авторов, ставящих под сомнение фонологичность словесного ударения в корейском языке [Румянцев, 2003; Касевич, 2003].

Резюмируя весь исследованный общетеоретический, методический, дескриптивно-описательный, экспериментальный материал по интересующему нас вопросу, мы пришли к ряду выводов, которые ни в коей мере не претендуют на императивность:

1) Нам представляется, что факты наличия сингармонизма на более ранних этапах развития корейского языка заслуживают пристального внимания при рассмотрении проблемы эволюции просодического устройства корейского слова. Несмотря на то, что в современном корейском языке сингармонизм носит остаточный характер, возможно, его функционирование оказало определенное влияние на особенности акцентной системы. Корейский язык агглютинативен; словоформа корейского языка – это единица, с грамматической точки зрения обладающая слабовыраженной внутренней цельностью, поскольку она состоит из относительно самостоятельных элементов – корня и связанных служебных слов или аффиксов, каждый из которых несет свою семантику и функцию. В описанных условиях возникает необходимость в особом фонетическом оформлении агглютинативных единиц, способствующих их цельности. Именно эту задачу в языках агглютинативного типа и выполняет такое фонологическое средство как сингармонизм [Щербак, 1970; Золхоев, 1980]. С точки зрения речепроизводства сингармонизм выполняет консолидирующую функцию, с точки зрения восприятия – обеспечивает сегментацию текста на словоформы и их вероятностную идентификацию. Известно, что абсолютное большинство языков, в которых наличие ударения сомнительно – это сингармонические языки (тюркские, тунгусо-манчжурские и некоторые другие) [Логинава, 2002]. Признается, что словесное ударение в этих языках, если оно и существует, играет вспомогательную роль, находится в состоянии компенсации с сингармонизмом, характеризуется слабой выраженностью, отсутствием смысловоразличительной функции.

2) При рассмотрении сложнейшего вопроса об отнесении конкретного языка (в нашем случае – корейского) к определенному просодическому типу приходит мысль о том, что, возможно, назрела необходимость кардинально изменить подход к исследованию просодии корейского слова. Рациональным мы находим подход к обсуждаемой проблеме Л.Г.Зубковой, которая предлагает начинать исследование

словесного ударения «с факта установления наличия данной категории в исследуемом языке, что требует привлечения для анализа фразового материала» [Зубкова, 1976, с. 51]. Применительно к звуковой форме слова Л.Г. Зубковой разработаны так называемые принципы интегрального описания, предполагающие зависимость фонологической типологии слова от грамматического строя языка. Л.Г. Зубкова обосновывает грамматическую мотивированность словесной просодии языка, утверждая, что звуковая форма слова как структурированная целостность отражает 1) единство универсальных, групповых и индивидуальных свойств языка; 2) иерархический характер его уровневой структуры.

Данная позиция представляется обстоятельной. До недавнего времени ударение рассматривалось с разных точек зрения автономно – как свойство фонетического слова, как характеристика словоизменительной парадигмы, как компонент фразовой интонации. Л.Г. Зубкова обращает внимание исследователей на то, что ударение – есть в первую очередь словесная характеристика, а, следовательно, его свойства определяются свойствами самого слова в системе языка» [Зубкова, 2002, с. 129]. Из этого следует, что при выявлении наличия, природы и функций словесного ударения в конкретном языке необходимо учитывать семиотический статус слова и его положение в системе языковых единиц относительно единиц более высокого ранга (предложений), относительно единиц того же ранга (слов), относительно единиц более низкого ранга (морфем). При этом важным является сам тип языка, определяющий – в соответствии с его положением на шкале лексичности/грамматичности – соотношение значащих единиц друг с другом и их характер (степень сложности и постоянства морфемного строения словоформы).

Функционирование просодических средств (в частности, словесной просодии) выявляет единство языка через взаимокompенсаторную связь между планом содержания и планом выражения, между парадигматикой и синтагматикой [Зубкова, 1997, с. 77–78]. Чем проще значащая единица (в данном случае слово) в синтагматическом плане, тем больше значений она может иметь и тем актуальнее ее парадигматическое различие с помощью средств просодии. Так, например, английский язык, в котором на современном этапе действует тенденция к «лексикализации» (морфологическая неизменяемость слова, использование служебных слов и порядка слов в предложении как средств выражения грамматических отношений, конверсия) [Солнцев, 1995], на уровне слова использует ударение как особое фонологическое средство, обладающее высокой степенью функциональной нагруженности (конститутивная, выделительная, дистинктивная функции английского ударения).

Напротив, чем сложнее синтагматическое строение значащей единицы, тем проще ее семантическая парадигма, тем вероятнее однозначность, и тогда необходимость в дополнительных просодических средствах либо ограничивается, либо вовсе отпадает [Зубкова, 1997]. Так, корейский язык представляет собой язык

«грамматического» типа с весьма развитой и сложной морфологической структурой слова, обилием самых разнообразных грамматических форм. Словообразующие и формообразующие средства корейского языка «внешне» и «внутренне» гораздо самостоятельнее, чем в других языках (не только флективных, но и многих агглютинативных); он не «соединяются», не «спаиваются» с корнями, а только следуют за ними, причем границы, как правило, очень отчетливы. С большой степенью уверенности можно предположить, что перечисленные строевые особенности корейского языка неслучайным образом коррелируют с просодическим устройством корейского слова.

3) Изучение словесной просодии корейского языка представляется возможным с привлечением опыта, наработанного лингвистами в сопоставительных экспериментально-фонетических исследованиях [Ingram & Park, 1992; Бондаренко, 1999; Уютова, 2004; Park, 2004; Kang, 2008]. Несмотря на то, что целью упомянутых научных работ чаще всего является выявление фактов интерференции на супрасегментном уровне, могут быть получены результаты, способствующие более глубокому пониманию природы просодических явлений в сопоставляемых языках. Опыт нашего исследования особенностей акцентно-ритмической структуры английской речи носителей корейского языка позволил нам получить ряд интересных наблюдений. В частности, в ходе слухового, аудиторского и инструментального анализа английской речи корейцев были выявлены множественные нарушения супрасегментного характера, связанные с некорректной реализацией словесного ударения. Было установлено, что специфика просодического устройства слова в корейском языке оказывает интерферирующее влияние на акцентно-ритмическую организацию английской речи носителей корейского языка. Следствием этого влияния, например, является создание избыточного ударения в слове, а иногда – акцентное выделение каждого слога и «чеканное» произнесение слова в целом. Просодическая композиция слова английского языка, характеризующаяся в норме выраженным контрастом ударных и безударных слогов с характерной количественной и качественной редукцией безударных гласных, в речи корейских дикторов подменялась слабоконтрастным, размытым, специфически корейским типом словесной просодии. Данное заключение подтверждается результатами осциллографического и спектрального анализа изолированных слов и слов в составе фразы английского языка в реализации корейских дикторов. Специфика просодических взаимоотношений слогов в слове английского языка характеризуется незначительными различиями по длительности, отсутствием контраста по интенсивности и ЧОТ. Спектральные различия между гласными ударных и неударных слогов в словах английского языка в реализации корейских дикторов также не столь отчетливы, как в эталонном варианте. Характер перечисленных нарушений настолько специфичен, что в ходе слухового анализа аудиторам

было зачастую трудно определить, какой из слогов английского слова в корейской реализации является выделенным.

4) На данный момент автор работы склонен солидаризироваться с мнением тех отечественных и зарубежных лингвистов, которые в результате своих исследований приходят к убеждению, что в типологическом плане корейский язык может быть отнесен к акцентным языкам лишь с большой степенью условности [Чой Сун Ми, 1996; Пак Су Бин, 1997; Бен Енг Сук, 2000; Румянцев, 2003; Касевич, 2003]. Собственный исследовательский опыт также дает нам веские основания выразить сомнения относительно наличия в корейском слове словесного ударения как просодического противопоставления одного (выделенного) слога другому (невыделенному). Возможно, применительно к корейскому языку корректнее говорить не об ударении (поскольку, строго говоря, этот термин подходит только к тем языкам, в которых отмечается сильный просодический контраст между ударным и безударным слогами, как, например, в языках типа английского, русского, польского и им подобных), а о некоем произносительном просодическом ранжире слогов в слове. При этом нельзя сбрасывать со счетов еще один важный фактор, особенно часто упоминающийся в работах корейских лингвистов по просодии, а именно – фактор «тяжести»⁹ слога. Просодический «вес» слога в слове в корейском языке определяется не только по его вокалической части, но также и по консонантной. Но в этом случае уместнее говорить не о просодическом, а, скорее, о *сегментно-просодическом* устройстве слова, поскольку тот или иной просодический ранжир слогов в слове создается не только вокалическим звучанием, но и консонантным [Бен Енг Сук, 2000; Румянцев, 2003].

5) В процессе изучения проблемы словесной просодии в корейском языке нам часто приходила мысль о том, что описать данное уникальное явление с использованием существующей в индоевропеистике традиционной терминологии – задача чрезвычайно непростая. Очевидно, что решение вопросов, связанных с местом корейского языка в просодической типологии, невозможно без участия в нем ориенталистов, так как индоевропеисты свое слово, кажется, уже сказали. Иных причин такого застоя в типологических исследованиях просодии корейского языка, на наш взгляд, нет. Неслучайно апелляция к восточно-азиатским языкам стала в общем языкознании обычным делом, когда материалы разноструктурных языков приходят в противоречие с традиционными теориями.

⁹ «Легкий» слог – это слог с одноморовой рифмой (она состоит из краткого гласного); «тяжелый» слог – слог с двуморовой рифмой (она включает либо долгий гласный, либо гласный, прикрытый конечным согласным) [Кодзасов, 2001].

* * *

Хотелось бы выразить глубокую признательность талантливому лингвисту, мудрейшему научному наставнику, замечательному человеку Л.П. Бондаренко, совместно с которой (под ее руководством) мы провели ряд экспериментов по изучению произносительных особенностей корейского варианта английского языка. Результаты этой работы послужили импульсом к размышлениям, постановке новых задач и поиска их решений, о которых шла речь в данной работе. Своим вдохновением при написании работы автор во многом обязана теплым воспоминаниям о том прекрасном времени, когда коллектив молодых ученых кафедры фонетики Института иностранных языков ДВГУ увлеченно трудился над единым проектом, посвященным описанию произносительных особенностей английской речи носителей восточно-азиатских языков и языков ЮВА. Та замечательная атмосфера, тот научный трепет, объединяющий нас в те годы, мог быть пробужден к жизни только бесстрашным, самоотверженным и бесконечно преданным своему делу Ученым, способным вдохновить нас своими идеями и передать нам в дар свой бесценный опыт служения науке о Языке.

1.4. Маркеры синтагмораздела при смысловом членении в корейской региональной разновидности английского языка

Н.М. Запорожская

Проблемам, связанным с функционированием английского языка в Корее, в отечественном языкознании до сих пор уделялось мало внимания. Однако в настоящее время известен факт экстраполяции английского языка и культуры в корейское общество. Английский язык является основным иностранным языком в системе образования Кореи, и его изучение считается важным для большей части населения полуострова. В связи с этим исследование фонетической структурированности составляющих звучащего текста приобретает еще большую актуальность.

Исследования на материале различных языков позволили установить комплекс акустических параметров, используемых говорящим для выражения просодической и интонационной информации. В качестве ведущих выступают частотные характеристики, физические паузы, энергетические характеристики, временные характеристики, изменения темпа речи и их комбинации. Модификация частоты основного тона (ЧОТ) передает информацию о степени семантической выделенности слов и фраз, маркирует коммуникативный тип фраз. В фонетических исследованиях принято различать объем и направление частотного интервала. Объем интервала определяется либо в полутонах, либо в процентах. Направление частотного

интервала может быть положительным, отрицательным и нулевым. Частотный интервал является отрицательным, если на анализируемом участке первая величина ЧОТ больше второй. В противном случае, то есть если первая величина из двух сравниваемых меньше второй, ЧОТ определяется как положительный. Если ЧОТ не имеет различий, то говорят о нулевом интервале [Потапова, 2003, с. 282].

Надежным средством членения на синтагмы является пауза, поддерживаемая обычно мелодическими, темпоральными и динамическими сигналами [Бондарко, Вербицкая, Зиндер, 1988, с. 146]. Поскольку пауза многофункциональна, ее можно рассматривать с разных точек зрения: положения во фразе или синтагме, характера длительности, временной заполненности, направления действия паузы.

Для обнаружения границ в рамках текста временные и энергетические характеристики играют немаловажную роль. Реализация сегментных и супraseгментных единиц невозможна без существования временной составляющей. Продолжительность междарных интервалов в речевом фрагменте возрастает на синтаксически обусловленных границах между синтагмами и фразами. В то же время уровень интенсивности указывает на наличие границы синтагмы и фразы в потоке речи. Кроме того, замедление темпа речи, свойственное концу предложения, также относят к средствам разграничения смысловых отрезков речевого континуума.

Таким образом, универсальными маркерами синтагмораздела могут выступать следующие показатели: 1) физическая пауза; 2) изменение направления частоты основного тона; 3) удлинение последнего ударного слога синтагмы; 4) изменение уровня интенсивности; 5) темп речи; 6) синтагматическое ударение и другие.

Автором исследования был проведен эксперимент по производству синтагматического членения английской фразы носителями корейского языка (КорЯ), в котором приняли участие 27 носителей корейского языка (Сеульский диалект): 11 женщин и 16 мужчин в возрасте от 17 до 37 лет, студенты и преподаватели университетов Республики Корея. В целях корректного проведения эксперимента отбор испытуемых осуществлялся в соответствии с принципом максимальной однородности группы по ряду факторов, одним из которых был уровень владения английским языком (АЯ). Все информанты были разделены на две подгруппы: 1) с незначительной степенью отклонения от нормы – с акролектальным уровнем владения АЯ (10 человек); 2) со средней степенью отклонения от нормы – с мезолектальным уровнем владения АЯ (17 человек).

Поскольку данная работа не позволяет изложить результаты всего эксперимента, остановимся более подробно на одной из задач исследования, которая заключалась в установлении просодических маркеров синтагмораздела английской фразы в реализации дикторов-носителей корейского языка. Оптимальным для исследования просодии английской речи носителей корейского языка на уровне фразы нам представлялся анализ трансференционного варианта (ТВ), в нашем исследо-

вании это речь корейцев на АЯ, в сопоставлении с эталонным вариантом (ЭВ), который представлен речью носителей американского варианта АЯ.

Известно, что синтагматическое ударение служит для квантования высказывания на синтагмы. Во всех языках оно носит фиксированный характер, так как ассоциировано с последним словом синтагмы [Касевич, Шабельникова, Рыбин, 1990, с. 106]. Данное явление положительным образом характеризует английскую речь носителей КорЯ. Однако в экспериментальных фразах нашего исследования зачастую фиксировались случаи нахождения интонационного центра высказывания на последнем слоге синтагмы (с увеличением его просодических характеристик, таких как длительность, ЧОТ и интенсивность) в отличие от эталонной фразы, для которой характерно появление дополнительных безударных слогов, выступающих в роли энклитик в конце синтагмы/фразы. Отметим, что энклитические слоги в английской синтагме/фразе произносятся максимально слитно, с высокой степенью компрессии в отличие от английской речи корейцев, которая характеризуется большим числом ударных слогов в синтагме/фразе. Таким образом, ритмическая изохронность английской фразы нарушается по причине акцентного произнесения безударных слогов/слов, и, как следствие, происходит трансформация временного контура фразы в сторону его увеличения. Перцептивно ритм рассматриваемой фразы в реализации ее диктором-носителем КорЯ характеризуется выраженной слогосчитающей тенденцией, которая свойственна корейскому речевому ритму. Данное явление заставляет нас констатировать, что речь носителей корейского языка характеризуется переносом навыков акцентуации и ритмизации при производстве английских фраз.

Кроме того, в реализации английских синтагм дикторами-американцами, как правило, имеет место один акцентный центр – слог, несущий синтагматическое ударение, к которому интонационно тяготеют остальные безударные и слабоударные слоги. Следовательно, для ЭВ характерна синтагма с одним акцентным центром в отличие от английской фразы, реализованной дикторами-корейцами, для которой типичными являются многовершинные синтагмы, характеризующиеся менее четкой интонационной организацией в силу своей многовершинной акцентной структуры.

Данные результатов слухового, аудиторского и электроакустического видов анализа по реализации английских фраз различной протяженности носителями корейского языка подтверждают, что такой маркер просодической делимитации речи, как пауза, действительно активно используется в процессе говорения корейцами. Однако подчеркнем, что паузальное синтагматическое членение является основным, но не единственным средством синтагматического членения в английской фразе носителями КорЯ. По результатам эксперимента, наряду с паузой, были выявлены такие маркеры синтагмораздела, как удлинение последнего слога синтагмы, положительный, отрицательный и нулевой частотные интервалы (таблица 1).

Из таблицы видно, что для носителей КорЯ преобладающим видом синтагмораздела является паузальный. Обе подгруппы информантов (I и II) используют физическую паузу как основное средство делимитации речи на смысловые группы (41% и 52% соответственно). Удлинение последнего слога синтагмы также принадлежит одному из основных средств внутрифразовой демаркации у испытуемых дикторов-корейцев (27% и 21% для I и II подгрупп соответственно). Появление данного маркера синтагмораздела в качестве основного продиктовано законами просодического оформления корейской фразы, для которой значимыми являются темпоральные характеристики речи. Тональный стык внутри фраз оформляется, в основном, положительным частотным интервалом (I подгруппа – 23%, II подгруппа – 17%). Оформление синтагматических швов отрицательным и нулевым частотными интервалами (2% и 3%) не играют существенной роли в реализации синтагматического членения в английской речи носителей корейского языка.

Таблица 1

**Процентное соотношение маркеров смыслового членения
в реализации английских фраз носителями корейского языка (%)**

Маркеры синтагмораздела в процентном соотношении (% – средний показатель)					
Информанты	Физическая пауза	Удлинение последнего слога синтагмы	Положительный частотный интервал	Отрицательный частотный интервал	Нулевой частотный интервал
Подгруппа I	41%	27%	23%	7%	2%
Подгруппа II	52%	21%	17%	7%	3%

Данные, полученные нами в ходе анализа, во многом совпадают с результатами ранее проведенных исследований просодической организации синтагмы в русском и корейском языках [Бен Енг Сук, 2000], а также слога-ритмической структуры английской речи носителей корейского языка [Уютова, 2004]. Сопоставительный анализ основных просодических характеристик синтагматического членения в трансференционном и эталонном вариантах АЯ дает основание говорить о следующем:

- 1) синтагматическое членение английской фразы носителями корейского языка обусловлено спецификой просодических и синтактико-семантических особенностей первичной языковой системы, то есть системы корейского языка;
- 2) нарушения в акцентно-ритмической структуре английской фразы в реализации носителями корейского языка влияют на смысловую целостность фразы;
- 3) количественно-слоговой состав английских синтагм в речи корейцев превышает количественно-слоговую структуру данного отрезка речи в эталонной реализации.

В заключение хотелось бы отметить, что в английской речи носителей корейского языка наблюдается тенденция к значительному увеличению времени звучания синтагм-фраз. К факторам, способствующим увеличению длительности синтагм можно отнести различного рода паузы, в частности, хезитации, возникающие перед консонантными сочетаниями, многосложными словами, увеличение длительности звучания служебных слов, безударных слогов в многосложных словах. Слоговую длину синтагм можно рассматривать в качестве дополнительного дифференцирующего признака в случае увеличения протяженности синтагмы. В этом случае в речи информантов наблюдается ритмическое членение, свойственное ритмическим моделям родного языка, и увеличивается роль пауз как пограничных сигналов.

* * *

Так сложилось, что моя научная судьба тесно связана с профессором Л.П. Бондаренко. Мы знакомы, как сейчас принято говорить, с нулевых годов текущего столетия, когда я приехала из родного города поступать в аспирантуру Института иностранных языков ДВГУ. Именно Л.П. Бондаренко тогда поддержала меня и приняла участие в определении направления моих научных исследований, определив мою дальнейшую судьбу в научной и профессиональной сферах. Возглавляя ИИЯ ДВГУ, Л.П. Бондаренко способствовала формированию концептуальных подходов к изучению фонетических аспектов проблемы регионального варьирования английского языка в Дальневосточной фонетической школе. На протяжении многих лет, являясь заведующей кафедрой фонетики английского языка, она инициировала проведение аспирантских встреч, семинаров и международных конференций, где мы имели возможность обсудить концепции и планы своих кандидатских диссертаций, участвовать в научных дискуссиях, познакомиться друг с другом, наладить научные контакты с коллегами из других стран. Выражаю глубокую признательность Людмиле Петровне за отзывчивость и сострадание к тем мукам творчества, с которыми неизбежно связано стремление проникнуть в тайны лингвистической науки. Я благодарна ей за помощь, которую она оказала мне не только как научный руководитель, но и как мудрый и опытный товарищ и наставник.

1.5. Нарушения консонантных модификаций в связной акцентной речи (на материале восприятия английской речи китайцев русскоязычными билингвами)

М.А. Колесниченко

М.О. Белова

Основной целью любого коммуникативного процесса является обеспечение понимания информации участниками коммуникации. Эффективность общения напрямую зависит от совпадения объемов информации, которая передается между адресантом и адресатом. Согласно исследованию С.А. Сухих и В.В. Зеленской [Сухих, 1998], в процессе речевого общения понимается только 30 % входящей информации, в то время как другая ее часть утрачивается. В случае межкультурной коммуникации вследствие культурных и лингвистических отличий коммуникативные сбои, ведущие к потере информации, будут еще более значительными.

При нарушении участниками коммуникации основных принципов организации процесса общения можно говорить о «коммуникативной неудаче», под которой понимают «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, такой «сбой» в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения» [Агапова, 2004, с. 53], что означает «неосуществление или неполное осуществление коммуникативных намерений говорящего» [Городецкий, 1985, с. 69]. Сбои в коммуникации могут быть результатом разных причин лингвистического и экстралингвистического характера.

Отдельной темой исследования, осуществляемого на стыке таких дисциплин как фонетика, лингвоконтактология, психолингвистика и межкультурная коммуникация, является изучение многочисленных коммуникативных сбоев, вызванных трудностями восприятия акцентной речи.

В каждом языке существуют определенные схемы организации отдельных звуков в слоги, слогов в ритмические структуры, ритмических структур в синтагмы, фразы, сверхфразовые единства, тексты, которые в случае контактирования языков в большей степени обуславливают выход за пределы допустимых фонетических реализаций и становятся причиной коммуникативных неудач. Коммуникативные сбои могут быть связаны с ошибочной артикуляцией со стороны говорящего на неродном языке или с несовершенным механизмом восприятия со стороны слушающего, а также с соотношением этих процессов.

В связи с ежегодно увеличивающимся количеством студентов из Китайской Народной Республики, приезжающих в высшие учебные заведения России для изучения русского и английского языков, а также с укреплением главенствующей роли английского языка в качестве посредника межкультурного общения представителей разных стран,

в частности, России и Китая, изучение проблемы восприятия китайского акцента в английском языке русскоязычными билингвами становится особенно актуальным.

Китайские студенты, изучающие английский язык в языковых вузах России, при овладении фонетической системой английского языка находятся в ситуации трехсторонней интерференции. Данный тип интерференции естественным образом ведет к появлению ошибок во втором иностранном языке, что является результатом влияния норм как родного, так и первого иностранного языка, а в ряде случаев и внутриязыковой интерференции в пределах второго иностранного языка. Изучая развитие навыков и умений аудирования у русских студентов-востоковедов, изучающих английский язык, С.В. Говорун отмечает, что принцип учета искусственного субординативного трилингвизма реализуется в том, что русский язык, играет основную роль в парах русский-«восточный» и русский-английский. В паре «восточный»-английский ведущая роль отводится восточному языку [Говорун, 2016]. Однако ситуация, когда английский язык выступает как посредник в коммуникации между русскими билингвами, для которых китайский язык незнаком, и китайцами, говорящими на английском языке, приводит к другой модели восприятия, где доминирующую роль в ряде случаев играет именно английский язык, а не родной русский.

Согласно одной из гипотез о механизмах восприятия звучаний в речевом сигнале считается, что в специальном запоминающем устройстве долговременной памяти для каждой сегментной и супraseгментной единицы речи формируются определенные слуховые образы и правила сравнения с ними, обеспечивающие способность различать звуки, слова, предложения и более крупные речевые сегменты каждой фонетической единицы и сочетаемости единиц [Венцов, Касевич, 1994]. В процессе общения воспринимаются звучания, которые совпадают с эталонами перцептивной базы родного языка, или которые лишь напоминают их [Потапова, 2003, с. 67]. По мере овладения иностранным языком слуховые образы подвергаются изменениям. Все признаки, присущие языку, для иностранного слушателя новы и неизвестны и требуют не развития, а формирования, базирующегося на особенностях фонетической системы иностранного языка [Тимина, 2003]. Изучение иностранных языков требует перестройки речевого слуха и создания в запоминающем устройстве мозга эталонов для новых звуков, отличных от звуков родного языка. В процессе восприятия англоязычной речи китайских дикторов русскоязычные билингвы полагаются на сформированную у них перцептивную базу английского и русского языков, поскольку не имеют представления об особенностях артикуляции и модификации звуков китайского слога. Еще раз отметим, что при этом родная звуковая система не обязательно выступает опорой успешного восприятия на слух речи на английском в процессе коммуникации между русскими и китайскими билингвами.

Известно, что особенности построения речи при ее порождении сказываются на восприятии и, таким образом, в условиях контактирования дистантных языков

приводят к появлению различного рода вариантов, обусловленных, в свою очередь, правилами, действующими в контактирующих языках на уровне фонем, их соединений, слогов, слоговых последовательностей и т.д. Восприятие звуковых сигналов может вызывать трудности, так как говорящий часто модифицирует звуки, что приводит к ошибочному декодированию звукового сообщения. Фонологические модификации включают такие явления, как ассимиляция, элизия (опущение слога или гласного звука в начале или в конце слова), интрузия. В разговорной речи в быстром темпе подобным модификациям подвергаются практически все слова. Слушающий, основываясь на фонетической стороне устной речи, делает умозаключения и понимает звуковое сообщение.

Так как в рамках данного исследования изучается восприятие английской речи китайцев, необходимо подробнее остановиться на тех изменениях звуковых характеристик слогов китайского языка, которые могут оказывать влияние на английскую речь китайцев. Е.С. Суван-оол отмечает, что для китайского языка характерны такие типы модификации звуков как ассимиляция, редукция, назализация и прибавление звука. Ассимиляция может в равной степени затрагивать как согласные, так и гласные звуки, порождая их уподобление в потоке речи [Суван-оол, 2012]. Согласно Н.А. Спешневу, в китайском языке при описании уподобления согласных звуков следует говорить только о регрессивной ассимиляции, которая может быть полной или частичной [Спешнев, 1980]. Например, переднеязычные согласные перед заднеязычными и губно-губными согласными становятся соответственно (частично) заднеязычными и губно-губными: 什么 *shénme* → *shémme* «что», 电报 *diànbào* → *diàmbào* «телеграмма», 很好 *hěn hǎo* → *hěng hǎo* «очень хорошо». Существует также озвончение полувзвонких согласных в интервокальном положении: 来吧 *lái ba* «иди (сюда)». Причиной качественных и количественных модификаций звуков в связной речи выступают не только правила комбинаторики, но и просодия языка, в частности, ударение и темп речи. Очевидно, что редукции в большей степени подвержены гласные. Тем не менее, ослабление артикуляции наблюдается и у согласных китайского языка, оказавшихся в безударном слоге. При частичной редукции у смычных согласных происходит ослабление взрыва, и согласный приобретает некую аффрицированность или вообще может стать щелевым. Кроме того, у согласных при редукции сокращается воздушность, что для китайского языка означает потерю придыхательности. Сильная редукция звука часто приводит к полному его исчезновению или элизии: 你们 *nǐmen* → *nīm* «вы». При быстром темпе произнесения может произойти исчезновение конечного сонанта: 半拉 *banlā* – *balā* «половина, пополам». Назализация в китайском языке наиболее характерна для гласных, стоящих перед заднеязычным сонантом *ŋ* и переднеязычным *n*, которые при быстром темпе речи редуцируются или сокращают-

ся, а предшествующий гласный назализуется. Это очень характерно для сочетаний an, ang, en: 藍 *lán* [la] «синий», 狼 *láng* [la] «волк», 很 *hěn* «очень» в 很好 *hěn hǎo* → *hé hǎo* «очень хорошо» [Суван-оол, 2012].

Специфические характеристики артикуляционной базы фонетической системы китайского языка обуславливают недопустимые фонетические изменения, связанные со стремлением китайцев, говорящих на английском языке, оптимизировать произносительные усилия и приспособить их к принципам фонетической организации речи в родном языке. Наиболее важными для нашего исследования являются следующие особенности китайского языка:

1. Фиксированное сочетание звуков в пределах слога (финаль может состоять из одного гласного или дифтонга (простая финаль), или из медиали, слогового гласного, конечного согласного (сложная финаль); в конечной позиции финали могут находиться носовые смычные имплозивные сонанты (переднеязычный или заднеязычный) [n, ŋ]). Последовательность звуков в китайском слоге строго закономерна и их количество не может превышать четырех. Слог полного состава в китайском языке всегда начинается с согласного звука, затем следуют неслогообразующий гласный, слогообразующий гласный и в конце слога – конечный полугласный. Возможность выражения смысла в китайском языке при помощи только сегментных единиц (в данном случае – слогов) сильно ограничена.

2. Недопустимость консонантных кластеров в пределах одного слога.

3. Отсутствие слогообразующих сонантов.

4. Преобладание открытого типа слога.

Данные характеристики китайского слога ограничивают число допустимых слоговых комбинаций. В отличие от русской и английской артикуляции звуков для значительной части китайских звуков в начальной и конечной позиции присущи сильное фонационное дыхание и гораздо большая степень напряженности речевого аппарата. Помимо этого, для систем трех рассматриваемых языков характерно наличие звуков, схожих по звучанию, но отличающиеся по способу и месту образования или по воздействию, оказываемому ими на звуки, находящиеся рядом с ними в потоке речи, а также звуков, которые не имеют аналогов в рассматриваемых языках. Известно, что сильное интерферирующее влияние происходит именно вследствие схожести звуков, когда из-за подстраивания правил артикуляции изучаемого языка под родной уклад органов речи возникают фонетико-фонологические ошибки. Например, носители китайского языка испытывают сложности с межзубными щелевыми [θ] и [ð], заменяя их альвеолярными щелевыми [s] или [z]. Часто китайские студенты заменяют английские согласные, составляющие минимальную пару, каким-то одним звуком. Например, в китайском языке звук [v] является аллофоном [w], и замена одного другим не ведет к перемене смысла. В английском же языке китайцы путают эти звуки, что приводит к появлению слов типа ['wɪldʒ] и ['vɪndəʊ] вместо

village и *window* [Нап, 2013]. Английский и русский языки относятся к консонантному типу в отличие от китайского языка. Существенным отличием, в частности, от русского языка (поскольку аудиторы в данном исследовании русскоязычные билингвы) является то, что в китайском языке такие дифференциальные признаки согласных фонем, как глухость–звонкость, мягкость–твёрдость, не являются характерными [Малышев, 2018].

Поскольку многие китайские студенты плохо владеют русским языком, они часто используют английский в общении со своими сверстниками и преподавателями. Сравнительно-сопоставительные исследования фонетико-фонологических систем русского, английского и китайского языков [Каверина, 1998; Бондаренко 2006; Huang, 2009; Нап, 2013], пилотный фонетический эксперимент¹⁰, а также собственный опыт обучения носителей китайского языка английской фонетике позволяют выделить основные сложности восприятия английского произношения носителей китайского языка русскоязычными билингвами, учитывая фонотактические различия в слоге и особенности модификации согласных звуков в связной речи в рассматриваемых языках.

1. Недопустимость согласного или согласных кластеров в конце слога в китайском языке приводит к тому, что китайцы добавляют гласный после английских взрывных [p], [b], [t], [d], [k] и [g]: *lot* – ['hɒtə], *good* – ['gudə], *cap* – ['kæpə]. Если данные звуки находятся в начальной позиции в слове, трудностей в их артикуляции практически не возникает. Согласно нашим наблюдениям, [ə] обычно следует после [t], [d], [k] и [g], а [ʊ] после [p] and [b]. Это обусловлено влиянием фонетико-фонологических правил китайского языка, в котором именно звук [ʊ] реализуется в слогах [pʊ] и [bʊ].

2. [ŋ] – назализация. Данное явление в английской речи китайцев реализуется в словах со звуками [ɹŋ], [aʊŋ], как например, в *son* и *fun* или *town*, которые произносятся как [sɹŋ] [fɹŋ] [tɹŋ]. В китайском языке сочетание /au/ с последующими финальным [ŋ], [ŋ] назализируется. Ничего похожего мы не обнаружим, если сонанту [ŋ] будут предшествовать гласные [i:], [u:] как, например, в словах *lean* или

¹⁰ В пилотном эксперименте приняли участие 15 студентов-филологов 3 курса, обучающихся по профилю «Преподавание филологических дисциплин (английский язык) ДВФУ. Дикторы-китайцы являются студентами-бакалаврами по специальности английский язык Харбинского политехнического университета. На первом этапе русским студентам было предложено прослушать и записать 15 образцов английской речи дикторов-носителей китайского языка. Аудиозаписи представляли собой образцы неподготовленного чтения повествовательного текста (до 75 слов). Каждый студент работал индивидуально в наушниках со своим образцом. В случае непонимания фрагмента аудиотекста было предложено транскрибировать услышанное, дать перевод и/или комментарий. Разрешалось прослушать проблемный участок текста не более двух раз. На втором этапе было организовано совместное прослушивание всех дикторов и проведен общий анализ фонетической стороны речи каждого из дикторов с точки зрения понимания речи и сложностей её восприятия. Полученные данные анкет и устных комментариев позволили сделать предварительные выводы, представленные в рамках данного исследования.

spoon. Во-вторых, сочетание звуков [eɪn] как в словах *pain*, *train* представляет собой еще одну сложность для китайцев: [eɪ] заменяется на более открытый [ɛ] и слова звучат как [pɛn] [tɾɛn]. В сочетаниях с не сонантами [eɪ] вполне успешно реализуется в речи китайских дикторов.

3. Нарушения реализации сонантов [m], [l] и сочетаний согласных с сонантами:

- Реализация [m], [l] в конце слова. Одним из вариантов финали китайского слога могут быть носовые звуки, выраженные комбинацией простого гласного с конечным переднеязычным n (-en, -an) или заднеязычным ng (-ang, -eng) [Суван-оол, 2012]. Как результат, слова типа *beam*, *wool* не распознаются, так как в реализации китайцев звучат как [bi:n], [u:ə].

- Реализация [pl], [bl], [tl] в начале или середине слова или слога (*blame*, *Scotland*, *blue*). Происходит вставка [ə] в данные сочетания или выпадение [l]. Например, *blue* [bu:], *Scotland* ['skotə'land]. Выпадение бокового сонанта делает слово неузнаваемым, а отсутствие бокового взрыва не приводит к непониманию.

- Вокализация [l]. В связи с отсутствием в китайском языке закрытого типа слога китайские дикторы не артикулируют конечный [l], превращая гласный монофтонг в дифтонг [ou] или монофтонг [ə] – *girl* [gou], *call* [kou], *talk* [tou], *cool* [kuə]. [l] в начальной позиции произносится без сложностей. Данное нарушение существенно меняет облик слова и в ряде случаев даже контекст.

4. Оглушение конечного звонкого. Для русскоязычных билингвов оглушение конечной звонкой согласной является типичным признаком родного русского языка. Тем не менее, в условиях языкового контакта, где английский выступает как посредник в коммуникации между русскими и китайцами, данная фонологическая особенность русского языка не способствует успешному пониманию английской речи китайцев. Слова *bags*, *cheese* и *peas* в сочетаниях *three red bags*, *blue cheese* и *fresh peas* были декодированы как *backs*, [tɪfɪs] и *piece* несмотря на то, что основная тема монолога была осмыслена верно: китайский диктор описывала покупки в магазине. Однако понять, что она купила, русскоязычные студенты не смогли. Оглушение звонких согласных в реализации щелевого взрыва в слове *kids* [kɪdz] также привело к непониманию данного слова в контексте высказывания. Слушающие декодировали его как [kɪts], предположив, что дикторы-носители китайского языка неверно употребляют английское *kitten*. Только объяснение того, что носители китайского языка оглушают конечные звонкие в потоке английской речи, помогло успешно декодировать данные фразы.

5. Нарушение артикуляции кластеров. Кластеры в начале слова китайские дикторы артикулируют достаточно корректно, а в конце слова и в середине происходит ряд нарушений. Например, английское слово *attracts* [ə'træktɪz] может иметь следующие реализации в речи китайских студентов: [ə'træz] – выпадение кластера в конце

слова; [ə'træks] – выпадение согласного в составе кластера; [ə'trækits] – вставка гласного в кластер; [ə'tʃræks] – замена согласного в кластере. Для речи китайских дикторов характерно отсутствие двойной ассимиляции, например *twenty* [tu'enti], *travel* [tə'levə]. При этом замена звуков [r] --> [l] привносит еще большие затруднения в понимание смысла слов. Нарушения реализации кластеров могут существенно затруднять понимание английской речи китайцев русскими билингвами.

6. Замена согласных звуков [θ] --> [t] / [d] и [s] / [z], [w] --> [v] в начальной позиции в слове не приводит к коммуникативному сбою. Возможно, это связано с такими же типичными ошибками в английской речи русских билингвов, а также с тем, что в нашем материале не было минимальных пар как: *thin-tin-sin-fin*, где подобные замены могли бы стать причиной коммуникативного сбоя. Замена же звуков [θ] --> [f]/[v], [r] --> [l], [ʃ] --> [s], а также замена вышеуказанных звуков в конце слова затрудняет понимание английской речи китайцев, иногда приводит к полному непониманию *bath* --> [bas], *wash* --> [wos].

Таким образом, национально-культурная специфика вербального поведения студентов из КНР в совокупности со специфичностью артикуляционной базы и фонетическо-фонологической системы китайского языка по отношению к английскому и русскому языкам, безусловно, приводит к большому количеству нарушений фонетического оформления связной английской речи китайцев, а следовательно, к многочисленным коммуникативным сбоям при восприятии акцентной английской речи китайцев русскоязычными студентами. Фонологически значимой при восприятии слов в потоке английской речи носителей китайского языка русскими билингвами является позиция конца слова, оканчивающегося на звонкий согласный (сочетание согласных). Именно в конечной позиции в слове происходят существенные нарушения фонетического облика слова, которые приводят к коммуникативному сбою. Кроме того, реализация кластеров в начальной и конечной позиции в слове вызывает трудности восприятия смысла слов или фраз в целом. Особенно это касается сочетаний согласных наиболее сложных для китайских дикторов с точки зрения правил фонотактики в их родном языке.

Русскоязычные респонденты, анализирующие английскую речь китайских дикторов, оценивают ее как очень акцентную, ошибочную. Они отмечают, что отклонения в произношении, вызванные фонетической интерференцией, не только приводят к ошибочному или неполному восприятию или значительно затрудняют его, но и звучат смешно, и могут вызывать раздражение у воспринимающего эту речь на слух. Не имея представления о правилах артикуляции и модификации звуков китайского слога, русскоязычные билингвы полагаются на сформированную у них перцептивную базу английского и русского языков. Однако не всегда родная звуковая система доминирует в осуществлении выбора при распознавании на слух речи на английском как посреднике в коммуникации между русскими и китайскими билинг-

вами. Очевидно, что правильно сформированные произносительные и перцептивные навыки в английском языке могут выступать опорой и залогом успешного понимания речи на слух в коммуникации носителей английского языка. С точки зрения лингводидактики можно подчеркнуть значимость следующих способов решения проблем устранения коммуникативных неудач в общении на английском языке как посреднике: во-первых, многократные предъявления образцов звучания носителей английского языка и разработка стратегий и комплексов заданий, связанных с восприятием различных образцов акцентной английской речи; во-вторых, качественная постановка английской артикуляции и произношения с учетом принципа осознанного отношения к значимости фонетической стороны речи в международном общении. Это особенно актуально в полилингвальных группах и в ситуации, когда иностранные студенты выбирают российский вуз или вуз другой страны, чтобы изучать английский язык для профессиональных целей.

1.6. Лексическая контаминация в немецком языке: статус и типологические особенности

А.И. Едличко

Когда мы видим/слышим классический учебный пример контаминантных словосочетаний типа *«играет значение < играет роль и имеет значение»* [Бельчиков, 1990, с. 238], ср. нем. *«das spielt keine Bedeutung < das spielt keine Rolle und das hat keine Bedeutung»* [Barz, 2005, S. 679], то понимаем, что нарушаются определенные языковые нормы. Именно поэтому как лексическая, так и синтаксическая контаминация долгое время рассматривалась как нарушение языкового и коммуникативного стандарта.

По типу взаимодействующих языковых единиц ученые различают узкое и широкое понимание термина «контаминация». К первому виду относят лексическую, морфологическую, фразеологическую и синтаксическую контаминацию, т.е. в основании типологии лежит признак принадлежности лингвистической единицы к определенному уровню языка или классу языковых единиц. Широкое понимание данной категории позволяет выделить следующие разновидности контаминации: 1) фонетическую (как причину возникновения аффрикат); 2) морфемную (как следствие наложения морфем); 3) словообразовательную (как результат использования разных деривационных способов в пределах одного слова); 4) гибридную [Ефанова, 2015, с. 15–16]. Если научные наблюдения над лексической и синтаксической контаминацией начались еще в XIX в. и постепенно приобрели систематический характер (см. ниже историю исследования проблематики), то другие подвиды данного фено-

мена, к примеру, на фонетическом уровне, стали объектом изучения совсем недавно. Фонетическую контаминацию ученые считают «следствием словообразовательной модели стяжения, в результате чего возникает новая речевая единица, по своему звуковому составу напоминающая узуальное слово, но не идентичное с ним» [Лаврова, 2012, с. 16]. По нашему мнению, в случае с контаминацией в области фонетики речь может идти не только о звуках, но и о различных средствах просодии (ударении, ритме и т.д.), особенно при анализе данных категорий в диатопических (конкретнее – региональных) вариантах языка. Именно при контактировании языков контаминанты могут реализовываться в разных видах: «синкретизме (последовательном соединении элементов); аппликации (наложении); амальгамации («соскальзывании» с одной конструкции на другую в процессе речи)» [Пекарская, 2003, с. 269].

Исследования в области звукового строя и «ритмическо[го] строения[я] английской речи носителями <...> восточных языков» [Бондаренко, 2006, с. 138], которые проводились в рамках сформированной лингвоконтактологической школы Дальневосточного государственного университета (ныне ДВФУ)¹¹ непосредственно профессором Людмилой Петровной Бондаренко и под ее руководством, были, на наш взгляд, пионерскими в отечественной лингвистике, см.: [Бондаренко, 1999; Бондаренко, 2006; Слог и ритм ..., 2007; и др.]. Рассматривая специфику звуков и своеобразии слогоритмической организации английской речи носителями китайского, корейского, вьетнамского и других языков, Л.П. Бондаренко выявляла и анализировала проблемы, связанные со звуковой и просодической интерференцией, фактически заложив основы изучения контаминантов, возникающих в результате фонетической интерференции при контактировании современного *lingua franca* и языков Юго-Восточной Азии. Контаминация представляет собой не только «устойчивый тип внутриязыковой интерференции» [Розанова, 2009, с. 69], она может проявляться и на межъязыковом уровне, о чем свидетельствует появление многочисленных гибридных лексических контаминантов в настоящее время.

В российской лингвистической традиции наряду с традиционным термином *контаминация* используется ряд синонимичных наименований: *телескопия*, *скрепление*, *скрещивание*, *словослияние*, *словосмешение*, *вставочное словообразование*, *блендинг* и др. Результатом этого процесса выступают *контаминанты*, или *телескопические образования*, *слова-телескопы*, *телескопные слова*, *искусственные слова*, *слова-гибриды*, *слова-портмоне* [Лейчик, 1966; Ахманова, 2004; Лаврова, 2012; Ефанова, 2016; и др.]. В немецком языке также наблюдается терминологическая вариативность: *Amalgam / Amalgamierung(sform)*, *(Wort-)Kontamination*, *Kontraktion*, *Blending*, *Kofferwort*, *Klappwort*, *Kreuzungswort*, *Portmanteau-Bildung*,

¹¹ См. подробнее о формировании и развитии лингвоконтактологической школы Дальневосточного государственного университета [Прошина, 2005].

Portmanteauwort / Portmanteau-Wort, Teleskopwort, Wortkreuzung, Wortmischung, Wortverschränkung, Wortverschmelzung, Zusammenziehung, (haplogologische) Wortzusammenziehung / haplogologische (Wort-)Zusammensetzung [Glück, 2000; Steinhauer, 2000, S. 7; Müller, 2009, S. 24; Fleischer, Barz, 2012, S. 93; и др.]. Такое терминологическое многообразие указывает на неоднозначность интерпретации и на негомогенный характер исследуемой лингвистической категории.

Одни ученые относят контаминацию (*Kontamination*) к типам композитообразованию, называя его также *Kreuzung* (пересечение) [Maurer, 1933, S. 13, 95], *Wortkreuzung* (пересечение слов), *Wortverschmelzung* (слияние слов), *Wortmischung* (смешение слов) [Henzen, 1957, S. 15 f., 249, 255; Donalies, 2002, S. 92]. И. Барц рассматривает *Wortkreuzung*, *Kontamination* и *Wortverschmelzung* как равноценные «нетипичные, периферийные словообразовательные типы» [Barz, 2005, S. 677]. Другие исследователи проводят демаркационную линию между терминами и считают, к примеру, *blending* (блендинг) и *Wortmischung* (смешение слов) продуктивной словообразовательной моделью, а *Kontamination* (контаминацию) – одним из видов девиации [Hansen, 1963]. Однако несмотря на широкий прагматический потенциал, композиты такого типа не обладают словообразовательными возможностями и не могут служить в качестве словообразовательной модели из-за наличия тесной семантической связи двух компонентов [ср. Вуßmann, 2008, S. 368]. Э. Роннебергер-Зибольд относит *Wortkreuzung* (пересечение слов) к словотворчеству, а контаминациями (*Kontaminationen*) она называет, вслед за другими учеными, оговорки [Ronneberger-Sibold, 2005]. На наш взгляд, целесообразно пользоваться закрепившимся частотным термином *Kontamination* (контаминация < лат. *contaminatio* смешение), внутренняя форма которого соотносится с процессом, отраженным в семантике используемых эквивалентов.

В научный обиход термин *Kontamination* (*Contamination*) был введен известным немецким германистом Германом Паулем в работе «Принципы истории языка» (1880), во втором издании которой данному явлению была посвящена целая глава [Paul, 1886, S. 132–139]. Пауль рассматривает контаминацию как когнитивный процесс, в ходе которого «в сознании в результате одновременного проникновения двух синонимичных форм выражения» [Ibid., S. 132] происходит их объединение, смешение элементов обеих форм и возникновение третьей формы. При этом Пауль указывает, с одной стороны, на индивидуальный характер контаминации и ее отнесенность к определенному моменту, подчеркивая мимолетность, мгновенность явления. С другой стороны, ученый говорит и об узуальном потенциале контаминации при повторных употреблениях новой лингвистической единицы. В случае лексической контаминации в процессе словосмешения участвуют слова одной этимологической группы [Ibid.]. Анализ многочисленных примеров из немецкого, латинского, греческого и других языков позволяет автору сделать вывод о наличии как лексической, так и синтаксической контаминации, см. об этом также [Paul, 1919].

Дальнейшие изыскания немецких авторов были связаны с исследованием роли данного явления как словообразовательного феномена в системе немецкого языка и с проблемой терминологической номинации процесса и результата контаминации [Maurer, 1933; Hansen, 1963; Elsen, 2008; Friedrich, 2008; Barz, 2010; и др.].

В советской германистике первые попытки изучения контаминантных образований (*Kontaminationsbildungen*) как результата одного из способов словообразования были предприняты в 1935 г. [Saleshsky, 1935]. В качестве примеров приводились не только слова, группы слов, но и предложения, при этом контаминация понималась как оговорка («eine Art Versprechen oder Verlesen» [Там же. С. 43]), которую может допустить любой говорящий. Таким образом, явлению приписывался индивидуальный характер: результат контаминации рассматривался как языковая ошибка, отклонение от языковой нормы. В последующие годы в научный оборот вводятся термины *Контрактура* и *Кларпворт*, контаминация определяется как периферийный способ словообразования существительных в немецком языке [Степанова, 1953, с. 201]. Если ранее ученые указывали на «немногочисленность контаминированных образований и ограниченную сферу их употребления» [Хомутская, 2007, с. 55], то в настоящее время мнение исследователей меняется [Лаврова, 2014; Малышева, Коноплева, 2015; Golodow, 2013; и др.], поскольку контаминанты довольно частотны в современных языках.

Анализ дефиниций термина позволяет выделить существенные признаки исследуемого явления [Бельчиков, 1990, с. 238; Пекарская, 2003, с. 269; Ахманова, 2004, с. 206; Баранов, Добровольский, 2006, с. 88; Лаврова, 2012, с. 34–62; Barz, 2005, S. 677–279; Glück, 2000; Gries, 2004; Ronneberger-Sibold, 2005; Elsen, 2008; Steinhauer, 2010, S. 7–10; Fleischer, Barz, 2012, S. 93–94; и др.]. Согласно определениям, контаминация:

- является взаимодействием и объединением, как правило, двух (или более) языковых единиц;
- представляет собой процесс образования новой (третьей) языковой единицы – слова, словосочетания или выражения;
- формирует «общий элемент» [Fleischer, Barz, 2012, S. 93] в структуре образованного контаминанта;
- способствует тому, что языковые элементы имеют смежные зоны «либо в ассоциативном, либо в синтагматическом ряду» [Ахманова, 2004, с. 206];
- приводит как к формальному изменению соприкасающихся единиц (нередко при усечении минимум одного элемента), так и к их семантической модификации;
- способствует перераспределению семантических функций между членами синтаксических конструкций (у одного из элементов словосочетания/предложения появляется новое значение в результате взаимодействия языковых единиц);
- может носить окказиональный характер (контаминанты являются чаще всего явлением речи) либо стать узальной категорией (на уровне языковой системы);

– является причиной девиации (как следствие оговорки) на парадигматическом или синтаксическом уровнях;

– может использоваться намеренно с номинативными или стилистическими интенциями (например, в названиях произведений художественной литературы, медиа, рекламе и т.д.).

Явление контаминации может наблюдаться не только на уровне языка, но и на речевом уровне. В этом случае говорят о *контаминированной речи*, которая относится скорее к явлениям коммуникативной девиации, т.к. под такой речью подразумевается «ненормативная речь, подверженная интерференции родного языка, часто создающая помехи для успешной коммуникации; ломаная речь иностранца» [Жукова и др., 2013, с. 350].

Значительный потенциал структуры немецкого языка, которая «открывает широкие возможности для конструирования и переконструирования слов из существующих основ и аффиксов» [Розен, 2000, с. 15], способствует появлению целого ряда контаминантов, нередко образующих аналогии по определенной модели. Например, структуру и финальную часть слова *Motel* < англ. *motorist+hotel* повторяют лексемы *Botel* ‘гостиница на воде’, *Novotel* ‘гостиница на въезде в город’, *Aerotel* ‘гостиница в аэропорту’. При этом большинство таких лексем носит окказиональный характер, например: *Erotel* (= *Stundenhotel Eros*), *Zotel* < *Zelt+Hotel*, *Tourotel*, *Eurotel*, *Kulturotel*, ср. [Розен, 2000, с. 21]) и др. Однако часть слов кодифицируется лексикографически, ср.: *Bürotel* (Hotel, das seinen Gästen für die Abwicklung ihrer Geschäfte auch Büroräume zur Verfügung stellt [Duden-online-Wörterbuch]; ‘гостиница с комнатами и офисами’), *Aquatel* (Hotel, das anstelle von Zimmern oder Apartments Hausboote vermietet [Duden-online-Wörterbuch]; ‘лодка-отель, ботель’) и др.

Анализируя частеречную принадлежность контаминантов в современном немецком языке, исследователи называют существительное самой частотной категорией. В качестве примеров можно привести ставшие уже нормативными существительные *Eurasien* < *Europa+Asien*, *Bionade* < *Bio+Limonade*, *Ostalgie* < *Ostdeutschland+Nostalgie*, *Denglisch* < *Deutsch+Englisch*, *Brunch* < *breakfast+lunch* и др., в которых оба компонента – инициальный и финальный – несут смысловую нагрузку [Едличко, 2017, с. 110]. Количество других частей речи (прилагательных, глаголов, наречий, частиц) составляет небольшую часть: *airleben* < *air+erleben*, *irrlichterloh* < *Irrlicht+lichterloh* [Fleischer, Barz, 2012, S. 94], *flexomatic* < *flexible+automatic*, *wanderbar* < *wandern+wunderbar*, *fürchterbar* < *fürchterlich+furchtbar*, *jein* < *ja+nein*, *nebenanders* < *neben+anders* и др.

Подчеркивая в целом ненамеренный характер образования контаминантов, ученые указывают также на наличие лексических единиц, которые создаются сознательно, намеренно [Elsen, 2008, S. 114; Barz, 2010, S. 143] с целью реализации различных функций:

–людической, или игровой: *hyäßlich* < **Hyäne**+*häßlich*;

–сатирико-иронической, например, при использовании прозвища Ганса Айхеля, министра финансов ФРГ 1999–2005 гг., – *Sparminator* < **sparen**+*Terminator* или контаминантного антропонима *Merkozy* < **Merkel**+*Sarkozy* в политическом дискурсе;

–аттрактивной, или функции привлечения внимания: *porNO*;

–нормативно-стилистической, ср. смешение литературной лексики и диалектизмов: *Deichsel* – *Geigsei* – *Geisel* [Maurer, 1933, S. 84];

–языковой экономии: *smog* < **smoke**+*fog* и др.

В группе намеренно создаваемых контаминантов («intendierte Kontaminationen» [Barz, 2010, S. 143]), выделяются единицы не только на морфологическом, но и на фразеологическом уровнях. В качестве примеров контаминантных фразеологизмов И. Барц называет трансформированные устойчивые сочетания, например: *Entgegen allen Beteuerungen laufen wir Gefahr, auf das Auslaufmodell „Nationalstaat“ zu setzen und den europäischen Zug der Zeit zu verpassen* [Ibid., 2010, S. 147]. В приведенном примере *den europäischen Zug der Zeit verpassen* наблюдается наложение словосочетания *den Zug verpassen* ‘опоздать на поезд’ и фразеологизма *Zug der Zeit* ‘тенденция эпохи, признак времени’.

Различные принципы выделения слов способствуют типологизации лексических контаминантов, которая является открытым множеством. Рассмотрим некоторые виды классификаций. **Генетический**, или **этимологический принцип** позволяет выделить следующие виды лексических контаминантов:

–автохтонные (например: *lockerlich* ‘раскованно, но уверенно’ < **locker**+*sicherlich*), *gruscheln* ‘приветствовать кого-л. очень дружелюбно’ < **grüßen**+*kuscheln* и др.;

–заимствованные (как правило, из английского языка): *Brunch* ‘бранч’ < **breakfast**+*lunch*, *Digicam* ‘дигитальная камера’ < **digital**+*camera*, *Bollywood* ‘Болливуд’ < **Bombay**+*Hollywood*, *Twix* ‘твикс’ < **twin**+*X (extra large)*, *Slearning* ‘сон во время учёбы’ < **sleeping**+*learning* и др.;

–смешанные (гибридные): *Öxit* ‘выход Австрии (из ЕС)’ < **Österreich**+*exit*, *mailden* ‘сообщить по электронной почте’ < **mail**+*melden* и др.

По степени новизны (т.е. в основе лежит хронологический признак) можно выделить контаминанты-неологизмы и устаревшие слова (архаизмы и историзмы). Так, интернациональное слово *Musical*, заимствованное из английского языка во 2-й пол. XX в., способствовало возникновению новых наименований, например: *Grusical* (nach Art eines Musicals aufgemachter Gruselfilm [Duden-online-Wörterbuch]; ‘мюзикл, фильм ужасов’), историзмов *Historical* ‘фильм, пьеса на исторические темы’ и *Political* ‘музыкально-сатирическое политическое ревю’. Е.В. Розен называет в этой связи шуточные, пародийные окказиональные слова, которые образуются

лись по подобию: *Absurdical, Metaphysical, Unterhaltical, Erotical, Frostical* [Розен, 2000, с. 21]. Такие контаминанты относятся к разряду слов, популярных какое-то время в языке, но не нашедших своего дальнейшего употребления. В качестве историзма можно также назвать возникшую в 2009 г. лексему *Zensursula* < *Zensur*+*Ursula*, которая связана с именем Урсулы фон дер Ляйен (Ursula von der Leyen), министра по делам семьи Германии в 2005–2009 гг., предлагавшей заблокировать некоторые непристойные Интернет-страницы. Однако, как показала практика, такую цензуру можно было легко обойти. К неологизмам также можно отнести слово *Snackosaurus* < *Snack*+*Dinosaurus* ‘снекозавр’, ‘прожорливый человек’, в семантике которого подчеркивается как популярность, так и отрицательное воздействие быстрого питания.

Интересным, на наш взгляд, представляется саркастичное слово *Ponyzei* < *Pony*+*Polizei*, ставшее номинантом на австрийское «Слово года-2018». Лексема *Ponyzei* использовалась в Австрии как шутовское название конного полицейского отряда, расширить который предложил австрийский министр внутренних дел Герберт Кикл (Австрийская партия свободы, FPÖ). Изначальная серьезность мероприятия подтверждалась официальным электронным письмом-распоряжением Кикля (в мае 2018 г.), которое получили более 25 тыс. австрийских полицейских. Министерство внутренних дел определило условия, каких лошадей нужно отбирать: критерии были связаны с возрастом лошади, ее окрасом, темпераментом, наличием паспорта и т.д. Идея Кикля вызвала критику у оппонентов, придумавших ироничную номинацию *Ponyzei* и предложивших инвестировать государственные деньги по назначению. Почему противники проекта выбрали такой контаминант с лексемой *Pony* ‘пони’? Пони, один из подвидов лошадей, конечно, уступает последним в размерах и внушает меньшее уважение и доверие. Однако это довольно милое и безобидное животное. Возможно, лексема *Ponyzei* представляет собой прецедентное наименование, которое было заимствовано из названия детской аудиокнижки „Die Haferhorde – Eins, zwei, Ponyzei“ авторов Сузы Кольб (Suza Kolb) и Бюргер Ларс Дитрих (Bürger Lars Dietrich), чтобы подчеркнуть несерьезность федерального мероприятия.

По степени кодификации выделяются кодифицированные, или нормированные (зафиксированные в лексикографических источниках): *Aerotel, Brexit, Bürotel, Denglish, Eurasien, jein / Jein, Ostalgie, Motel, Smog* и др. [Duden-online-Wörterbuch] и некодифицированные контаминанты. К последней группе можно отнести как узуальные частотные лексемы (*Bionade, Merkozy* и др.), так и окказиональные слова. Большое количество контаминантов-окказионализмов появляется в политическом медиадискурсе, ср.: *Obamerika, Obamania, Gutt-ometer, Trumpometer, Trumpinator, Trumpgate*, примеры из: [Голодов, 2018]. В протестном политическом дискурсе довольно популярным было искусственное слово *Terroresia*

< **Terror**+*T(h)eresia*¹², используемое в сочетании *Mutter Terroresia* и называющее канцлера Германии «матерью террора». Функционирование названной контаминантной ономастической номинации было характерно для мультимодальных текстов. Например, на одном из плакатов протестного движения ПЕГИДА (нем. Pegida) можно увидеть изображение Ангелы Меркель в мусульманской одежде и лаконичную надпись *Mutter Terroresia*. Помимо этого, телескопическое слово использовалось в прецедентных высказываниях, ср. также предложение с одного из плакатов ПЕГИДА, отсылающее адресата к названию книги Тило Саррацина (Thilo Sarrazin) „Deutschland schafft sich ab“: *Mutti Asyl Merkel Terroresia schafft Deutschland ab*. В приведенном примере «инвективное обыгрывание имени» [Шейгал, 2004, с. 125] используется как средство ответной агрессии на миграционную политику канцлера. Уничижительно-иронический эффект достигается с помощью использования диминутива *Mutti* с антропонимом *Merkel*, существительного с семей «миграция» *Asyl* и контаминанта *Terroresia* [Едличко, 2017, с. 110].

Популярность небуквенных знаков (цифр, диакритических знаков, знака процента и т.д.) в настоящее время способствует появлению гибридных окказиональных контаминантов в письменной и компьютерно-опосредованной коммуникации, ср. *55 -CENT'ER* < *55 Cent+Einkaufscenter*, *E%TRA* < *extra+%*, *C%L* < *cool+%*, *art'otel* < *art+hotel* и др.

В заключение отметим, что исследуемые лингвистические единицы употребляются в разных стилях, различных типах текстов и во всех формах речи. В классификации контаминантов выделяются многочисленные типологические группы в зависимости от того, что берется за основу систематизации исследуемых единиц: структура, семантика, этимология, хронологический признак, частотность и/или сфера употребления, степень кодификации, социально-территориальная принадлежность и т.д. Можно отметить, что контаминанты выполняют различные функции, они могут служить одним из средств манипулирования массовым сознанием, акцентирования внимания, дискредитации деятельности общественных и политических деятелей и т.п. Большой объем информации в настоящее время и ускоренный темп жизни не могут не отражаться на формальной стороне слов, поскольку лексический уровень языка является самым изменчивым. Именно поэтому в немецком языке наблюдается тенденция к росту всевозможных сокращений, в т.ч. контаминантов, которые создаются как произвольно, так и намеренно. Учитывая это обстоятельство, а также недостаточную изученность явления контаминации, можно с уверенностью заявить, что названные лингвистические единицы требуют дальнейшего междисциплинарного исследования с использованием как классических,

¹² Финальный компонент *-esia* является составляющей имен как Матери Терезы (*Teresia Gonxhe Bojaxhiu – Mutter Teresa*) [Ökumenisches Heiligenlexikon URL], так и императрицы Марии Терезии (*Maria Theresia von Österreich*).

так и новых методов и подходов. Для анализа и перевода контекстов, содержащих контаминанты, безусловно, требуется знание современной социально-политической и социокультурной ситуации.

1.7. Размышления о сохранении в переводе метаязыковой функции текста с высокой степенью метафоричности

Л.В. Кульчицкая

Одной из центральных проблем в переводоведении является перевод текстов с высокой степенью метафоричности и, в частности, задача сохранения метаязыковой функции текста оригинала. Через язык описания главы *Violent English* в своей книге *Crazy English* Ричард Ледерер показывает, что в повседневной английской речи для обсуждения фактов, явлений и событий в пяти областях – науке, бизнесе, спортивных состязаниях, развлекательной сфере и потреблении алкогольных напитков – широко используются метафоры насилия и жестокости, например, в описании спортивных состязаний: “One would hope that sporting contests would provide an escape from life's daily *grind*. <...> In fact, we can't get within *striking* distance of a big game without *running* or *bumping into* some ticket *scalper* who's out to *rip us off* and *get away with murder*. Once inside the stadium or arena, we witness two teams trying to *battle, beat, clobber, crush, dominate, maul, pulverize, rout, slaughter, steamroll, thrash, throttle, wallop, whip out, kick the pants off, make mince-meat out of, stick it to, and wreak havoc on* each other with *battle* plans that include *suicide squeezes, grand slams, blitzes, shotgun offenses, aerial bombs, punishing ground attacks, and slam dunks*. Naturally both sides hope that they won't *choke* in *sudden death* overtime” [Lederer, 1990].

Абсолютной функциональной доминантой оригинального текста является метаязыковая функция: язык используется для описания самого себя через метафоры. Степень метафоричности (в другой терминологии – идиоматичность [Prodromou, 2003]) высока – 48,03%: на 837 слов статьи приходится 402 метафоры насилия. *Метафоричность* текста понимается как частота встречаемости метафорических выражений (термин Дж. Лакоффа для обозначения метафор в языке) относительно общего числа слов. При подсчетах учитываются исключительно лингвистические рефлексы области источника (выделено жирным шрифтом). Например, *a barrage of criticism, a crash course, to demolish the opposition, to take a stab at the issue of violence, barbed criticism (по одной единице) или ко всему фразеологизму – hit the nail right on the head* (семь слов).

В духе гипотезы Э. Сэпира и Б. Уорфа о подверженности человека – его мышления и поведения – влиянию своего языка Р. Ледерер пишет: “If our view of

reality is shaped and defined by the words and phrases we use, then violence is locked deep in our thoughts, frozen in the clichés and expressions of everyday life.” («Если наше представление о реальности формируется и определяется словами и фразами, которыми мы пользуемся, тогда насилие прочно засело в наших мыслях, застыло в обиходных штампах и выражениях» [Lederer, 1990, p. 100]). Следовательно, в переводе читатель вправе ожидать ключевую мысль Р. Ледерера неизменной и адекватно обоснованной, как в оригинале.

При переводе текста с метаязыковой функциональной доминантой важно, не нарушив предметно-логического содержания, сохранить не только то, *о чем* говорится, но и то, *как* об этом говорится. На наш взгляд, к переводу текста с метаязыковой функциональной доминантой применимы принципы перевода (Übersetzungsmaximen), впервые описанные И.В. Гете и получившие впоследствии название доместикации и форенизации. Первая «требует перенесения иностранца к нам с тем, чтобы мы увидели в нём соотечественника, другая предполагает переселение читателя в чужую страну и приспособление к тамошним условиям жизни, складу языка и другим особенностям». В случаях затруднения Гёте видел возможность совмещать их, но склонялся всё же к первому¹³ [Goethe, 1997, p. 222; Johann Wolfgang von Goethe, 1905; Нелюбин, Хухуни 1999, с. 105–106] (см. также [Прошина, 2018, с. 12], где эти принципы рассматриваются в контексте переводческих норм [Там же, с. 11–16, особенно с. 15]). Обычно переводческие максимы Гёте рассматриваются на примерах перевода реалий, мы сочли возможным рассмотреть их в контексте перевода метафор в тексте с метаязыковой функциональной доминантой. Сохранение функциональной доминанты соотносится с прагматической нормой в теории нормированности перевода В.Н. Комиссарова [1990] и является обязательным требованием. В работах студентов обнаружилось несколько переводческих стратегий.

Стратегия 1. Студент, не увидев функциональной нагрузки метафор, постарался передать содержание: *No wonder that business executives are often recruited by headhunters. No wonder that bleeding hearts who can't fight their own battles are likely to get axed, booted, canned, discharged, dumped, fired, kicked out, sacked, or terminated.* – Перевод 1. *Неудивительно, что руководителей компаний часто набирают на работу *специалисты по подбору персонала. Неудивительно, что чуткие лично-*

¹³ Es gibt zwei Übersetzungsmaximen: die eine verlangt, daß der Autor einer fremden Nation zu uns herübergebracht werde, dergestalt, daß wir ihn als den Unsrigen ansehen können; die andere hingegen macht an uns die Forderung, daß wir uns zu dem Fremden hinübergeben und uns in seine Zustände, seine Sprachweise, seine Eigenheiten finden sollen. Die Vorzüge von beiden sind durch musterhafte Beispiele allen gebildeten Menschen genugsam bekannt. Unser Freund, der auch hier den Mittelweg suchte, war beide zu verbinden bemüht; doch zog er *als Mann von Gefühl und Geschmack in zweifelhaften Fällen die erste Maxime vor.* Johann Wolfgang von Goethe: Zu brüderlichem Andenken Wielands Eine in der Trauerloge gehaltene Rede (Text nach Wernecke, Hugo: Goethe und die Königliche Kunst. Leipzig: Poeschel 1905. Die Rede wurde gehalten, Donnerstag, den 18. Febr. 1813, vgl. a.a.O. S. 48 (KH)) https://www.rolandbremen.de/wp-content/uploads/2017/11/Goethe_Wieland.pdf

сти, которые не могут постоять за себя, могут быть уволены, отстранены от должности, выгнаны, или уничтожены. Выше Ледерер писал о том, что мир бизнеса – это борьба не на жизнь, а на смерть, поэтому ряд нейтральных выражений в переводе, начиная со «специалистов по подбору персонала», разрушают метаязыковую функцию.

Адекватное решение для этого отрывка с небольшими потерями находим у тех, кто выбрал стратегию 2 – сохранение метаязыковой функции. Чуждое для русского менталитета *headhunters* калькируется и берется в кавычки. Перевод 2. *Неудивительно, что главы компаний получают свою должность от «охотников за головами». Неудивительно, что истекающие кровью сердца незащищенных работников могут оказаться раздавленными, растерзанными, разбитыми и уничтоженными* увольнением.

Переводчик 2 дает кальку *истекающие кровью сердца*, и подбирает четыре синонима с разной внутренней формой из сферы источника НАСИЛИЕ к девяти метафорам в оригинале, поскольку русский язык в отличие от английского не располагает столь же разнообразным набором метафор насилия для означаемого 'уволить'.

Сохранение при калькированном переводе внутренней формы для знакомства с уникальной метафорой оригинала привносит «иностранный акцент». В этом и состоит форенизация, которая «имеет цель показать инаковость ситуации для переводной культуры» [Прошина, 2018, с. 12]. Другой пример форенизации – «*разрядить в него обе обоймы*» в отрывке 3 (ниже) для английского выражения *let sb have it with both barrels*, не имеющего в русском языке абсолютного аналога, то есть, совпадения ни по концептуальной области источника метафорического образа, ни по переносному значению. Желание проучить и наказать в речи людей без криминального прошлого оформляется в русском языке более мирными способами: *выдать по полной / по первое число; выдать так, что мало не покажется; показать, где раки зимуют*. Остальные английские метафорические выражения совпадают с русскими по области источника метафорической проекции и не вызывают сложностей.

Е.g.3: *First, we rack our brains assembling an arsenal of arguments. Then we attempt to demolish the opposition's points with a barrage of criticism, attack their positions by nailing them dead to rights, letting them have it with both barrels, and shooting down their contentions.* – Перевод 1. *Сначала мы ломаем голову, подбирая арсенал аргументов. Далее пытаемся разрушить позиции противника шквальным огнём критики, атаковать его слабые стороны, пригвоздить, подловить, и, как говорят, «разрядить в него обе обоймы» а затем разнести в клочья все убеждения.*

Уязвимость форенизации состоит в возможности разрушить содержательную сторону метафоры, как в случае с метафорической калькой *нанесем удар* для ан-

глийского [*Let's stab at sth* в значении 'разобраться в чем либо, понять' (дословно 'вонзить (нож) во что-то') в Е.г. 4: *Let's take a stab at the issue of violence in our everyday parlance with a crash course on the words we use to describe disagreements.* – Перевод 1: Давайте *нанесем удар по использованию в повседневной речи метафор насилия и начнем с экспресс-курса о словах для выражения несогласия.

Для сравнения вариант, в котором, наоборот, сохраняется смысл в ущерб внутренней форме, перевод 2. *Давайте разберёмся с метафорами насилия в повседневном языке – проведем экспресс-анализ слов для выражения разногласий.* Для *crash course* 'быстрый, интенсивный курс' (досл. 'сокрушительный') в русском не нашлось метафорических эквивалентов из концептуальной области НАСИЛИЕ.

И в том и другом переводе оказывается невозможным актуализировать одновременно и прямое значение, связанное с идеей насилия, и переносное. Русский глагол *разбираться* – общелитературный в значении 'быть осведомленным'. В академическом языке *давайте разберемся* означает 'давайте рассмотрим, займемся'. Однако, по мнению В. Карасика, управляя одушевленным существительным *разобраться с кем-то* 'выяснить отношения', оно трансформировалось в арготическую коллокацию [Карасик, 2015, с. 73], чему способствовало закрепление за словом *разборка* значения насильственного действия. По этой причине *разобраться* предпочтительнее.

Во избежание искажений или утраты смысла при форенизации и особенно когда нельзя сохранить одновременно двойную актуализацию прямого и переносного значений метафоры, калькирование сопровождается переводческими подстрочками – объяснительным переводом или комментарием в традициях «филологического перевода» для специалистов. Пояснения предваряются словом «дословно» или помещаются в скобки.

Так, в английском тексте (Е.г. 5) отстаиваемые в споре положения представляются армией солдат, готовых к обороне. Ряды этой армии редеют (противник рушит строй, сплоченность – [*w*]e *break their concentration*), когда одно за другим эти положения выводятся из строя – их протыкают (*puncture*), как солдат, чем-то острым, возможно штыком.

Е.г. 5: We *break* their concentration by *puncturing* their assumptions, *cut them down to size* by *hammering* away at their weaknesses, *torpedo* their efforts with *barbed* criticism, and then, when *push* comes to *shove*, *assault* their integrity with character *assassination*. If all else fails, we try to *twist their arms* and *kill them* with kindness. – Перевод 1. Мы, *дословно*, «разбиваем» ряды защиты оппонента, «протыкая» его теоретические постулаты, «урезаем их до малых размеров», «круша молотком» слабые части, «торпедуем» «колюче-проволочной» критикой все попытки выстоять, а затем, в критический момент (досл.: «когда толчки заканчиваются тумаками»), переходим на личности («атаку-

ем») и **разрушаем** («убиваем») репутацию. Если ничего не помогает, **выкручиваем** руки и **душим** (досл.: «добиваем») своей добротой. Таким образом, самым надежным способом сохранить метаязыковую функцию метафорического текста в случае кардинального расхождения метафорических систем двух языков является форенизация (калькирование метафор), сопровождающаяся пояснением и/или комментарием.

В ряде переводов доминировал иной подход – стратегия 3 – достижение естественности средств выражения родного языка при создании художественно-публицистического перевода для неспециалистов.

Переводчик без труда может подобрать метафорический эквивалент при полном совпадении образов и актуализируемого значения английской и русской метафоры (совпадение метафорических концептосфер, привлекаемых для осмысления концептуальных областей цели НАУКА, БИЗНЕС, СПОРТ, РАЗВЛЕЧЕНИЕ, АЛКОГОЛЬ). В наших переводах такие случаи единичны и ограничиваются отдельными лексемами и словосочетаниями.

Е.g. 6: *If all else fails, we try to **twist their arms** and kill them with kindness.* - Если ничего больше не помогает, **выкручиваем** руки и **душим** их своей добротой.

Выбор соответствия и успех напрямую зависели от степени совпадения метафорических систем. Метафора НАУЧНЫЙ СПОР – ЭТО ВОЙНА универсальна для европейского менталитета. Неудивительно, что самые удачные переводы были предложены для той части текста, где шло описание военных метафор, привлекаемых для описания научных дебатов (см. отрывок 3, кроме одной кальки).

Чаще всего при вовлечении концептуальной сферы НАСИЛИЯ для осмысления и описания «мирных» вещей, задействованные концепты в языках при полном совпадении могут не иметь языковой экспликации (случаи фореникации рассмотрены выше), совпадать частично (*kill them with kindness* – **душим** своей добротой) или не совпадать. Для достижения естественности звучания перевода и сохранения при этом метаязыковой функции оригинала предпочтение отдается способу доместикации. Расхождение метафорических систем диктует выбор максимально близкого по образу метафорического выражения или его функционального аналога.

Е.g. 7: *Then the other side **gets up in arms** and screams **bloody murder** about such a **low blow**.* – Перевод 1. Тогда другая сторона **встает во фрунт** и вопит как **резаная** о таком запрещенном приеме.

Е.g. 8: *The world of business is a veritable **jungle of cutthroat** competition, a **rough-and-tumble** school of **hard knocks** and a **dog-eat-dog** world of **backbiting**, **backstabbing**, and **hatchet** jobs.*

Перевод 1. Мир бизнеса – это настоящие **джунгли убийственной** конкуренции, где один **пожирает** другого, это **суровая** школа жизни по **волчьим** законам,

бою без правил на выживание, в которых, нанеся удар в спину, от вас не оставят мокрого места.

Перевод 2. *Мир бизнеса – настоящие джунгли, где ведётся ожесточенная борьба. Здесь вы поневоле пройдёте суровую школу жизни и примете участие в игре на вылет. После того, как вам не раз настучат по голове, накостыляют по шее, ударят в спину и разнесут вас в пух и прах, вы поймёте, что тут каждый за себя.*

Таким образом, оба переводчика в условиях отсутствия словарных метафорических эквивалентов с тем же значением подобрали функциональные аналоги, способные донести идею о жестокой конкуренции в мире бизнеса и идею отражения этого факта в языке. Доместикация как переводческий прием возможна в случае совпадения метафорических образов в обоих языках или наличия функциональных аналогов (метафоры насилия и жестокости) в языке перевода. Доместикация привлекательна тогда, когда перевод рассчитан на широкую публику, не претендующую на лингвистические тонкости.

Анализ переводов подтолкнул к мысли, которая требует тщательной проверки. Вернемся к постулату Р. Ледерера о влиянии языка на мышление и поведение человека. Примем его с поправкой в формулировке З.Д. Поповой и И.А. Стернина: «Мышление народа не опосредуется языком, что в современной науке можно считать установленным фактом, однако оно выражается, фиксируется, номинируется, овнешняется языком, и изучение представлений о действительности, зафиксированных в языке, ... позволяет косвенно судить о мышлении народа и его когнитивной картине мира» [Попова, Стернин, 2003, с. 6]; «более удобного доступа к концептосфере, чем через язык, видимо, нет» [Там же, с. 7]. В свете сегодняшнего отношения зарубежных СМИ к России интересно задуматься о степени «жестокости» русского литературного языка в сравнении с английским. Р. Ледерер делает вывод о насилии как сущностной характеристике англо-саксов, что же касается русских, то имеющиеся публикации о криминализации общественного сознания (см. подробнее [Карасик, 2015, с. 70–76]) тоже могут свидетельствовать о жестокости россиян. Перевод статьи Ледерера наводит на мысль, что в ряде случаев (ИГРА/СПОРТ, РАЗВЛЕЧЕНИЯ, СПИРТНОЕ), если не выходить за рамки общеупотребительного литературного языка, сохранить метафоры насилия не представляется возможным, потому что русский язык обходится без излишнего смакования насильственной лексики, отсюда только форенизация. Кроме того, возникает вопрос, какой же из литературных языков более «жестокий» – русский или английский, но поиск ответа требует дальнейших изысканий.

Гипотетически, если удастся сохранить метаязыковую функцию оригинала (1), сохранив смысл оригинала (2) и естественность средств выражения языка перевода (3) (выполняются условия для успешного применения доместикации), значит,

в русском языке имеется возможность осмысливать повседневные вещи (НАУКА, БИЗНЕС, СПОРТ, РАЗВЛЕЧЕНИЕ, АЛКОГОЛЬ) в аналогичных английскому языку терминах концептуальной сферы НАСИЛИЯ И ЖЕСТОКОСТИ. Если же для сохранения функциональной доминанты не находится метафор жестокости в том же количестве с тем же или чуть иным образом и требуется форенизация с переводческими комментариями, значит русский язык в меньшей мере склонен осмыслять «мирные» вещи в терминах насилия, войны, преступлений.

Наконец, последние вопросы, требующие поиска ответов: может ли перевод текстов с метаязыковой функцией, задаваемой метафорами (насилия, как в нашем случае), подсказать исследователю, какой народ-носитель языка в большей степени «живет метафорами» насилия; насколько надежными могут быть критерии лингво-переводческого сопоставительного анализа, а полученные при этом выводы обоснованными. Переводческому направлению бывшей кафедры теории и практики перевода ДВГУ есть над чем работать в будущем.

* * *

Дорогая Людмила Петровна, я благодарю Вас за то, что имела возможность учиться у Вас, а позже – работать в Институте иностранных языков ДВГУ под Вашим руководством, за те почти семейные отношения в институте, когда действия каждого были продиктованы желанием послужить общему делу. Вы вселяли в нас веру в высокую миссию преподавателя вуза и были примером служения делу. Прекрасный организатор, профессионал-практик и лингвист, Вы учили нас – младшее поколение – ставить цели и достигать их, мы постоянно чувствовали поддержку «играющего тренера» – старшего коллеги, который всё, чему учит других, может виртуозно исполнить сам. Одна из многих Ваших заслуг – продвижение науки, создание аспирантуры, защиты молодых кандидатов наук, поддержка новых направлений, в частности, переводческого и создание кафедры теории и практики перевода, которую возглавляла в бытность ДВГУ ныне доктор наук, профессор МГУ, З.Г. Прошина.

1.8. Медиаобраз президента России В.В. Путина в дискурсе журнала Newsweek

Э.Г. Меграбова

В последнее время медиаобраз все чаще становится объектом научных изысканий. **Медиаобраз**, как следует из его названия, вбирает в себя понятие образа, преломленного сквозь призму средств массовой информации. Поэтому целесообразно, сначала обратиться к понятию «образ». Это понятие является предметом исследования различных областей знания: философии, психологии, литературоведения, лингвистики, объединенных положением о том, что образ есть способ отражения действительности: «...средой обитания образов является сознание» [Арутюнова, 1999, с. 322]. Н.Д. Арутюнова справедливо отмечает, что образ может не совпадать в точности с объектом.

Образ – одна из форм отображения объективной реальности, «...субъективная картина мира или его фрагментов, включающая самого субъекта, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий» [Петровский, Ярошевский, 2005]. Для нашего исследования важно подчеркнуть, что «...образ имеет своим объективным источником предметы и явления материального мира, и в этом смысле он вторичен по отношению к своему оригиналу. Тем самым образ есть нечто субъективное; он не имеет автономного бытия вне отношения к объекту отражения. В то же время, однажды возникнув, образ приобретает относительно самостоятельный характер...» [Алексеев, Панин, 2005, с. 128]. Эта субъективность, целенаправленность создания образа находит свое подтверждение в высказывании Н.Д. Арутюновой: «Идеология также обретает опору в образах» [Арутюнова, 1999, с. 323].

Когда образ получает в речи, дискурсе языковое выражение, он превращается в языковой образ: «...образ, будучи внутренним состоянием единства человеческого сознания и бессознательного, не может не быть вербализован: так уж устроен человек, что за пониманием (когнитивным отражением реальности) всегда следует языковая/речевая экспликация когнитивно освоенного участка действительности в процессе коммуникации...; стало быть, образ нуждается в толковании, а значит – в вербализации...» [Олянич, 2007, с. 98]. Термин «языковой образ» коррелирует с термином «языковая картина мира» и, как замечает Н.Ф. Алефиренко, «...будучи включенным в речемыслительный процесс, он превращается в языковой образ – категорию языкового сознания» [Алефиренко, 2005, с. 116]. В данной работе языковой образ предстает как совокупность языковых выражений, репрезентированных в конкретных средствах массовой информации. Язык средств массовой информации, язык масс-медиа – одна из основных сфер современного языка. В настоящее время СМИ стали не только главным механизмом информирования, но и ма-

нипулирования общественным мнением. А. Моль квалифицирует СМИ как главного контролера всей культуры, они «...пропуская ее через свои фильтры, выделяют отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придают им особый вес, повышают ценность одной идеи, обесценивают другую... То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества» [Моль, 2008, с. 17].

Комментируя такую характеристику образа как знаковость, А.В. Олянич пишет: «По-особому происходит создание образа средствами массовой информации... СМИ осуществляет замену действительности знаковой реальностью. Формируется особый мир образов, мир виртуальной реальности. В его основе лежат информационные манипуляции со знаками...» [Олянич, 2007, с. 102].

Образ, который создается в сознании получателей информации – это медийный образ, медиаобраз. Е.Н. Богдан пишет о «медиазации» социальной жизни общества, об усилении влияния СМИ на все сферы жизни. Она, пожалуй, первой использовала термин «медиаобраз» в своей диссертационной работе «Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики» [Богдан, 2007]. Подчеркивая, что «медиаобраз России есть выраженный в медиапространстве образ страны, созданный средствами массовой информации...», Е.Н. Богдан соотносит это понятие с теорией журналистики [Богдан, 2007, с. 122–127]. Современные исследователи все чаще стали обращаться к понятию медиаобраза современного политика, так как эта тема достаточно востребована практикой журналистов ввиду существующих в мире политических противоречий и активном участии в них представителей власти [Клушина, 2012; Суздальцева, 2012]. Образ лидера формируется в СМИ, как отмечает Н.И. Клушина, через «дискурсивный портрет». Современные отечественные лингвисты исследуют образы политических лидеров с разных сторон [Паршина, 2007; Шейгал, 2000].

О.В. Коржнева следующим образом определяет структуру медиаобраза политика: «Он несет в себе личностные характеристики своего носителя, а также имеющих у нее представлений и ожиданий. Медиаобразы возникают, когда политическая коммуникация опосредована СМИ. Соответственно, на них оказывают влияние особенности канала, по которому информация поступает к аудитории, оценки журналистами той или иной медиаперсоны и т.д. Также в структуру медиаобраза политика входят и маски» [Коржнева, 2013, с. 220]. Обращаясь к категории семиотики политического дискурса, Е.И. Шейгал пишет о семиотической сущности политика, отмечая, что политика «подается» как представитель, заместитель группы, как некто, воплощающий различные образы, роли, т.е. как носитель различных масок, как человек, осуществляющий определенные политические функции и как лицо, демонстрирующие определенный психологический архетип [Шейгал, 2004, с. 98–99].

В нашем исследовании в центре внимания – те языковые средства, с помощью которых журнал *Newsweek* создает образ президента России, языковой образ, который представляет собой совокупность языковых выражений, репрезентированных в конкретном масс-медийном издании.

Образ политического лидера, формируемый средствами массовой информации – сложный социальный и политический феномен. Трактовку образа политического лидера американские средства массовой информации толкуют, прежде всего, в категориях «свой-чужой».

«Свой» – это прежде всего политик, приверженец идеологических ценностей Запада, т.е. свободы, демократии, открытости и т.д. «Чужой» – это политик – выразитель традиционных ценностей, антидемократ, противник на геополитической арене и т.д. Этот образ подается как отклонение от нормы, т.е. «плохой».

Дискурс журнала *Newsweek* – либеральный, пропагандирующий идею прогресса, свободного выражения индивида, неприемлемости обществ, базирующихся на традиционных ценностях. Так, Генри Грюнвальд (посол США в Австралии в 80-х годах прошлого века) писал в журнале *Time*: «...мир может быть разделен между теми, кто живет в эпоху экономики и теми, кто цепляется за неэкономические, устаревшие силы: религию, национальные...страсти» [Grünwald, 1990, p. 48]. Кроме идеологии либерализма в дискурсе о России журнала *Newsweek* выражено и имеющее давнюю традицию отношение к России как «неправильной», «непрогрессивной», «варварской», т.е. стране, стоящей на более низкой ступени культурного развития: *Anna Politkovskaya may be the most visible victim of... a new climate of barbarism* [Nov. 6, 2006, p. 44]; *In Putin's Russia, the nexus of payoffs and patronage is the almost medieval, touching every aspect of life* (Oct. 23, 2006, p. 39). Кластер лексем: *medieval, the new feudalism, modern-day feudalism, barbarism* номинирует достаточно примитивный (по мнению авторов *Newsweek*) уровень социально-политической обстановки в России, инициируемой, в частности, президентом России. Эта «идеологическая сетка» накладывается на описание современной жизни России и ее представителей власти.

Настает двухтысячный год. Конец двадцатого века, конец продолжавшегося с 1991 года правления в России Бориса Ельцина «...gone was the politician who simply lived for power» (Jan. 10, 2000, p. 51). К высшей власти в России приходит новое лицо, президент В.В. Путин: *Enter Putin, the Russian fox* (May 18, 2000, p. 27). Первая информация о новом президенте, помимо сравнения его с Б. Ельциным, касается его прежнего занятия, его прошлой жизни и первого впечатления, которое производит В. Путин. В первые годы правления В.В. Путина по отношению к нему неоднократно употребляется прецедентное имя *KJB*, негативная воздействующая сила которого в сознании американцев достаточно велика и обусловлена историко-культурной коннотацией, присущей этой лексеме, а также новой лексеме *FSB: the*

former KJB chief, ex-spy, the director of the JSB, причем отмечается как бы посредственный уровень его квалификации: *faceless former KJB operative, a mid-level KJB man*, но в то же время и упоминаются и черты, традиционно присущие разведчику: *cautious, taciturn KJB operative*. Его детство и студенческая жизнь комментировались в то же духе: *No star, either academically, nor professionally; a decent but not brilliant student. Putin is the Russian Everyman Made Good... He is the exact antithesis to B. Yeltsin – the anti-Yeltsin: a health fanatic, the man for the job (Jan. 17, 2000, pp. 30–31)*. Слова с семами «сильный, властный» в применении к политику всегда несут положительную коннотацию; лексемы с семой «*strong*» достаточно часто употребляются по отношению к В.В. Путину в начале его президентского срока: *Putin's...tough image...has made him immensely popular among ordinary voters... He is like a leader of a street gang on whom you can rely (March 27, 2000, p. 18)*. Это ощущение силы президента России вызывает уважение у авторов *Newsweek*: *It's all in the good Russian tradition of building up the strong man (March 26, 2004, p. 5)*, причем используется соответствующая метафора: *Putin has a teflon quality because he is a unifying figure (Jan. 31, 2005, p. 34)*. Даже результат критикуемых журналов *Newsweek* военных операций в Чечне оценивается как личная победа президента: *...the city's (Grozny) conqueror, Vladimir Putin. The Russian president has won the Chechen War (Sept. 25, 2006, p. 29)*. Однако постепенно ряд лексем с семой «*strength*» становится окруженным лексемами с семантическим элементом «*fear*». Описывая стремление В.В. Путина взять верх над олигархами (*tycoon*) с помощью силовиков (*the sinister side of siloviki*) *Newsweek* приводит высказывание президента: *Putin called the tycoon. Desist, he said, or I will break you. The Russian verb he used 'razorvu' means to smash, to tear into little pieces (Oct. 13, 2003, p. 30)*. Естественно, усиливающиеся единовластие президента, государственный контроль в экономике идут вразрез идеями открытого (для Запада) рынка и свободы предпринимательства, что не могло не вызвать резкой критики: *The superfluous presence of the state in the economy...stifles entrepreneurship...(March 15, 2004, p. 27); Putin has consolidated criticism (more in the West, than in Russia itself) as an autocrat and antidemocrat (March 15, 2004, p. 26)*.

Постепенно образ президента России начинает приобретать достаточно злобующие черты. Ведущим становится семантический ряд «*fear*»: *A year ago Russians spoke of a new "climate of fear" as Putin extended his power into all walks of life (May 9, 2005, p. 40)*. Номинативная плотность лексем, относящихся к этой группе: *Putin's steady repressions (April 10/17, 2006, p. 27)*, широкое использование метафор, эпитетов, иронии подчеркивают определенное отношение к статусу и личности президента: *These days, any transaction of value...upon the whims of the king, his knights in the Kremlin or the legion of the vassals...(Oct. 23, 2006, p. 39)*. Ожидания проамериканских реформ оказываются неоправданными (*go wrong*): *Russian president*

Vladimir Putin was supposed to be a pro-American reformer. So what went wrong? (July 23, 2007, p. 22). Первоначальная вербальная положительная репрезентация образа российского президента становится “перечеркнутой” вновь отрывшимся негативным (с точки зрения журналистов) чертами облика В.В. Путина: «*It's all my honor to welcome a new style of leader, Bush said as he introduced the Russian president. "A reformer". Putin, responding with his trademark shy smile... It is hard to imagine such happy scenes today... Though Putin's shy smile remains the same, (behind it is a very changed man. The new Putin is "a different person-tough, stern, and harsh" with those who dare to doubt his orders... What changed? (July 23, 2007, pp. 22–23).* Жесткая по своей семантике метафора в названии статьи говорит сама за себя: *The Tyrant's Turn.* В основе такой критики находятся игнорируемые Россией желанные для Запада идеологические ценности: *Bush should push Putin for assurance on at least three fronts: to further open up the economy, cease interfering in the politics of neighboring countries and allow the resumption of a free media (April 25, 2005, p. 32).* «Изменения», которые якобы произошли с В.В. Путиным (*What changed? What went wrong?*) требуют принятия Вашингтоном определенных мер.

Делается вывод, что Россия должна находиться под контролем США: *The Kremlin must be put under more pressure than that (April 25, 2005, p. 32).* По отношению к В.В. Путину устами журналистов *Newsweek* провозглашается политика сдерживания: *The United States wants to keep Putin in a holding pattern until a new leader emerges in two years (May 9, 2005, p. 42).*

Негативная оценка языкового образа В.В. Путина находит отражение в модуле «фиктивность», предполагающего подачу ложности, утаивания, обмана, нечестности. Достаточно часто авторы анализируемого дискурса используют фразеологизм *Potemkin village*, трансформируя его в зависимости от темы публикации: *In the place of real opposition, Putin has created Potemkin parties (April 30, 2007, p. 38); Putin may well be happy with his Potemkin military (March 12, 2007, p. 16).* Идея «утаивания» разоблачается через вербализацию коммуникативных намерений в сочетаниях с предлогами *behind, under*, использование лексем *surface, facade, carpet*, которые содержат представление об укрытии, ширме, покрове: *Putin has been controlling... the wars under the carpet between the competing groups (Dec. 10, 2007, p. 38).* Характеристика В.В. Путина как лжеца выражается с помощью лексем с семантикой «dishonest», «fiction»: *sham, fantasy, story, mythology: Russian President Vladimir Putin sent troops to secure....a sham referendum (July 17, 2014, p. 31).* Вышеприведенное предложение относится к проведению референдума о вступлении Крыма в состав России. Действия президента по укреплению оборонной мощи России признаются фиктивными: *...idea that Russia will soon fields a high-tech, modernized army was indeed part fantasy... To give weight to that fantasy... То же самое и относится к событиям на Украине: President Vladimir Putin of Russia is not veering from the my-*

thology he created to explain away the crisis over Ukraine. He told the story again... (July 17, 2014, p. 31). Неприятие политики и соответствующих действий со стороны президента России приводит к «натягиванию масок» на В.В. Путина, сравнению его с носителями прецедентных имен прошлого и настоящего. Авторы публикаций используют те маски, те образы, которые у западных читателей вызывают стойкую негативную реакцию: *Make no mistake. Putin's paranoia is not the dark stuff of Russian history – Joseph Stalin... (Feb.28, 2005, p.22).* Этот диагноз тяжелого психологического заболевания бесстрашно ставят президенту России авторы *Newsweek*, сравнивая его и с президентом США Ричардом Никсоном в последние дни пребывания Р. Никсона в Белом Доме: *Who is this man isolated and increasingly paranoid?... There is one problem:... Putin has come to resemble... Richard Nixon, prowling the White House corridors, isolated and increasing paranoid. The image is a troubling one... (Feb.28, 2005, p. 22).* Активизации памяти читателя в негативном плане способствуют и упоминание имени Гитлера: *“My father fought against Hitler; now Putin's cops beat people for no reason”, says 52-year old Alexandr Kazantsev... (Apr.30, 2007, p. 5).* Шлейф прецедентных имен «Сталин» (в негативной интерпретации на страницах журнала *Newsweek*) и «Гитлер» тянется на протяжении более десяти лет: *Putin is the Stalin of today (https://www.newsweek.com/putin-prepares-fight-against-russian-people-629393).* В статье, озаглавленной *Is Vladimir Putin a Fascist?* используется аллюзия на режимы Муссолини и Гитлера: *A growing number of Russian analysts, in Russia and abroad have taken to calling Vladimir Putin's regime “fascist”. They mean that Putin's Russia genuinely resembles Mussolini's Italy or Hitler's Germany (https://www.newsweek.com/vladimir-putin-fascist-325534).*

Муслируется сравнение В.В. Путина с Гитлером в связи с событиями, связанными с присоединением Крыма к России, в чем особенно преуспела Хилари Клинтон, проводя аналогию с отторжением Гитлером Силезии: *Russian President Vladimir Putin is pursuing a strategy in Ukraine that is similar to Nazi Leader... Adolf Hitler's (The USA Today, March 5, 2014).* Новая современная «маска» – Усама бен Ладен, действиям которого приписываются события 9 сентября 2011 г. Автор статьи под названием *«Red Threat» Clive Irving*, комментируя «вмешательство» в американские выборы 2016 г. В.В. Путина уподобляет В. Путина Сталину и вспоминает У. Черчилля, который в своей известной фултонской речи «пробудил» США: *Britain's greatest war leader came to America to warn us about a deposit in Moscow... of jihadist terrorism was seriously underrated until jets flew into the Twin Towers. We could be in another of those moments now. Once more, as on 9/11, warnings are being ignored. Once more, asymmetrical warfare is the most serious challenge to our security. This time it is not Osama bin Laden, but Vladimir Putin. Russia's attacks on the 2016 election were nimble, innovative and pervasive (Jan.7, 2019, https://www.thedailybeast.com/last-time-a-president-dismissed-the-russian-threat-it-took-churchill-to-wake-him-up).* Но прези-

дент США Трамп в телефонном разговоре с В.В. Путиным 3 мая 2019г., что двух-летнее расследование вмешательства России в президентскую кампанию 2016 года было всего лишь «мистификацией». В статье газеты *New York Times* под названием *Trump says he discussed the Russian 'Hoax' in a Phone Call with Putin* Марк Лэндлер, корреспондент *New York Times* сообщает следующее: *President Trump telephoned President Vladimir V. Putin of Russia on Friday for what both men described as a lengthy positive conversation, in which they dismissed two years of investigations into Russian intervention in the 2016 presidential campaign as a 'Hoax' and a mountain that "ended up being a mouse"* (Landler M., *N.Y Times*, May 3, 2019). Точно также на протяжении всего президентства Владимира Путина упоминаются его как бы отходящие от нормы психологические качества: *irrational and vindictive; Putin suffered from Asperger's syndrome* (одна из форм аутизма), *highly rational sociopath, paranoid: Putin's KJB background makes him different. Other long-time leaders' psychos change the normal way, but he is changing the KJB way: everyone else is an enemy, you can trust, the KJB network. You become paranoid.* Автор статьи *WHAT REALLY KEEPS VLADIMIR PUTIN UP AT NIGHT* Линли Броунинг комментирует: *Putin's emotional character poorly understood in the West* (<https://www.newsweek.com/what-really-keeps-vladimir-putin-night-232101>).

Плохо понимаемый образ В.В. Путина – отражение плохо понимаемой страны, России, в целом. Характеристика России как государства выражает присущие западному обывателю ощущение опасности, страха, тревоги в отношении к России и оценку, свойственную либеральному менталитету: Россия – «неправильное» государство. Приведем только несколько заголовков, раскрывающих представления о России как об антидемократическом государстве: *State of Hate* (Nov.6, 2006, pp. 40–41); *What's Wrong with Russia?* (July 17, 2006, pp. 16–17); *The New Feudalism* (Oct. 23, 2006, pp. 38–39); *How to Handle Russia?* (May 9, 2005, pp. 40–41); *Russia is a Bigger Threat to US than North Korea or ISIS: Ex-NATO commander* (Oct.20, 2017); *Red Threat* (Jan. 7, 2019).

Заголовок является смысловым центром, который определяет идеологическую модальность дискурса: «...публицистический заголовок репрезентирует не только текст, но и политическую направленность того или иного источника массовой информации. Заголовок, как правило, отражает политическое лицо газеты» [Богданова, 2012, с. 141]. В заголовках, упоминающих имя президента России, за последние годы явно отражается дискредитация В. Путина, причем акцент делается на противостоянии России и Запада, России и США.

В заголовках прослеживается идея о политике изоляции России, стремлении оградить Россию от влияния западных ценностей: *Russia isolated as Putin breaks from the West* (July 13, 2014); *Putin is 'Playing the Madman' to Trick the West* (Apr. 1, 2015); *How Putin Undermines Democracy in the West, Chapter and Verse* (March 18, 2017);

Russia and the West: Russians Happy With Putin and His Anti-USA Policies (May 7); Putin: We'll Target US Trump Deploys Missiles in Europe (Feb. 20, 2019). В заголовке статьи 'Putin is Playing the Madman' to Trick the West автор использует сочетание «to play madman», объясняя поведение Владимира Путина тем, что он якобы «притворяется безумцем», чтобы сбить с толку и напугать своих противников. «Непредсказуемость» президента, игра «в безумца», данная тактика поведения президента, по мнению журналиста, продуманная и тщательно продуманная операция, направленная на то, чтобы напугать Запад: если у власти не вполне нормальный человек, ядерное оружие страны приобретает новые аспекты: *Nuclear weapons are the card that Putin has up his sleeve, and he's using it to get the world to realize that Russia is a superpower, not just a regional power (Oct. 10, 2015)*. Автор использует метафору: политика – карточная игра, а ядерное оружие – скрытый «козырь в рукаве» у Путина, который позволяет ему заявить всему миру о России как о супердержаве.

Метафора «игры» как и метафоры «политика – спорт», «политика – война» является одной из широко используемых метафор в масс-медийном дискурсе. В.В. Путин заявлен как игрок на геополитической арене. В статье "Putin's Secret Plan – Divide and Conquer Europe" автор, Мишель Эльчанинофф (*Michel Eltchaninoff*) пишет: *Putin dreams of a continent on its knees, worn down by separatist movements and dominated by a new conservative leader: himself...He is sending a digital Trojan horse into a whole series of democracies, and encouraging their own citizens to make use of them. Even more cunning than Ulysses, the Russian president appears to have convinced the Trojans to overthrow Priam and sack the city themselves (<https://www.newsweek.com/putins-secret-plan-divide-and-conquer-europe-860240>)*. Статья содержит аллюзию на мир о Троянском коне и хитроумном Одиссее (латинская форма – Улисс). В развернутой метафоре Троянский конь – цифровой, а президент России еще более хитроумен, чем Улисс (Одиссей). В роли троянцев оказываются современные демократические страны Европы, а в роли царя Приама, по-видимому, – лидеры европейских государств.

Борьба ведущих держав мира за политическое и экономическое влияние в различных регионах мира берет начало в XIX в. (старинная Большая Игра) [Леонтьев, 2008, с. 135–160]. Авторы журнала *Newsweek* концентрирует свое внимание на характеристике России как геополитического соперника, подчеркивая ее честолюбивые намерения вновь стать супердержавой. Мысль о влиянии России за рубежом тесно связана с заявлениями авторов публикаций о настойчивых действиях со стороны Кремля, направленных на расширение вовлечь европейские государства в орбиту Кремля и с идеями о Европе, теряющей свою экономическую независимость: *Russia is extending its roots into Western economies much faster than the West can find alternative supplies of energy (July 3/10, 2006, p. 28)*.

В раннее упомянутой статье *Putin's Secret Plan – Divide and Conquer Europe* Владимир Путин позиционирует себя, по мнению автора, как «консервативный ли-

дер». Консерватизм, как и стабильность, приобретает в дискурсе журнала *Newsweek* негативные коннотации, когда речь идет о России и ее президенте. Автор называет саму Россию «родиной консерватизма»: *Russia – the motherland of conservatism*. Проявлением консерватизма является и стабильность: *The world is changing: Russia is not and Vladimir Putin would like things to stay that way. Stability has been his №1 setting point ever since he came to power... (Dec. 2012/Jan. 2013, p. 48)*. Стабильность в России, согласно авторам *Newsweek*, основана на продаже нефти и газа: *He (Putin) is trying to keep stability, as he sees it, with billions of dollars in oil (Dec. 2012/ Jan. 2013, p. 49)*.

В статье *The End of Putinomics* ее автор Оуэн Метьюз (*Owen Matthews*) пишет: *If graphic designer Steford Fairey were to make his... election poster for Vladimir Putin, it undoubtedly would say 'NO CHANGE' (Dec. 2012/ Jan. 2013, p. 48)*. Один из творцов философии утилитаризма Джон Стюарт Милль считал, что состязание между двумя принципами – «прогрессом» и «традицией» составляет главную интригу истории человечества [Цит. по: Scollon R., Scollon S., 1995]. Прогресс, по мнению идеологов философии либерализма, прямо противоположен традиционному обществу, стабильности. Дискурс политического еженедельника *Newsweek* – либеральный дискурс, отражающий либеральные ценности американского социума и всего Западного ареала, в число которых входит идея прогресса. Поэтому естественно, что президент, вначале показавший себя, как “*liberal reformer, Western-learning forward-looking president, a modernizer*”, но оказавшийся “*stabilizer; ...promoting traditional values*” (<http://www.newsweek.com/leaders-charlottesvilles-alt-right-protest-all-have-ties-russian-fascist-651384>) не может не вызывать негативной реакции. Это негативное отношение вербализуется и с помощью словообразовательных неологизмов: *Putinomics* (слово-слиток, образованный путем слияния слов ‘*Putin*’ и ‘*economics*’), *Putinism*, *Putinist (values)*, *KJB-ism*. Экономика России сравнивается с мошеннической схемой: *Putinomics is in many ways like a gigantic Ponzi scheme*. “*Putinism*” описывается как “*a philosophy of dictatorship fused with kleptocratic economics*”.

Характеристика В. Путина как политика консервативных убеждений переплетается с характеристикой его как носителя идей национализма: *Putin’s conservative and nationalist ideology; Putin’s protectionist, conservative and technophobic message* (<https://www.newsweek.com/2014/06/20/putins-paranoia-card-254513.html>). Идеологию Владимира Путина называют «Путинским национализмом» («*Putin’s new nationalism*»): *Putin is standing for traditional institutions, and he’s trying to do it in a form of nationalism* (<https://www.newsweek.com/steve-bannon-donald-trump-jared-kushner-vladimir-putin-russia-fbi-mafia-584962>).

Квалификация России как националистического государства прослеживается в обилии слов, словосочетаний, метафор, фразеологизмов с компонентами «*nationalism, nationalist*»: *nationalist movements, nationalist line, nationalist organization, na-*

tional gathering, nationalist game, new nationalism, neo-nationalism, neonationalism, pure nationalism, tide of nationalism, to play the nationalism card. На этом фоне диффамация образа президента идет через лексику, преимущественно входящую в семантическое поле «национализм»: *The country goes on a neonationalistic binge, apparently with the Kremlin's blessing... Yet Putin himself seems to be embracing an increasingly nationalist line (Nov. 6, 2016, p. 40). There is nothing anti-Putin in the new nationalism. To the contrary, Putin wants to improve his popularity by playing xenophobic games. You can be sure that the March of Russian chauvinists will carry portraits of Putin (Nov. 6, 2006, p. 14).*

Владимиру Путину приписывается также желание восстановить СССР. Об этом красноречиво говорят заголовки некоторых статей: *PUTIN WANTS TO REBUILD SOVIET UNION, FORMER HEAD OF BRITISH ARMY WARNS* (<https://www.newsweek.com/putin-wants-rebuild-soviet-union-former-head-british-army-warns-714301>); *RUSSIA'S PUTIN; I'VE ALWAYS LIKED COMMUNIST AND SOCIALIST 'IDEAS'* (<https://www.newsweek.com/russias-putin-says-he-always-liked-communist-socialist-ideas-419289>). В.В. Путин действительно назвал развал Советского Союза величайшей геополитической катастрофой XX века: *Putin claimed the Collapse of the soviet empire "was the greatest geopolitical catastrophe of the country"* (<https://www.newsweek.com/tide-going-out-putin-418835>). Гиперболизация мощи России и намерений президента имеет своей целью запугать американских читателей и обеспечить определенные установки политической и военной элиты США: *Russian President Vladimir Putin essentially wants to rebuild the Soviet Union and restore Russia as a "major power" in the world* (<https://www.newsweek.com/putin-wants-rebuild-soviet-union-former-head-british-army-warns-714301>); *...he (Putin) wants to rebuild a post-communist Soviet Union* (<https://www.newsweek.com/putin-creates-ex-soviet-trade-bloc-denies-new-ussr-252645>).

Еще одна ипостась образа В.В. Путина – лидер имперского типа. Часто в публикациях журнала *Newsweek* упоминается слово «царь» при характеристике президента. Западную прессу удивляет тот факт, что, несмотря на «лишение демократических свобод», рейтинг В. Путина в России – высок. Авторы публикаций полагают, что ничего не меняется в национальном сознании – русские предпочитают порядок и сильную власть. В статье, озаглавленной *Putin Is Behaving More like a Czar Than a Bolshevik*, журналист говорит о том, что президент России Владимир Путин ведет себя не как советский премьер, а скорее, как царь (June 15, 2016). Название статьи *Is Vladimir Putin Czar of the Intelligentsia?* говорит само за себя (<https://www.newsweek.com/vladimir-putin-czar-intelligentsia-65475>). «Культ личности», как некоторые из авторов характеризуют его влияние, поддерживается церковью, интеллигенцией, даже «Ночными волками» (*the Night Wolves*), группой православных байкеров, и это отражается в ярких метафорах, некоторые из которых

имеют иронический подтекст: *a divinely chosen autocrat, God-given present, tsar of intelligentsia, macho-nationalist*.

Основная коммуникативная стратегия, используемая авторами журнала *Newsweek* при характеристике образа президента России В.В. Путина, – стратегия дискредитации. «Стратегия дискредитации может быть рассмотрена в рамках глобальной стратегии в области речевого воздействия, которую можно обозначить как «игру на понижение» [Иссерс, 2008, с. 160]. Тем не менее, красной линией через журнальные публикации проходит мысль о противоречивости образа Владимира Путина, что отражается в тропах, метафоре и метонимии: *...Putin, the Russian fox; the enigmatic leader; The Man of Many Faces (Feb. 28, 2005, p. 22–23); Vladimir Putin still remains Russia's Mystery Man*. И вопрос: *Will he be remembered as an anti-democrat or a national savior? (July 8, 2004, p. 16)* все еще обсуждается. Доказательством этого являются многочисленные языковые выражения, построенные на антонимии и оксюмороне: *a benevolent dictator; liberal authoritarianism or authoritarian liberalization; iron will, a strongman tough, stern, harsh, Teflon quality* и *weak, thin-skinned; a prisoner of court politics*.

Владимир Путин – это одновременно *Mr. Nice Guy and the hand-fisted Russian President (Jan. 22, 2007, p.16); irrational and vindictive* и *highly rational sociopath*. Его умственные качества описаны так, как будто они принадлежат двум совершенно разным личностям: *crazy, increasingly paranoid* и *one of the smartest people...His...Swiss-watch mind...(March 10, 2008, p.38)*. Политическая деятельность В.В. Путина – многообразна и тоже подается в терминах антитезы: *a modernizer, reformer* и *conservative leader; unifying figure* и *an isolated man; Western-leaning forward-looking president* и *an atavistic throwback*. *Moreover, Putin is building a new state ideology based on the rejection of Western system and values...(June 20, 2014)*.

Основная тенденция в создании медиаобраза В. Путина журналом *Newsweek* может быть охарактеризована как определенное уважение, даже боязнь, смешанная с дозой ненависти. Подход авторов данного журнала основан на непонимании России, ее ценностных ориентации, ее истории. Поэтому образ лидера России отражается в зеркале журнала *Newsweek*, его либеральном дискурсе, в искаженном виде. Этим объясняется и противоречивая репрезентация образа В. Путина, которая ощущается в большинстве публикаций.

Прослеживается и мифологический компонент в изображении президента России, что является специфической адаптацией реальности в политических целях. Для авторов *Newsweek* характерна, как я полагаю, «мировоззренческая синекдоха идеологическая метонимия» (лишь часть вместо целого, вместо реального взгляда на традиции и ценности России – желаемые Западные ценности и ориентиры). В таком ключе и создается медиаобраз президента России В.В. Путина в дискурсе журнала *Newsweek*.

1.9. Англоязычная коммуникативная парадигма в контексте глобализации

С.М. Соболева

Нормы родного языка всегда остаются стандартом, который люди невольно накладывают на изучаемые ими иностранные языки. Участники коммуникации, принадлежащие к различным культурам, сталкиваясь с незнакомым или неожиданным стилем ведения беседы, пытаются дать ему рациональное объяснение, опираясь на систему оценок, принятую в их собственной культурной традиции. Как правило, причиной межъязыковых коммуникативных конфликтов являются именно различия в поведенческих коммуникативных стратегиях, а не слабое знание грамматики чужого языка или недостаточный словарный запас. Английский язык, являющийся инструментом межнационального общения, чаще других подвергается критическому рассмотрению с позиций коммуникативной эффективности и культурно-языковой экспансии.

Миллионы людей, понимающих необходимость изучения иностранного языка, предпочитают английский всем остальным. Но успешное окончание курсов английского языка и владение им на уровне *advanced* не гарантирует успешной коммуникации.

Арпита Мишра, занимающаяся сложными вопросами межкультурного общения, исследовала многочисленные случаи коммуникативных неудач студентов из Индии и Пакистана, обучающихся в британских университетах и уверенно говорящих по-английски [Mishra, 1982, p. 70]. Причину их коммуникативных проблем она видит в том, что они просодически не выделяют главную мысль сообщения. Вместо этого они акцентируют незначительные детали, так что к тому времени, когда они, наконец, подходят к основной мысли, их слушатели-британцы уже сбиты с толку. Более того, их способы обозначения главной и побочной информации настолько отличаются от тех, которые используются в просодической системе британцев, что коммуникация разрушается [Там же]. В этой связи нельзя не признать справедливым замечание С.В. Кодзасова: «Значение интонации для речевого общения многими, в том числе и профессиональными лингвистами, осознаётся далеко ещё не в полной мере. Между тем её роль чрезвычайно велика: интонация создаёт как бы коммуникативный каркас речи, управляя интеракционным поведением говорящих и устанавливая рамки принятия ими пропозициональной и референциальной информации. Не случайно синтезированная речь без интонационного компонента практически недоступна для восприятия» [Кодзасов, 1985, с. 48].

Джон Гумперц указывает на то, что американцы и азиаты, говоря по-английски, пользуются диаметрально противоположными коммуникативными стратегиями, которые, прежде всего, находят выражение в просодической области [Gumperz et al, 1985,

р. 54]. Азиаты, прежде чем подойти к основной мысли, раскрывают фоновую информацию, которая подаётся на высоких частотах и с чётким ритмическим ударением, затем снижают частоту и переходят к менее эмоциональному стилю для того, чтобы раскрыть основную мысль. Американцы поступают наоборот, то есть, они выделяют основную мысль эмфатическим ритмическим ударением и снимают эмфатические элементы при переходе к фоновой информации, что обычно выражается в понижении частоты основного тона. Такие типы акцентной организации текста Джон Гумперц рассматривает как различные проявления связности. Для участников коммуникации, интерпретирующих произнесённое высказывание в рамках одной просодической системы, такое высказывание может оказаться потерянным, то есть лишиться связности, если оно было построено согласно правилам другой системы.

О ситуациях такого рода принято говорить, что в них имеет место нарушение коммуникативных норм, вызванное интерференцией. Но есть основания считать, что причина подобных сбоев имеет более глубокие аксиологические корни.

Априори считается, что все участники коммуникации стремятся поддерживать разумный доброжелательный дискурс. Это условие по умолчанию соблюдается всеми, и если кто-либо по какой-нибудь причине не в состоянии его выполнять, это болезненно отражается на социальном самочувствии виновника – ведь он оказался причиной сбоев в гладком течении коммуникативного процесса.

«Гармоничная коммуникация» по-разному понимается в разных культурно-языковых сообществах. Невозможно предугадать, как то или иное проявление национальной культурно-языковой традиции будет воспринято «чужаками». «Восточный» и «западный» коммуникативные типы, действительно, друг для друга закрыты и непредсказуемы. Пожалуй, единственное, что является для них общим, это исходное представление о том, что есть грубость. Представители и «восточных», и «западных» культур сходятся в том, что грубость в контексте коммуникации – это отказ адресата вступить в общение с инициатором общения [Yokoama, 1990, p. 1–16]. То, как этот отказ реализуется в конкретных вербальных и невербальных формах, и как на него реагирует инициатор, вопрос вторичный, и каждая культурно-языковая традиция решает его по-своему.

Нежелание вступать в предлагаемую коммуникацию находит выражение на разных уровнях дискурса. Так, на уровне ролевого взаимодействия грубость проявляется в отказе устанавливать обратную связь. Например, мы неизменно чувствуем обиду, когда в ответ на фразу «Привет!» или «Hi!» мы не получаем ни вербального, ни невербального ответа. Ритуал приветствия предполагает две роли, и для того, чтобы он смог осуществить свою перформативную функцию, обе роли должны быть выполнены в полной мере обоими участниками. Отказ исполнить партнёрскую роль в предлагаемом ритуале приветствия оскорбляет и унижает инициатора ритуала, поскольку подвергает сомнению его социальный статус.

На синтаксическом уровне нежелание поддержать коммуникацию может проявляться в виде разрыва диалогического единства. Например, отвечая вопросом на вопрос, мы нарушаем ожидаемый ход вербального взаимодействия – ведь вопрос задаётся для того, чтобы получить ответ [Yokoama, 1990, p. 10]. В отличие от предыдущего случая полного разрушения ритуала и унижения инициатора, данная ситуация сохраняет возможность диалога, но создаёт для инициатора невыгодные, ущемляющие коммуникативные условия.

На уровне прагматической стратегии принципы корректного речевого взаимодействия интегрированы в различные социальные и гендерные роли и связаны с соответствующими им коммуникативными ожиданиями. Неудивительно, что подобные гендерно обусловленные различия в коммуникативной стратегии заставили многих американских психологов и лингвистов сделать вывод о том, что американцы-мужчины и американцы-женщины принадлежат к двум различным субкультурам [Maltz, Borker, 1982, p. 201]. В основе гендерных субкультур лежат противопоставленные друг другу навыки вербальной и невербальной коммуникации, приобретённые в ходе индивидуальной и социальной практики.

В любой национальной культурно-языковой традиции высокий статус имеют правила почтительного уважительного дискурса. Интересно наблюдать, каким образом эти правила различаются в «западной» и «восточной» традициях. В коммуникативной установке ряда «восточных» культур есть интересная черта, в наши дни уже утрачиваемая, но всё же присутствующая в речи людей старшего поколения. Это – деятельное участие слушающего в монологической речи говорящего. Оно выражается в коротких междометных репликах, время от времени делаемых слушающим [Mizutani, Mizutani, 1987, p. 58–63]. На первый взгляд, эти реплики могут показаться бессистемными и хаотичными, но это не так. Их место строго определяется синтаксической структурой произносимых высказываний, и слушающий должен внимательно следить за ходом мысли своего собеседника, чтобы в нужный момент произнести соответствующее междометие. Если слушающий по каким-то причинам не реагирует на услышанные высказывания, говорящий начинает чувствовать дискомфорт и раздражение. Поскольку участники коммуникации постоянно меняются ролями «говорящего» и «слушающего», то каждый из них имеет возможность продемонстрировать своему собеседнику внимание, участие и заинтересованность. Можно представить, насколько трудно человеку, воспитанному в «западной» культурной традиции привыкнуть к этой коммуникативной технике и освоить её – ведь коммуникативные принципы «западного» дискурса отвергают вмешательство «слушающего» в роль «говорящего».

На уровне межкультурного взаимодействия недостаток информации о нормах и правилах, принятых в культурно-языковой традиции собеседника-иностранца, часто приводит к весьма нежелательным последствиям. В случае наихудшего развития событий негативный сценарий не ограничивается формиро-

ванием неприязненного стиля межличностного общения, но экстраполируется на весь национальный характер в виде отрицательного стереотипа. Люди, оказавшиеся в подобной ситуации, склонны объяснять недружелюбное к себе отношение разными факторами: расовой и этнической принадлежностью собеседника, его национальностью, религией, социальным статусом, и другими аналогичными обстоятельствами, в то время как причина конфликта проста – незнание коммуникативных норм, на которые ориентируется собеседник-иностранец. В случае подобного развития событий вопрос о взаимовыгодном информативном общении уже не стоит. Межкультурные коммуникативные конфликты, вызванные несовпадением прагматических стратегий, представляют серьёзную опасность для корректной партнёрской коммуникации в глобальном масштабе.

Вот каким образом характеризует китайский студент, изучающий английский язык в одном из университетов США, американский стиль общения: «Я вовсе не считаю американский стиль, когда сразу обозначается тема разговора, эффективным. Такой стиль далеко не всегда является более убедительным или красноречивым, чем китайский, который подразумевает, что собеседник, разговаривая с аудиторией, одновременно размышляет вместе с ней. Это даёт аудитории возможность самостоятельно судить о том, насколько говорящий прав в своих рассуждениях. Китайский стиль отличается большей непредубеждённостью, объективностью и беспристрастностью, чем американский стиль, который сразу ограничивает вас определёнными рамками. Видите ли, когда вы общаетесь с американцем, вы сразу можете отреагировать на его слова, и дальше уже не слушать» [Young, 1982, p. 82].

Очевидно, что эта характеристика представляет собой пример резко критического отношения к англоязычной коммуникативной стратегии. Нет ничего удивительного в том, что её выражает человек, чья культурно-языковая парадигма сформировалась под влиянием противоположных коммуникативных правил. Удивляет то, что к английскому языку как к инструменту межкультурной коммуникации настороженно относятся и европейцы. Правда, их опасения вызваны не наличием в английской культурно-языковой традиции элементов, входящих в противоречие с их национальными культурно-языковыми нормами, а тем, что английский культурно-исторический код разрушает национальную идентичность других европейских народов: «Так случилось, что английский язык стал представлять совершенно определённую культурную традицию, включающую индустриальное общество, коммерциализацию, свободный рынок, индивидуализм, засилье СМИ и печально закончившуюся колониальную историю. Нельзя сказать, что всё это непременно плохо (кое-что даже достойно подражания). Просто не каждому это нравится. Это особенно не нравится тем людям, которые остро чувствуют, как их национальные культурные традиции разрушаются под напором англоязычных фильмов, радио, телевиденья, музыки, товаров, а в последние годы – Интернета». Этими слова-

ми выразил свою позицию Алан Корэ, который ещё в далёком 1965 году вместе со своими друзьями начал создавать новый язык международного общения *Lingua Franca Nova*, в основе которого лежали языки романской группы [Corré, 2019].

Несовпадение коммуникативных стратегий, как было указано выше, всего лишь поверхностный уровень межкультурного конфликта. Второй уровень – это несовпадение систем ценностей и морально-эстетических принципов. Западные исследователи отмечают существование фундаментальных отличий «западных представлений о том, чем является личность человека от того, как её представляют себе китайцы, японцы, корейцы и представители других национальных культур Востока. Исследователи полагают, что эти представления коренятся в различном понимании европейцев и китайцев истоков идентичности: «Western “self” and “personal identity” are fundamentally different from their Chinese counterpart» [Hu, 2019] (Существуют фундаментальные различия между тем, как представляют себе собственное «я» и собственную «личность» на Западе и в Китае – перевод *Соболевой*). Китайское представление о личности и самом себе основывается на идее преемственности поколений, соблюдения чётких социальных различий, главенства иерархических отношений, подчинения власти и поддержания стабильности [Benbin, 2015, p. 216–29]. Такие личностные установки в корне противоречат западноевропейской англоязычной традиции, базирующейся на крайнем индивидуализме.

Английский язык, ставший в 1980х годах обязательным компонентом китайской образовательной системы, приносит с собой элементы западной культуры и западные ценности, а глобализация усиливает их воздействие. Китайская молодёжь стала быстро усваивать западные ценности и западную мораль. Это привело к сильнейшему кризису идентичности. Некоторые китайцы испытывают «коллективный комплекс неполноценности», он выражается в желании забыть родную культуру и с «головой погрузиться» в культуру Запада, манящую своим материальным изобилием, свободой, развитой экономикой и высокими технологиями. Эти люди готовы признать превосходство Запада во всех сферах общественной жизни. Опросы студентов в российских университетах дают сходную картину – молодёжь изучает английский язык, прежде всего, для того, чтобы иметь возможность построить свою жизнь в англоязычной стране. Потеря духовного контакта со своей родиной их не пугает. Пресловутый *brain drain* – всего лишь видимая часть проблемы, называемой «утрата национальной идентичности». Невозможно не согласиться с китайскими коллегами, утверждающими, что изучать английский язык – это значит подвергать культурную идентичность обучаемого воздействию культуры, идеологии и системы ценностей тех людей, для которых английский является родным [Benbin, 2015, p. 28]. Очень образно по этому поводу выразился преподаватель английского языка одного из ведущих университетов Республики Корея: «Если кореец говорит по-английски, то это значит, что он думает по-американски» [Kim, 2016, p. 55].

Специалисты описывают такие явления термином «транслингвальность». По-видимому, термин «трансидентичность» способен полнее отразить драматический характер перехода из родной системы ценностей и представлений в систему ценностей привнесённых и чуждых.

Английский язык в контексте глобализации неизбежно связан с вопросами геополитики, поскольку давно превратился в инструмент решения политических, экономических и даже военных задач. Он отражает напряжённую борьбу за рынки и финансовые потоки, за природные ресурсы и территории, и, конечно, в первую очередь, за сознание сотен миллионов людей.

Глава 2. Языковое образование в высшей школе

2.1. Метакоммуникация в языковом классе: что стоит на повестке дня?

М.Н. Рассоха

Человек, участвуя в речевой деятельности, нередко прибегает к метакоммуникации, чтобы обсудить как само сообщение и, прежде всего, его языковую форму, так и речевое поведение в целом. Метакоммуникация – в широком смысле слова – это общение относительно самого общения, при котором говорящий, чтобы прокомментировать средства и форму сообщения, использует метаязык.

Прежде всего подчеркнем, что термин «метаязык», как, впрочем, и сам термин «язык», обладает довольно большим эвристическим содержанием. Так, к метаязыку относят определенный репертуар языковых средств в составе естественного языка, к которому прибегают говорящие в ежедневной коммуникации, если возникает необходимость прокомментировать речепроизводство: *иначе говоря, слов нет, между прочим, если речь идет о...* и т.п. Этим термином также обозначается специальный язык, используемый специалистами-языковедами для профессиональной коммуникации и изучаемый особым разделом языкознания металингвистикой. В этом случае объем метаязыка и способы его применения существенно отличаются от метаязыка «наивных» пользователей.

В более широком понимании, метаязык – это язык для описания любого объекта изучения. Метаязыки применяются во всех областях человеческого знания, в качестве примера можно привести специальный язык медицины, инженерии или юриспруденции. Обобщая, можно сказать, что, по своей сути, метаязык – это язык «второго порядка» [Гвишиани, 1990, с. 297], единицы которого служат для исследования и описания характеристик и свойств феноменов действительности. Он может обладать большей степенью формализованности, например, метаязык математики или химии или меньшей, например, метаязык лингвистики, хотя и здесь исследователи-лингвисты прибегают к формулам и моделям, например, при описании структуры слова ($N + less = Adj.$) или предложения (SPOO). Отметим, что характерной особенностью метаязыков разных областей знания является то, что помимо специально созданных терминов, в данные метаязыки входят единицы естественного языка, однако при этом у них развивается терминологическое значение (например, *число* в математике и *число* лингвистике – единственное, множественное, двойственное; *звук* в физике и *звук* в лингвистике). Таким образом, с помощью метаязыка создается информационное поле, единицы которого позволяют показать суть и природу явления.

К проблемам метаязыка, его состава и употребления обращаются исследователи самых разных научных направлений. Начиная с 1990-х годов, и особенно в последнее время, вопросы метаязыка и метакоммуникации вызывают все больший интерес и у специалистов, работающих в области языкового образования. Действительно, языковой класс – это та коммуникативная ситуация, в которой активно используется метаязык, причем в самых разных видах учебной деятельности, например, когда вводится новый вокабуляр, характеризуется тип высказывания, комментируется перевод, изучается лингвистическая теория и т.п. Несмотря на то, что крайне сложно представить языковой класс без активной метакоммуникации и постоянного обращения к метаязыку, в современной специальной литературе по иноязычному образованию роль метаязыка определяется неоднозначно.

Любопытно, но имеет место точка зрения, отрицающая необходимость использования метатерминологии при обучении языку. Данная позиция нашла поддержку среди довольно большого круга преподавателей и широко обсуждается в интернете на профессиональных сайтах. В качестве примера может служить статья Ч. Чонг *How much metalanguage do you use?*, опубликованная на сайте британского журнала *English Teaching Professional* [Chong, 2015]. Ниже обобщим основные аргументы, приведенные в ряде публикаций [Hu, 2010; Chong, 2015], к которым прибегают критики метаязыка в языковом классе ('anti-metalanguage' teachers).

Во-первых (и в основном), противники использования метатерминов в языковом обучении утверждают, что при современном коммуникативном подходе отпадает необходимость уделять много времени объяснению языка, как это было в рамках грамматико-переводного метода. Говорить о языке это не то же самое, что говорить на языке, следовательно, напрасно тратится учебное время на обучение метатерминам и на развитие грамматической компетенции в ущерб коммуникативной. Во-вторых, метаязык способствует закрытости и обособленности группы учащихся, особенно, если только часть студентов владеет специальной терминологией. В-третьих, содержание ряда терминов сбивает с толку или является слишком сложным, что может служить демотивирующим фактором. Например: *Money is an uncountable noun* ("Learners typically say that one can count money"); *Past participle is used to express an action at present and Present continuous to express a future action.* (Hamburgers are eaten daily; I am flying to Rome in two days). И наконец, некоторые преподаватели необоснованно много и часто используют метаязык, только лишь для того, чтобы утвердить свой авторитет.

В свою очередь, их оппоненты ('pro-metalanguage' teachers) также выдвигают ряд оснований в пользу применения метаязыка в классе, которые нередко выглядят диаметрально противоположными. Среди ключевых аргументов «за» называются следующие. Метатермины помогают лучше объяснять и понимать функционирование языка. Они способствуют категоризации явлений языка, развитию лингвисти-

ческой компетенции студентов. Знание и использование метаязыка развивает металингвистические способности учащегося, то есть осознанное употребление и более глубокое понимание языковых структур и форм. Более успешному формированию металингвистического знания студентов способствует также наличие в школьном образовании традиции строить обучение родному языку на метаязыке. Незнание и неиспользование метаязыка приводит к изоляции такой группы обучаемых и их преподавателей в академическом сообществе, активно пользующимся метакоммуникацией. Очевидно, что без метаязыка невозможно, даже в рамках жесткого коммуникативного подхода, выявить, какие общие явления и языковые структуры обучаемые интериоризировали, и как они их поняли. Кроме того, студенты ожидают, что преподаватели будут использовать метаязык, как это было на предшествующих этапах изучения языка, к тому же они сталкиваются с метаязыком в учебниках и других учебных материалах [Euch & Huot, 2015; Ну, 2010].

Обратим внимание на то, что полемика носит довольно общий и нередко декларативный характер, не опираясь на понятийное толкование метаязыка и метакоммуникации, на понимание того, что входит в метаязыковую компетенцию обучаемого. Более того, как очевидно, нередко нивелируются особенности конкретной ситуации обучения иностранному языку, цели обучения, уровни владения языком и т.п., не говоря уже о сложившихся методических традициях преподавания иностранных языков в конкретных странах.

Поддерживая «прометаязыковую» точку зрения, мы считаем необходимым акцентировать в рамках данной статьи ряд вопросов, к которым, на наш взгляд, на современном этапе исследований метакоммуникации в языковом классе следует обратиться в первую очередь.

Вопрос первый касается *роли и функции метаязыка в познании* в целом. Безусловно, в сфере образования это вопрос центральный, так как с точки зрения теории когниции познание невозможно без метапознания – осознанной рефлексии о том, как протекают познавательные процессы, приобретаются и совершенствуются знания о конкретных феноменах действительности и какую роль играет при этом язык.

Термин «метакогниция» (metacognition) или «метапознание» принадлежит американскому психологу Джону Флейвеллу [Flavell, 1979], который таким образом обозначил понимание и осознание индивидуумом процессов собственного познания, то есть, по сути, это саморефлексия о познании. В метапознание, согласно Дж. Флейвеллу, входят четыре основных компонента: метакогнитивное знание (metacognitive knowledge), метакогнитивный опыт (metacognitive experiences), метакогнитивные цели и задачи (metacognitive goals/or tasks) и метакогнитивные действия (metacognitive actions/or strategies) [Flavell, 1979, p. 906].

Наблюдая и анализируя собственную познавательную деятельность, важно понимать, что условием метапознания является взаимодействие всех четырех ком-

понентов: метакогнитивный опыт и знания зависят от того, какие задачи и цели поставлены, и как определены способы и действия для их достижения. Метакогниция неотделима от текущего познавательного процесса, поэтому рефлексия о том, как он протекает, должна иметь место при обучении. Именно метакогниция – сознательное управление процессом познания позволяет двигаться вперед в своей познавательной деятельности.

В связи с этим необходимо также иметь представление об основных функциях метапознания, к которым относятся мониторинг, последующее регулирование и организация ментальных процессов [Flavell, 1979]. Безусловно, без специального метаязыка означивание этих процессов и участие в них невозможно; результаты метакогниции, как правило, репрезентируются в языковой форме. Признание того факта, что метапознание и метаязык взаимосвязаны в процессе обучения позволяет сделать вывод о ключевой роли метаязыка в осознании индивидом этих процессов, их мониторинге и регулировании.

В сфере иноязычного образования метапознание является когнитивной деятельностью, ориентирующейся на получение знания о языке (в отличие от владения языком). Е.С. Кубрякова вводит понятие лингвистического метапознания, определяя им «область лингвистического знания, которая достигается в процессе познания самого языка» [Кубрякова, 2009, с. 22]. Лингвистическое метапознание основывается на рефлексиях по поводу языковых явлений и связано с деятельностью (научной или учебной) по изучению и описанию языка. Таким образом, на занятиях в классе изучающие язык должны получить возможность приобрести метакогнитивный опыт и знания; необходимым условием для этого является метакоммуникативная деятельность участников образовательного процесса – педагогов и учащихся.

Собственно второй вопрос и затрагивает *содержание метакоммуникации в языковом классе*. Чтобы проанализировать метакоммуникацию на занятии по иностранному языку, прежде напомним, что представляет собой коммуникативная ситуация и ее основные компоненты.

Если воспользоваться совсем упрощенной схемой, то модель коммуникации состоит из коммуникатора (адресанта), целевой аудитории (адресата), сообщения и канала коммуникации [Почепцов, 2001, с. 39], сюда же следует добавить цели коммуникации и контекст общения. Важно также указать, что коммуникативные процессы протекают на двух уровнях: коммуникативном и метакоммуникативном [Почепцов, 2001, с. 32]. Отметим, что метакоммуникативный аспект общения может пониматься очень широко: и как комментирование языкового плана общения, и как взаимодействие говорящих – психологическое, эмоциональное, социальное, и как регулирование самого процесса обмена информацией [Макаров, 2003]. В данной статье метакоммуникация трактуется в узком – лингвистическом – значении как дискурс о языке.

Проецируя данную модель на языковой класс (как в сфере школьного, так и университетского образования), мы получаем коммуникативную ситуацию, в которой участвуют педагог и учащиеся; ее основной целью является обучение языку, передача и получение знаний о языке, при этом в рамках учебной деятельности в языковой оболочке также сообщается самая разнообразная информация о внешнем мире, каналом коммуникации выступает как устная, так и письменная речь.

Уникальной особенностью такой коммуникативной ситуации является то, что предметом общения выступает язык, таким образом, метаязыковой компонент присутствует обязательно, однако он реализуется в разном объеме в зависимости от взаимодействия и взаимообусловленности приведенных выше компонентов модели коммуникации. Так, на *объем и содержание метакоммуникации* будут влиять цели обучения и образовательный контекст. Соответственно для разных типов учебного контекста с разными целями обучения должна быть разработана своя *типология метакоммуникативного общения*. Метакоммуникация в условиях реализации программы профессиональной подготовки, например, студентов-филологов существенно отличается от метакоммуникации студентов других специальностей, изучающих иностранный язык. Содержание и объем метаобщения также зависят от уровня владения языком, преподается базовая лингвистическая дисциплина или факультативная и т.д. Ключевую роль при этом играет преподаватель, поскольку метакоммуникативное пространство в классе создается в первую очередь преподавателем и предлагаемыми им учебными материалами. В этом отношении метакоммуникация носит *субъективный* характер и зависит от профессионализма преподавателя. Стоит подчеркнуть, что данный субъективный фактор затрудняет контроль и регулирование метакоммуникации, поскольку далеко не каждым преподавателем практикуется саморефлексия: Как я использую метаязык? Понятен ли он студентам? Насколько данный корпус метаязыка соответствует целям обучения? Как глубоко следует прорабатывать содержание метатерминов? и т.п. Надо признать, здесь пока не разработаны строгие критерии, определяющие насколько эффективен преподаватель в плане метакоммуникации, насколько профессионально и тщательно отбираются им средства метаязыка.

В академическом дискурсе метаязык, согласно Т. Финли, представлен двумя типами: так называемый метаязык обучения (instructional language)¹⁴ и метаязык академического предмета (language of the discipline) [Finley, 2014]. Первый чаще осваивается ситуативно (подобно тому, как ребенок овладевает языком в языковой среде), метакогнитивные процессы при этом активизируются нечасто. Второй вид метаязыка служит для репрезентации области научного знания и требует значи-

¹⁴ На занятиях, посвященных лингводидактике как научной области знания, язык обучения становится метаязыком дисциплины.

тельных метакогнитивных усилий при его освоении. Это обусловлено как историей сложения метаязыков, языковым материалом метатерминов, открытостью/закрытостью терминосистем и пр. Если обратиться к конкретному примеру метаязыка лингвистики, который используется для описания разных характеристик и свойств языка-объекта, то в обучении необходимо учитывать его уникальную природу, поскольку *«в значительной своей части он строится на основе тех же единиц, что и язык-объект, т.е. имеет с ним единую (тождественную) субстанцию. Таким образом, будучи языком описания естественного языка, метаязык одновременно выступает и как часть естественного языка»* [Гвишиани, 1990, с. 297] (выделение – наше). «Слово», «звук», «язык», «речь», «текст» и многие другие единицы естественного языка, о которых у студентов имеются бытовые, «наивные» знания должны быть переосмыслены в рамках учебной метакоммуникации и перейти в разряд метатерминов, став ядром профессионального метаязыка. Отказ от метаязыка в классе или значительное его сокращение означает, что изучающий язык не преодолеет «спонтанные представления о языке и речевой деятельности» [Арутюнова, 2000, с. 7] и останется на уровне обыденного «наивного» опыта простого пользователя языка.

Понимание того, что метаязык необходим, поскольку он обеспечивает освоение вербальной формы знания о языке и, следовательно, рефлексии над языком, подводит педагога к необходимости решения целого ряда вопросов: определение инвентаря и объема метаязыка для соответствующего уровня учащихся/студентов и приемы его освоения, установление корреляции метаязыка и языкового материала, координирование метаязыковых репертуаров разных лингвистических дисциплин, вопросы тестирования уровня владения металингвистическими знаниями и другие.

Ожидается, что преподаватель, сознавая свою ответственность, инициирует необходимый уровень метакоммуникации и моделирует учебный процесс таким образом, чтобы студенты имели возможность осваивать метаязык и включаться в метаобщение. Важно, что, начиная знакомство с языком (с родным, потом с иностранным) в пределах школьной, а затем и вузовской программы, изучающий язык уже имеет определенные навыки метаязыкового общения, полученные им в качестве носителя своего родного языка, однако данные навыки могут иметь разную степень освоенности, к тому же чаще всего они не осознаются.

Оказываясь в контексте языкового образования, у учащегося, как ожидается, должна активизироваться способность к метаязыковому общению в результате чего, будет расширяться опыт метакоммуникации и, соответственно, увеличится репертуар метаязыка. Тем не менее, довольно длительное время метакоммуникация продолжает иметь ассиметричный характер означающий, что «один из ее участников является субъектом, а другой – объектом коммуникации» [Дубровченко, 2011, с. 82]. Чтобы стать субъектом учебной метакоммуникации, студенту необходимо

освоить такие ее базовые характеристики, как аналитический, процессуальный, рефлексивный, субъективный и интегральный характер метакоммуникации [Там же, с. 82]. Это значит, что студент должен развить в себе способность оценивать (мета)общение и свою коммуникативную роль в нем; понимать, как протекает процесс коммуникации, самостоятельно инициировать метаречь, уметь объяснять и описывать свое метакоммуникативное поведение.

Здесь мы подходим к третьему вопросу о *металингвистической (метаязыковой) компетенции* изучающих язык. В специальной литературе металингвистическая компетенция описывается либо как компонент в составе лингвистической компетенции [Московская, Пирвердиева, 2011], либо как самостоятельный тип компетенции [Овчинникова, 2005]. Так или иначе, обе компетенции тесно связаны, поскольку метаязыковая способность формируется на основе языковой компетенции и включает прагматический компонент языковой компетенции, рефлексию над языком (языковым материалом и языковой системой в том виде, в котором она представлена в языковом материале) и оценку своих знаний языка и о языке [Овчинникова, 2005].

Мы полагаем, что для контекста языкового класса металингвистическая компетенция может быть определена как способность осознанно применять метаязык для описания и исследования языка-объекта, а также как способность конструировать и регулировать метакоммуникативное общение и поведение. Таким образом, в содержании металингвистической компетенции помимо знания о том, что есть такой параметр коммуникации, как метакоммуникативный, и о том, какие навыки и умения он включает и для чего он собственно нужен, присутствует и метакогнитивный компонент, включающий операции с метаязыком. На метакогнитивном уровне обладающий данной компетенцией демонстрирует способность моделировать собственную *метакогнитивную деятельность над языком* как объектом осмысления и анализа: организовать мониторинг процессов освоения языка, рефлексии относительно степени усвоения, качества прилагаемых усилий и т.д., траекторию рефлексии над языком, оценить свой метакогнитивный опыт и сравнить его с опытом других студентов. В педагогике, фокусирующейся на автономности и самостоятельности учащегося, эти метакогнитивные умения приобретают особое значение.

В этой связи интересно проиллюстрировала метакогнитивные действия на примере понимания текста А. Вежбицка в своей классической работе *Метатекст в тексте* [Вежбицка, 1978]. Адаптируя ее иллюстрацию, представим попытку описать субъективный опыт метакогнитивной рефлексии. Эти рефлексии имеют метатекстовый характер выражения. К примеру, при чтении учебного текста по языкознанию студент, владеющий метаязыковой компетенцией, способен генерировать в голове еще один текст – «двутекст», который создается «мета-голосом» (термины А. Вежбицкой) [Вежбицка, 1978]: это важно запомнить...а это выражено таким-то

термином... я его уже встречал, но в другом значении...здесь я не понимаю...что ж так сложно написано...надо будет поискать ответ...или задать вопрос преподавателю...Таким образом, студент ставит метазадачи, способы их решения, контролирует процесс накопления знаний, формирует свой метакогнитивный опыт с его познавательными и эмоциональными компонентами – положительными от достигнутых результатов и отрицательными в связи с неудачами.

Подводя итоги, следует указать, что еще только предстоит существенно продвигнуться в понимании того, как используется метакогниция в сфере иноязычного образования на разных уровнях обучения и в разных типах образовательных контекстов. Круг вопросов, требующих решения, достаточно широк: как происходит усвоение результатов метаязыковой деятельности, какие стратегии метаязыковой деятельности наиболее эффективны, как сформировать такой важный навык как самооценка, как разработать систему обучающих упражнений для формирования метаязыковой компетенции и организовать контроль и тестирование метаязыковой деятельности и многие другие. Очевидно, что в настоящее время назрела потребность обратиться к вопросам метакоммуникации в языковом классе как к объекту изучения более детально. Крайне необходим комплексный анализ метакоммуникации в формате преподаватель-студент [Ловцевич, Данилова, 2017]¹⁵ и студент-студент. Необходимо также предпринять усилия по созданию типологии метадискурсов языкового класса, вычленив, изучить и описать используемые метаязыковые средств и создать их корпус, определить их функциональный потенциал для развития метакогнитивных способностей студентов как языковых, так и неязыковых специальностей.

Поднимаемая в статье проблематика относится к области изучения метафеноменов – сравнительно новому направлению современных гуманитарных исследований, в целом отражающего глубокий интерес к когнитивной стороне речемыслительной деятельности и разрабатывающего такие понятия, как метакоммуникация, метатекст, метаязык, метапамять, метакогниция и другие. Для сферы образования – особенно языкового – теоретическое и прикладное осмысление и освоение данных понятий, безусловно, открывает новые перспективы.

¹⁵ В качестве примера изучения учебного дискурса преподавателя сошлемся на исследование Г.Н. Ловцевич и С.А. Даниловой, выявивших метаязыковую функцию на материале кодовых переключений [Ловцевич, Данилова, 2017].

2.2. Об организации курса практической лексикографии (бакалавриат, направление «Фундаментальная и прикладная лингвистика»)

*Г. Н. Ловцевич,
Д. А. Марков,
А. С. Трифонов*

Практическая лексикография (словарная работа), являющаяся «древнейшим видом лингвистической деятельности человека», всегда отвечает практическим потребностям общества. Лексикографический опыт школы английской филологии Дальневосточного государственного университета позволяет увидеть, как региональный университет откликнулся на потребности времени.

Открытие ранее закрытого города Владивостока в 1992 году, появление первых иностранных туристов в городе привело к необходимости создания русско-английского разговорника под редакцией З.Г. Прошиной (1994). Летние олимпийские игры 2000 в г. Сидней (Австралия), присутствие в Приморском крае российских спортсменов, проходивших адаптацию, побудили коллектив Института иностранных языков, руководимый Л.П. Бондаренко, на создание двуязычного словаря спортивной терминологии (2000).

Географическая близость Приморья с восточным побережьем США, начавшиеся совместные образовательные проекты и открытие в Институте иностранных языков программы Регионоведение США потребовали углубленных знаний об американской культуре. Профессор М. Г. Лебедько совместно с доцентом И.Н. Жуковой разрабатывают справочник *American Quilt* (1999), словник которого состоит из 6500 культурно значимых лексических единиц.

Осознание близости стран Тихоокеанского региона, увеличивающееся общение со странами Юго-восточной Азии, использование английского языка в качестве лингва-франка для передачи культуры пользователей-не носителей английского языка и исследование особенностей «нового английского языка» послужило импульсом к созданию З. Г.Прошиной Англо-русского контактологического словаря восточной культуры (2004), содержащего 8000 англоязычных реалий Китая, Кореи и Японии.

Вхождение в мировое профессиональное сообщество преподавателей английского языка и создание на базе Института иностранных языков Дальневосточной общественной организации преподавателей английского языка (FEELTA) в 1995 г., участие в международных научно-практических конференциях за рубежом и проведение первых международных конференций в ДВГУ (1996, 2000) показало важность межкультурного профессионального общения и проблем взаимопонимания, которые не являлись языковыми проблемами. В ответ появляются словарь

лингводидактических терминов Г. Н. Ловцевич (2009) и словарь терминов межкультурной коммуникации М. Г. Лебедев и З. Г. Прошиной (2013).

Несомненно, такой лексикографический опыт позволяет говорить о создавшейся Дальневосточной лексикографической школе и, не удивительно, что сегодня в Дальневосточном федеральном университете уделяется внимание практической лексикографии – формированию системных знаний по лексикографии и навыков их практического применения – в ходе подготовки филологов-преподавателей английского языка и прикладных лингвистов. В рамках данной статьи хочется поделиться накопленным опытом проведения такой работы.

К настоящему моменту на кафедре лингвистики и межкультурной коммуникации в Дальневосточном федеральном университете успешно апробирован курс практической лексикографии. Целевой аудиторией данного курса являются студенты 4 курса, обучающиеся по направлению «Фундаментальная и прикладная лингвистика». Необходимость введения данного курса в программу обучения обусловлена рядом причин, основная из которых состоит в том, что одним из направлений профессионального обучения лингвистов являются отбор и обработка крупных массивов текстовых данных с помощью электронных средств. Курс реализуется на четвертом курсе в осеннем семестре в количестве 72 академических часов (3 зачетные единицы). Форма отчетности – экзамен.

Итогом успешного прохождения описываемого курса должно быть овладение практическими навыками в области лексикографии. Вследствие небольшого количества часов было решено обратиться к более узким областям лексикографии – специальной лексикографии и терминографии. Причина такого выбора обусловлена спецификой будущих профессий студентов, которая предполагает взаимодействие лингвистов со специалистами других научных и профессиональных областей.

Основная **цель курса** состоит в том, чтобы: а) сформировать у студентов умение определять и верно трактовать различные единицы специальной лексики, б) осуществлять отбор источников для формирования корпуса текстов и подготовки терминологического словника и в) представлять единицы специальной лексики в виде словарных статей в соответствии с принятыми в общей и специальной лексикографии правилами. Поставленная цель достигается через ряд **задач**, а именно:

- изучение типологии единиц специальной лексики и свойств термина как основного представителя специальной лексики;
- классификация источников специальной лексики;
- отбор релевантных единиц специальной лексики из имеющихся источников;
- анализ принципов представления специальной лексики в современных профильных словарях и электронных базах данных для последующего применения данных принципов в самостоятельной практической работе;

• пошаговое описание специальной лексики в словарной статье с особым фокусом на семантизации единиц специальной лексики.

Методологической основой курса послужили работы таких лексикографов и терминоведов как А.С. Герд (1986), С.В. Гринев-Гриневиц (2008, 2009), В.В. Дубинчинский (2008), И.С. Кудашев (2007), Г.Н. Ловцевич (2009), В.М. Лейчик (2013), А.В. Суперанская et al. (2012).

Тематически курс практической лексикографии представлен следующим образом:

1. Понятие специальной лексики и ее классификация. Термин как единица специальной лексики.
2. Типы терминологических словарей. Электронные терминологические словари и терминологические базы данных.
3. Отбор специальной лексики: методы отбора и виды источников.
4. Микроструктура терминологического словаря. Компоненты и алгоритм разработки структуры словарной статьи.
5. Семантизация специальной лексики в терминологическом словаре.

Каждая тема реализуется в трех типах занятий – *лекция, семинар и практическое занятие*. Подобная структура позволяет, во-первых, интерпретировать и представить студентам основные теоретические положения общей и специальной лексикографии и терминоведения в ходе лекций, обсудить поставленные вопросы в ходе семинарских занятий и применить полученные знания и навыки на практических занятиях.

Параллельно, с середины курса, начинается работа над групповым проектом, целью которого является составление корпуса текстов выбранной области знания и подготовка терминологического глоссария (отбор специальной лексики и оформление ее в виде словарных статей). В завершеном виде проект защищается на последнем занятии в семестре.

Для примера более подробно остановимся на разработанном материале для семинара и практического занятия по теме «Отбор специальной лексики: методы отбора и виды источников». Студентам до семинара предлагаются задания, позволяющие им самостоятельно проработать данную тему для раскрытия ее на семинаре. Традиционно, вопросы к семинару сопровождаются списком литературы¹⁶. Ниже представлены **задания** к семинарскому занятию:

¹⁶ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Герд, А. С. Основы научно-технической лексикографии: как работать над терминологическим словарем / А. С. Герд. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 73 с.

Гринев-Гриневиц, С. В. Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь: учебное пособие / С. В. Гринев-Гриневиц. М.: Либроком, 2009. 224 с.

Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. В. Гринев-Гриневиц. М.: Академия, 2008. 304 с.

Семинар № 3
ОТБОР СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ:
МЕТОДЫ ОТБОРА И ВИДЫ ИСТОЧНИКОВ

1. Каким образом на состав словника терминологического словаря влияют следующие факторы: СЛОВАРЬ, СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА, ТИП ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ (предметная и лингвистическая компетенция).

2. Охарактеризуйте основные источники словника терминологического словаря и обоснуйте важность каждого из них:

- a. Учебники по специальности
- b. Монографии и научные статьи
- c. Работающие специалисты
- d. Корпуса национальных языков
- e. Терминологические словари
- f. Отраслевые энциклопедии
- g. Терминологические стандарты
- h. ГОСТы и отраслевые стандарты

3. Опишите следующие этапы по отбору лексики и подготовке словника терминологического словаря:

- a. Определение тематического охвата отбираемой лексики
- b. Определение границ подготавливаемого словника
- c. Разделение источников специальной лексики на первичные и вторичные
- d. Расположение единиц словника заданным образом
- e. Оформление единиц словника в виде словарных статей

Кудашев, И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики / И. С. Кудашев. Хельсинки: HelsinkiUniversityPrint, 2007. 443 с.

Ловцевич, Г. Н. Кросскультурный терминологический словарь как способ репрезентации терминологии гуманитарных наук: монография / Г. Н. Ловцевич. Владивосток: Издательство Дальневосточного Университета, 2009. 264 с.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка: учебное пособие / В. В. Дубичинский. М.: Издательство «Флинта», издательство «Наука», 2008. 432 с.

Суперанская, А. В., Подольская, Н. В., Васильева, Н. В. Общая терминология: терминологическая деятельность / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.

Табанаква, В. Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: дис. ... д-р филол. наук: 10.02.21. Тюмень, Тюменский Государственный Университет, 2001. 288 с.

Шелов, С. Д. Еще раз об определении понятия «термин» / С. Д. Шелов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2010. С. 795–799.

Atkins, B. T. Sue, Rundell, M. The Oxford guide to practical lexicography / B. T. Sue Atkins, M. Rundell. New York: Oxford University Press inc., 2008. 540 p.

- f. Семантизация единиц словника
 g. Снабжение единиц словника релевантной информацией (пометы, контекст употребления и пр.)
4. Подробно остановитесь на следующих принципах отбора лексики:
 а. Учет важности специальной лексики для профессиональной коммуникации
 б. Учет частотности специальной лексики
5. Перечислите и опишите лексикографические параметры микро-структуры словаря специальной лексики.

Практическое занятие по теме «Отбор специальной лексики: методы отбора и типы источников» имеет целью формирование навыков классификации источников специальной лексики, анализа источников специальной лексики по ряду критериев и отбора единиц специальной лексики. Мы считаем важным предоставить студентам различные типы источников на практическом занятии. При этом, мы не требуем предварительной подготовки к занятию данного типа, считая важной работу с терминологическими источниками под руководством преподавателя в группах по 2–3 человека.

Материалом для описываемого практического занятия послужили справочники по нефтегазовой индустрии различных типов на русском и английском языках. Выбор нефтехимической тематики обусловлен значимостью добычи нефти и развития нефтяной отрасли в регионе (на российском Дальнем Востоке). Отобранный нами справочный материал представлен учебником, справочником, научной статьей, публицистической статьей, ГОСТом и научно-популярным изданием (см. табл. 1).

Таблица 1

**Источники специальной лексики для практического занятия № 3
 по дисциплине «Практическая лексикография»**

Название источника	Автор	Год публикации	Тип источника	Входной / выходной язык
Производство нефтяных битумов	И. Б. Грудников	1983	Справочник	русский
I need to know: an introduction book to the oil industry and OPEC	OPEC Secretariat, Public Relations and Information Department	2013	Научно-популярное издание для детей	английский

ГОСТ Р 51858–2002: Нефть, общие технические условия	ИПТЭР, ОАО «ВНИИНП»	2002	Государственный стандарт	русский
Англо-русский словарь по химии и переработке нефти	В. В. Кедринский	1979	Терминологический словарь	английский / русский
Сернистые соединения нефти различного типа	И. Н. Сираева, Н. К. Ляпина	2011	Научная статья	русский
Oil and gas production handbook: an introduction to oil and gas production	Н. Devold	2006	Справочное пособие	английский
Геология нефти и газа	Э. А. Бакиров, В. И. Ермолкин, В. И. Ларин, А. К. Мальцев, Э. Л. Рожков	1990	Учебник для вузов	русский
Укротить «высокую серу»	В. Оноприюк (Транснефть)	–	Публицистическая статья	русский

Практическое занятие проходит в групповой форме по материалам, разработанным преподавателем. Ниже представлены вопросы и задания для практического занятия:

Практическое занятие № 3
ОТБОР СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ:
МЕТОДЫ ОТБОРА И ВИДЫ ИСТОЧНИКОВ

1. Просмотрите выданные вам источники специальной лексики.
2. Заполните Таблицу 2, выполнив следующие задания. Разделите источники на первичные и вторичные, сделав пометку в соответствующей графе.
3. Кратко охарактеризуйте каждый источник. Для этого:
 - выделите от 3 до 5 параметров типологизации источников специальной лексики (например: целевая аудитория, степень нормативности источника и пр.);

- ообразите каждый из критериев в полученной таблице;
- заполните соответствующие ячейки(см. Таблицу 2).

4. Соотнесите каждый источник с типом пользователя словаря.

На примере одного из выделенных вами вероятных типов пользователей распределите источники специальной лексики по степени релевантности по шкале от 1 до 8 (1 – крайне важный источник, 8 – источник не представляет интереса).

5. Соотнесите каждый источник с типом пользователя словаря. На примере одного из выделенных вами вероятных типов пользователей распределите источники специальной лексики по степени релевантности по шкале от 1 до 8 (1 – крайне важный источник, 8 – источник не представляет интереса).

6. Проанализируйте специальную лексику английского и русского языков, относящуюся к описанию видов нефти. Прокомментируйте следующие вопросы и утверждения:

- наблюдаются ли разного рода расхождения между русской и английской терминологией, относящейся к наименованиям видов нефти? Если вы ответили положительно, приведите примеры и объясните причину названных несоответствий;

- встречаются ли в указанных источниках другие виды специальной лексики, отличные от термина? Приведите соответствующие примеры и докажите, что это не термины;

- какие из предложенных источников не являются надежными для отбора терминов? Аргументируйте свой ответ.

- проявляется ли случаи взаимовлияния русско- и англоязычных терминов? В случае проникновения английских терминов в русскую терминологию и наоборот, каким образом это проявляется (посредством транслитерации, калькирования и пр.)?

- какого рода специалисту и для какой деятельности может потребоваться знание рассматриваемых терминологий?

7. Основываясь на информации, содержащейся в учебниках, научных статьях, словарях и терминологических стандартах, отберите 10 терминов из предложенных источников в соответствии со следующими критериями:

- важность для профессиональной коммуникации;
- частотность употребления.

Как показывает опыт проведения практического занятия, задания подобного типа позволяют студентам поработать с источниками специальной лексики, принадлежащими к различным жанрам и составленным на различных языках. Благодаря этому студенты могут попробовать в себя в роли исследователей и в полной мере пройти этап отбора специальной лексики – от типологизации источников и учета различных сопутствующих параметров до отбора самих терминов из предлагаемых источников.

Групповой проект дает возможность тренировки и применения практических навыков по поиску и классификации источников специальной лексики, а также отбору, оформлению и семантизации соответствующей лексики. В качестве наиболее важных особенностей группового проекта можно назвать следующие: а) студенты самостоятельны в выборе научной или профессиональной области знания и в отборе источников специальной лексики; б) работа проходит в группах по 2–3 человека в течение 7 последних недель семестра; в) обработка текстов ведется с помощью комплекса корпусных инструментов, таких как Laurence Anthony's Software или SketchEngine; г) перед защитой проекта студенты загружают корпус текстов, сохраненных в формате *txt*, на GoogleDrive с возможностью доступа к нему преподавателей и студентов. Общий объем корпуса должен составлять не менее 180 тыс. знаков с пробелами.

До начала работы над проектом студентам предлагается следующее задание:

*ГРУППОВОЙ ПРОЕКТ ПО СОСТАВЛЕНИЮ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ГЛОССАРИЯ*

- 1. создайте логико-понятийную схему рассматриваемой терминосистемы;*
- 2. составьте профиль пользователя терминологического глоссария, ориентируясь на такие критерии, как уровень предметной и лингвистической компетенции;*
- 3. подготовьте корпус профессиональных текстов, используя корпусные инструменты;*
- 4. отберите из корпуса текстов 10 ключевых единиц специальной лексики (коррелируйте такие параметры отобранной специальной лексики, как частотность и важность для профессиональной коммуникации);*
- 5. разработайте микроструктуру терминологического глоссария;*
- 6. представьте результаты работы.*

Защита группового проекта представляет собой финальную демонстрацию навыков и умений, приобретенных в ходе лекционных, семинарских и практических занятий. Для успешной презентации терминологического глоссария нами разработана памятка-рекомендация:

**ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЕНИЮ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ГЛОССАРИЯ**

Во время презентации вашего проекта следуйте предлагаемому алгоритму:

- *объясните критерии отбора единиц;*
- *обоснуйте степень терминологичности отобранных единиц;*
- *опишите процесс составления словарных статей с особым акцентом на семантизации специальной лексики;*
- *поясните, как профиль пользователя повлиял на составление словарных статей;*
- *охарактеризуйте трудности, с которыми вы сталкивались во время подготовки проекта;*
- *описать особенности полученного лексикографического продукта;*
- *длительность презентации —15 минут.*

Необходимо отметить, что самостоятельная работа студентов над проектом контролируется преподавателем на образовательной платформе BlackBoard, где студенты регулярно представляют выполняемые задания по проекту. Отобранные профессиональные тексты, а также составленный на их основе корпус загружаются на GoogleDrive с предоставлением доступа к материалу как преподавателю, так и студентам.

Курс по дисциплине «Практическая лексикография» является новым для учебной программы по направлению «Фундаментальная и прикладная лингвистика» и мы надеемся, что первый положительный опыт позволит усовершенствовать данный курс как необходимое звено в подготовке современного лингвиста. Среди проблем, которые все еще требуют решения, можно назвать необходимость привлечения больших данных корпусной лингвистики, использования большего количества электронных корпусных инструментов, а также привлечения специалистов других областей профессионального и научного знания для проведения совместных занятий по разработке терминологического словаря.

2.3. Из опыта преподавания английского языка студентам совместных двудипломных российско-американской / австралийской международных программ (РАФ)

*Т.В. Винокурова,
С.С. Ильина*

29 января 1991 г. в соответствии с договором между Дальневосточным государственным университетом и Университетским колледжем Мэрилендского университета (UMUC), расположенным в штате Мэриленд США был создан совместный российско-американский факультет. Факультет был утвержден приказом № 371 от 26.04.1991 г. Госкомитета РСФСР по делам науки и высшей школы. Постановлением Совета Министров РСФСР от 1 октября 1991 г. № 511 факультет признан базовым для подготовки менеджеров в Дальневосточном регионе.

Подписанию договора предшествовал долгий процесс обсуждения совместного учебного плана, на основании которого оба вуза, российский и американский, будут выдавать дипломы о высшем профессиональном образовании. После оценки качества преподаваемых в нашем вузе дисциплин, было принято решение о том, что из 69 дисциплин учебного плана, осваиваемого студентами, только 10 вели иностранные преподаватели на английском языке при помощи образовательной on-line системы WebTусо. Остальные дисциплины, после анализа всех используемых в учебном процессе УМКД (учебно-методический комплекс дисциплин), американская сторона засчитывает в свой диплом, доверяя уровню подготовки и качеству преподавания профессорско-преподавательского состава нашего университета.

4 июля 2001 г. был подписан договор между ДВГУ и Университетом Южного Квинсленда (USQ) об открытии на РАФе еще одной двудипломной, российско-австралийской программы, в рамках которой студенты получали диплом специалиста ДВФУ и диплом бакалавра университета USQ по направлению подготовки «Деловое администрирование».

Инициатором создания совместного российско-американского факультета выступил ректор Дальневосточного государственного университета Владимир Иванович Курилов, деканом факультета была назначена Анна Александровна Хаматова, а российско-австралийскую программу инициировала и возглавила Наталья Викторовна Кузнецова.

Решать вопросы преподавания английского языка на момент открытия программы в далеком 1991 было поручено декану факультета иностранных языков Людмиле Петровне Бондаренко. На РАФе была создана кафедра английского языка, которая сразу пополнилась такими профессионалами, как З.Г. Прошина, М.Г. Лебедько, Л.П. Бондаренко, Э.Г. Меграбова, Л.Н. Юркова, К.А. Глушкова,

Г.Я. Шин, Т.И. Денисенко, Т.В. Винокурова, Л.К. Науменко, В.А. Рудницкая, Е.Б. Конева, Л.Р. Головачева, Н.С. Столярова и др.

Основным условием перехода студентов на американскую часть программы стало успешное прохождение теста на знание английского языка как иностранного TOEFL. В этой связи перед преподавателями английского языка встала серьезная и сложная задача: как за 2 года, отведенных на освоение студентами российской программы, сделать из изучаемого предмета «английский язык» инструмент, с помощью которого впоследствии им предстоит обучаться на американской программе.

Было принято решение о трех аспектном преподавании английского языка: восприятие на слух/говорение, грамматика и чтение/лексика, что соответствует трем основным разделам, из которых состоит не только TOEFL, но и в целом любой международный экзамен по английскому языку. На каждый из аспектов отводилось по 4 академических часа в неделю. Несмотря на многоаспектность, преподавание английского языка ведется в едином ключе: закрепление изученной лексики на грамматических конструкциях и наоборот, использование изученных грамматических структур и лексики в разговоре и в развитии навыков восприятия на слух.

Учебники и учебные пособия, по которым ведется преподавание, направлены на изучение General English, однако часть занятия отводится на подготовку к сдаче TOEFL, в котором имеются свои, типичные только для данного экзамена, нюансы.

С самого начала учебного процесса преподаватели английского языка имели уникальную возможность знакомиться с учебными пособиями ведущих зарубежных издательств: McMillan, McGraw Hill, Barron's, Heinemann, Longman и многими другими и единогласно пришли к выводу о том, что все эти пособия должны быть доработаны с точки зрения адаптации к российскому студенту в целях минимализации интерференции родного языка, а именно – необходимо было дополнить их такими заданиями, как перевод с английского языка на русский и наоборот. Так началась история создания и использования на российско-американском факультете учебно-методических пособий для подготовки студентов совместных двудипломных программ (основные учебно-методические пособия указаны в Списке литературы). Эта история продолжается и в настоящее время: ко всем постоянно обновляемым учебникам по английскому языку создаются дополнительные учебно-методические пособия, ряд из которых даже получают награды и используются как самостоятельные пособия для работы со всеми категориями студентов.

Несмотря на единый подход к преподаванию английского языка на РАФе, каждый аспект заслуживает отдельного внимания.

Восприятие на слух/говорение

Основным принципом развития навыков восприятия на слух на РАФе всегда являлся скрипт. С первых дней обучения на факультете студенты слышат неадаптированный американский/австралийский вариант английского языка и учатся распознавать смысловые отрезки, редуцированные звуки и интонационные особенности изучаемых вариантов. На протяжении двух лет студентам предлагаются такие широкие темы для прослушивания и обсуждения, как "Education and Student Life", "City Life", "Business and Money", "Jobs and Professions", "Lifestyles Around the World", "Language and Communication", "Tastes and Preferences" и многие другие. Каждая из тем вводится диалогом, прослушав который студенты отвечают на предварительно заданные вопросы, обсуждают услышанное, а затем видят прослушанный диалог в учебнике, но с пропущенными "stressed words", которые ввиду их важности в контексте диалога, произносятся четко и ясно и потому не представляют сложности в распознавании и написании, но имеют большое значение для адаптации слуховых навыков русскоговорящего студента к восприятию английской речи. Заполненный и разобранный диалог (с лексикой, в том числе идиоматическими выражениями) на изучаемую тему учится студентами наизусть в качестве домашнего задания, а в аудитории воспроизводится в виде двустороннего перевода, подробного пересказа, собственного диалога по выученному образцу либо каким-нибудь иным способом. После диалогической речи выполняется переход к монологу. Студентам предлагается прослушать лекцию на изучаемую тему, сделать краткие записи услышанного, ответить на предварительно поставленные преподавателем вопросы, а после повторного прослушивания и расширения конспекта – заполнить предложенный в учебнике "outline". Дома студенты пишут скрипт прослушанной и обсужденной на занятии лекции и на следующем занятии его проверяют, отрабатывают на разного рода упражнениях и пересказывают. Данный вид упражнения (скрипт) чрезвычайно продуктивен: студенты учатся распознавать неадаптированную речь носителей изучаемого варианта английского языка, развивают навыки правописания, запоминают слова, фразы и выражения, проговаривая и прописывая услышанное, а также постепенно снижают интерференцию родного языка, находясь (что в большей степени усложняет освоение английского языка) в русскоговорящей среде. Опыт показывает, что после выполнения такого вида работы, как написание скриптов, у студентов снимается барьер в восприятии англоязычной речи.

Помимо вышеописанных упражнений, студенты выполняют задания на распознавание и употребление редуцированных форм, способов интонационного оформления высказывания, а также глубоко изучают культурные особенности США либо Австралии, в зависимости от выбранной программы. Этому аспекту уделяется очень большое внимание на совместных двудипломных программах. Занятие по восприятию на слух / развитие разговорных навыков начинается с того, что кто-то из студентов (это

делает каждый согласно списку) приносит 3-х / 5-минутную новость о стране изучаемого варианта английского языка. Новость может быть на любую тему: кухня, ботаника, политика, экономика, флора и фауна и т.д., но она должна интересовать докладчика и заинтересовать слушающих. Как правило, ребята выбирают что-то свое, например, кухню Австралии, и рассказывают сокурсникам о таких, например, кулинарных предпочтениях австралийцев, как Vegimite, который в итоге нам даже удалось попробовать, поскольку заинтересовавшийся в этом продукте студент привез его из поездки в Австралию. Студентам американской программы также предлагается погрузиться в мир традиций, идиом и пословиц на материале таких учебных пособий, как "101 American English Proverbs", "101 American English Idioms", "101 American English Customs". Каждая из традиций, идиом и пословиц представлена с объяснениями и контекстом, в котором наглядно представлено использование изучаемого явления. Студенты обсуждают все изученное с точки зрения культурологического аспекта и лексических явлений, а затем ищут подобные в своем языке, используя, тем самым, одну из основных функций английского языка – поделиться с миром особенностями своей, родной культуры. Вышеописанные материалы и методы работы позволяют максимально добиться поставленных перед преподавателями и студентами целей в развитии слуховых и разговорных навыков, а также способствует успешной сдаче тестов на знание английского языка как иностранного. Перейдем к следующему аспекту.

Грамматика

Почему грамматика всегда вызывает трудность у изучающих английский язык? Почему они иногда утверждают, что ее им никогда не освоить, что грамматика – «мое слабое место», «я никогда ее не понимал и не пойму»... В чем же проблема?

Ведь речь даже не идет о том, чтобы разграничить изучающих английский как свою специальность или тех, для кого английский является инструментом освоения профессии, далекой от лингвистики. Как показывает опыт, проблема овладения навыками английской грамматики актуальна для многих. Какой же видится выход?

Каждый человек за годы учебы в жизни вырабатывает свой способ запоминания. У одних хорошо развита зрительная память: достаточно увидеть и запомнить; другим нужно прописать или проговорить несколько раз, а остальные так и не могут найти свой способ. Вот здесь и требуется помощь опытного преподавателя, который на протяжении всей своей преподавательской деятельности вырабатывал, отработывал и оттачивал свой способ запоминания ключевых моментов английской грамматики. Речь идет об аналогии, что с греческого означает «соответствие, сходство, соразмерность». Это «процесс формального и/или семантического уподобления одной единицы языка другой или перенос отношений, существующих в одной паре (серии) единиц, на другую пару (серии)» [Ярцева, 2002, с. 31]. Применение

аналогий используется в речевой деятельности структурного образца, на основе которого и создаются новые единицы. Действие аналогий можно наблюдать при обобщении любой модели или правила и ее/его распространении на новые единицы. Использование метода аналогии позволяет изучающему английскую грамматику легко переходить от корпуса известных ему в родном языке форм к восприятию этих же форм и созданию новых, а, следовательно, и их освоению.

В качестве примера можно привести сравнение временной системы русского и английского языков. В русском языке имеются три времени: настоящее, прошедшее и будущее; в английском же их 16! Но эти 16 времен крутятся так или иначе вокруг той же самой триады времен русского языка: настоящего, прошедшего и будущего. Причина появления столь широкого спектра времен в английском языке является предметом изучения историков английского языка. Практикам же остается лишь размышлять над тем, как довести до понимания носителя русского языка факт их существования и необходимость использования. Ограничимся лишь констатацией того факта, что англичане оказались более скрупулезными и дотошными в выражении своих видо-временных действий. При этом следует упомянуть и тот факт, что язык – это система, которая не терпит пустоты. Если положить на одну чашу весов группу из 16 времен английского языка, а на другую – 3 русских времени, то, конечно, чаша с английскими временами перевесит. Но если образно вместо трех времен русского языка положить на чашу весов 6 падежей русского языка } (в отличие от 3 английских падежей), то обе чаши выровняются, поскольку в данном случае русский язык оказался более дотошным и скрупулезным в склонении имени существительного, чем английский. Это и нивелирует пустоту, создавшуюся между двумя языками.

Таким, возможно, и должно быть введение носителя русского языка в курс временной системы английского языка. А следующим шагом должна быть наглядная схема всех четырех групп английских времен, которая, в свою очередь, озадачит и даже, возможно, напугает студентов тем, что им предстоит освоить. А успокоить студента очень просто – акцентируя внимание не на сигнальных штампах в употреблении того или иного английского времени (что зачастую сухо и монотонно подается студенту, начинающему изучать английские времена), а на логике, присущей английской культуре (эти 16 времен придуманы не без причины). Сравним два английских настоящих времени: Present Simple и Present Progressive. Здесь следует сказать, что по сути Present Progressive имеется и в русском языке, только мы не заостряем внимание на деталях – когда это время употребить, нам эти детали абсолютно не важны. Однако для англичан тот факт, что действие происходит именно здесь и сейчас или в настоящий период времени и обязательно имеет предел и рано или поздно закончится, является ключевым, так как такое действие представляется им темпоральным (temporary). А действие, передаваемое формами

времени Present Simple, имеет неограниченный предел, т.е. оно перманентно (permanent) и поэтому может сопровождаться такими наречиями частотности, как always, usually, sometimes и другими. При таком подходе студент обязательно поймет разницу между этими двумя временами и без проблем сможет применять их.

Продолжая сравнивать временные формы настоящего времени английского и русского языков, остановимся на Present Perfect, которое на первый взгляд может показаться странным для носителя русского языка: «что же тут настоящего, когда это время соответствует русскому глаголу прошедшего времени совершенного вида и отвечает на вопрос: «Что сделал?». Объяснение стоит начать с глагола «have», который исторически перешел из смыслового в вспомогательный и подчеркивает факт того, что «кто-то имеет что-то сделанным когда-то в прошлом, без выяснения деталей». Главное, что результат описываемого действия на лицо, и это результат передается на русский язык через глаголы прошедшего времени совершенного вида, но обязательным является контекст настоящего времени.

Метод аналогии можно применить и на введении такой грамматической темы, как «неопределенно-личные формы глагола». В русском языке их три: инфинитив, причастие и деепричастие. В английском – тоже три: Infinitive, Participle, Gerund. Схематически это выглядит так:

Русский язык		Английский язык
Инфинитив	=	Infinitive
Причастие (действительно-го/страдательного залога)	=	Participle I, II
Деепричастие	≠	Gerund

Как показывает схема, первые две неопределенно-личные формы глагола абсолютно совпадают в обоих языках, а вот третьи формы – нет. Необходимо снова напомнить студентам, что язык – это система, которая не терпит пустоты. Вот и получается, что и в русском, и в английском существуют строго три неопределенно-личных формы глагола, а несовпадение форм деепричастия и герундия легко устраняется пониманием самой наполняемости смысла английского герундия в русском отглагольном существительном (например, «чтение», «разговор», «письмо» и так далее). Что касается русского деепричастия, то осмелимся утверждать, что и для англичан, изучающих русский язык, понимание сути деепричастия исходит из общего представления о функционировании всех неопределенно-личных форм глагола.

Вышеизложенное никоим образом не претендует на какой-то постулат, но опыт преподавания грамматики студентам российско-американской программы

показывает, что метод аналогии позволяет снять «зажатость» или неуверенность в том, что грамматика может стать понятной, тем более, когда объяснение ведется русским грамматистом на русском языке, имеющим возможность провести яркие сравнительные аналогии.

Перейдем к заключительному аспекту.

Чтение и лексика

При обучении студентов РАФ навыкам чтения и расширении словарного запаса с учетом того, что лексика так называемого General English изучается на аспекте "Восприятие на слух/развитие разговорных навыков", упор делается на словах, необходимых студентам как будущим участникам академического процесса в выбранных ими программах. На 2 курсе помимо основных учебных пособий из серии "Reading Advantage" [Malarcher 2011] и "504 Absolutely Essential Words" [Broomberg 2012] студентам предлагается глубокая подготовка к сдаче экзаменов по английскому языку как иностранному по учебным пособиям издательства Barron's – "Essential Words for the TOEFL" [Matthiesen 2017] и "Essential Words for the IELTS" [Loughheed 2016]. Методов и методик по отработке навыков чтения, изучения и запоминания лексики используется много, но всегда задействованы такие задания, как перевод с английского языка на русский и с русского на английский. С этой целью все имеющиеся учебные пособия иностранных издательств сопровождаются соответствующими учебными пособиями, разработанными преподавателями, работающими в рамках преподаваемых аспектов. Студентам также предлагается записывать все новые слова на карточки: на одной стороне русское значение, а на другой – все, что они знают о его английском эквиваленте (толкование, синонимы и, конечно, способы употребления в словосочетании и предложении). Карточки небольшого размера компактны, их всегда можно носить с собой и при любой возникшей возможности запоминать, повторять и практиковать незнакомые слова.

Вышеописанный 28-летний опыт подготовки студентов российско-американской/австралийской программ проявил себя высоко эффективным и, надеемся, может оказаться полезным всем, кто интересуется методикой преподавания иностранного языка, а также его изучением.

Глава 3. Проблемы современного литературоведения

3.1. Мотив любви в повести Флобера «Мемуары безумца»

Г.И. Модина

Повесть «Мемуары безумца» принадлежит автобиографическому циклу ранней прозы Флобера (1821–1880). Он начал ее летом 1838 года, завершил в декабре и в первых числах января 1839 года послал ее своему близкому другу и крестному брату Альфреду Ле Пуатвену как новогодний подарок. Литературоведам и читателям повесть стала известна только в начале XX века. Тогда сын Ле Пуатвена продал рукопись коллекционеру Пьеру Дузу, и тот опубликовал ее в 1901 [Flaubert, 1901]. В это же время Рене Дешарм составил подробное, на восьми страницах, описание рукописи. В настоящее время это описание имеет значительную ценность, так как после смерти Пьера Дуза рукопись была продана, попала в частную коллекцию и с того времени стала недоступной для исследователей.

Повести предшествовали исповедальные фрагменты «Агонии, скептические мысли» (1838). Скепсис автора в них обращен и к проблемам мироздания, и к собственным творческим возможностям. В афористичных фрагментах «Агоний» Флобер говорит о бесконечности мироздания и бесконечности человеческой мысли и формулирует свой эстетический идеал: *для меня предел возвышенного в искусстве – это мысль, то есть ее выражение столь же стремительное и духовное, как она сама* [Флобер, 2009, с. 60]. Но абсолютное единство мысли и слова кажется ему недоступным. В названии «Агонии» отражено стремление к творчеству и мучительное сомнение в себе, а в финале возникает образ немого поэта, яростно жаждущего говорить. В «Мемуарах безумца», желая *довести скепсис до пределов отчаяния*, он называет себя безумцем и читателю предлагает видеть в книге лишь *развлечение бедного безумца* [Флобер, 2009, с. 65]. И на первый взгляд художественное пространство повести организовано двумя мотивами – безумия и сомнения. Мотив безумия возникает на первых страницах повести как антитеза высокого романтического безумия и приземленного рационализма. Безумие – знак индивидуальности, исключительности, напряженной внутренней жизни и внешней отчужденности героя. Это метафора творческой свободы, и вместе с тем это гамлетовское безумие – *маска шута в слезах, философа в раздумье* [Там же, с. 66]. Автор открывает бесконечность мира, безграничность души, силу поэтической мысли и невозможность точно выразить ее. Слово кажется ему далеким и слабым эхом мысли, в их противостоянии он видит неразрешимое противоречие. Источником противоречия оказывается сам субъект творчества, ведь и бесконечная мысль, и конечное слово принадлежат ему, и, осознавая свою телес-

ную ограниченность, от священного безумия Поэта он приходит к сомнению. Мотив сомнения, подобно мотиву безумия, становится лейтмотивом. Автор рассказывает о том, как, усомнившись в своих творческих возможностях, он попытался противопоставить искусству рациональный способ постижения истины, но и здесь обнаружил неразрешимый конфликт конечного и бесконечного, ограниченность рассудка и безграничность души. Сомнение в творчестве приводит к сомнению в существовании Творца, и мир, лишенный эстетического принципа, утративший сакральный центр, предстает гигантским безумцем, кружащимся в *дурной бесконечности небытия* [Там же, с. 62]. Хаос – состояние безумного мира, и состояние души усомнившегося в себе Поэта.

Мотивы безумия и сомнения возникают в первых главах повести (I – IX), где речь идет о детских впечатлениях и фантазиях, о грустной и одинокой жизни в коллеже, о мечтах и разочарованиях, жажде славы и дальних странствий. Особенно выразительно звучат они в последней части (XVII – XX, XXIII). Однако в композиционный центр повести Флобер поместил семь глав (X–XVI), объединенных мотивом любви. Эта часть повести открывается словами: *Здесь начинаются настоящие Мемуары* [Там же, с. 89]. А в посвящении к повести он признается: *Я писал, мои чувства пронизали сюжет, пером водила душа* [Там же, с. 18].

Этим чувством была любовь к Элизе Шлезингер (1810 – 1888). Флобер встретил ее летом 1836 года в Трувиле (в «Мемуарах безумца» он назван городком в Пикардии). Ему было пятнадцать лет, госпоже Шлезингер исполнилось двадцать шесть. На морской курорт она приехала с мужем, Морисом Шлезингером, и годовой дочерью.

Она была необычайно красива, – вспоминал друг писателя Максим Дю Кан, – Гладко причесанные на прямой пробор иссиня-черные волосы окружали овал ее лица, подчеркивая матовость янтарно-смуглой кожи; на губах играла улыбка, но взгляд оставался печальным; огромные и очень темные глаза контрастировали с ослепительно белыми зубами, легкий пушок едва темнел над верхней губой <...> С ней всегда была огромная собака, ньюфаундленд по кличке Нерон» [Du Camp, 1994, p. 337–338].

Через десять лет после этой встречи, в 1846 году, Флобер назовет чувство к Элизе *un passion veritable* – единственной в его жизни настоящей страстью [Flaubert, 1973, p. 380]. И много позже, 1872 году, он напишет в ответ на ее письмо: *Давняя моя подруга, моя бывшая Нежность, я не могу без волнения смотреть на Вашу подпись! ... Я так хотел бы принять Вас у себя, поместить Вас в комнате моей матери. ... Я теперь старик. Будущее ничего не сулит мне. Но прошлое встает в памяти, окутанное золотой дымкой. – Из сияющей бездны милые тени протягивают ко мне руки, и одно лицо среди них сияет ярче всех – это Ваше лицо! – Да, Ваше* [Flaubert, 1997, p. 170].

Черты Элизы будут вновь и вновь возникать в облике героинь Флобера – Эммы, Саламбо, госпожи Арну. Все они внешне похожи друг на друга и на Элизу Шлезингер.

Тогда, летом 1836 года, переживая первую любовь, Флобер не отдавал себя отчета в этом, а вернувшись в Трувиль в конце августа 1838 года, и не найдя там госпожи Шлезингер, понял, что любил ее, и воспоминания о встрече с нею превратили начатую книгу в *настоящие мемуары* [Флобер, 2009, с. 89].

В повести Флобер дает Элизе другое имя – Мария. Тема Марии развивается как антитеза теме безумного мира и небытия. С ней связана идея искусства и гармонии. Автор подчеркивает артистизм Марии: мелодичность речи, изящную небрежность наряда, непринужденную прямоту в разговоре о литературе: *Наши с Марией суждения были совершенно одинаковы. Я еще не встречал тех, кто понимал бы искусство с большей естественностью и с меньшей, чем она, претензией* [Там же, с. 101].

Мария воплощает единство прекрасного и священного. Флобер признается, что приступает к воспоминаниям о ней *с чувством, почти религиозным* [Там же, с. 90]. Ее мягкий голос гармоничен как ангельское пение, и сама она представляется ему, то *ангелом*, то *мадонной с младенцем на руках*, то языческой богиней: *Каждое утро я приходил взглянуть на купания. Я смотрел на нее издали, завидовал теплым и спокойным волнам, окружавшим пеной ее высокую грудь. <...> А когда, возвращаясь, она проходила близко, я слышал, как с ее одежды стекает вода, шелестит при ходьбе ткань. <...> Зачарованный, я застывал на месте – словно на моих глазах вдруг спустилась с пьедестала и пошла Венера* [Там же, с. 99–102].

Сравнение Марии с Венерой, сошедшей с пьедестала, придает этому биографическому эпизоду смысл иерофании – явления божества, его созерцание превращает смертного человека в существо более совершенное. Так любовь к Марии приобретает смысл инициации.

Прерывая рассказ о Марии, Флобер включает в повесть историю о первой полудетской влюбленности в маленькую англичанку Каролину Голанд, гостившую в их доме [Andrieu, 1963, р. 27–29]. Этот фрагмент был написан еще в декабре 1837 года, раньше, чем возник замысел повести. Одни ученые видят в несовершенстве композиции, незрелость художественного мастерства в том, что Флобер поместил этот рассказ в «Мемуары безумца». *Юный писатель не может удержать нить повествования*, – утверждает М. Гинзбург, – *сбивается и пытается начать снова, ищет утраченный исповедальный тон, и потому внезапно вводит не связанные с предыдущим содержанием эпизод* [Ginsburg, 1986, р. 21]. Жан Брюно называет рассказ о Каролине *подчеркнуто литературным*, но композицию «Мемуаров безумца» считает далекой от совершенства, спонтанной. Флобер *просто следует за течением своей мысли*, полагает он [Bruneau, 1962, р.256]. Другие, напротив, считают композицию

повести тщательно продуманной и мастерски исполненной. Так Филипп Спенсер предполагает, что Флобер, *намеренно изменил последовательность событий, намеренно подчеркнул детские черты в облике Каролины, противопоставляя ее Марии, а эта книга построена более искусно и сложно, чем это может показаться на первый взгляд* [Spencer, 1954, p. 102].

Тимоти Анвин, не соглашаясь с Филиппом Спенсером полностью, признает все же, что Флобер реализует в этой структуре *определенный замысел, повести присущи изоциренность и, одновременно, наивность, и связь между литературой и жизнью в этом тексте довольно сложна* [Unwin, 2001, p. 11].

Заметим, что и рассказ о встрече с Марией, и историю полудетской дружбы-любви Флобер строит, как воспоминание, что соответствует жанру «Мемуаров». И композиция этих эпизодов почти тождественна. В том и в другом случае, начиная рассказ, автор говорит о ценности пережитого чувства и силе воспоминаний, прибегая при этом к сходным метафорам. *Вот самые нежные и самые мучительные мои воспоминания, –* начинает Флобер рассказ о Марии, *– Они живут в моей памяти и почти по-прежнему обжигают душу, так ранила ее эта страсть. Глубокий след навсегда останется в сердце. Но вот я начинаю рассказ об этой странице моей жизни, и сердце бьется, словно я ворошу дорогие руины* [Флобер, 2009, с. 89].

К воспоминаниям о Каролине он приступает со словами: *Первая любовь – одно из самых дорогих воспоминаний, любовь не бурная, не страстная, неприметная среди других влечений, но до сих пор она живет в глубине души, будто древняя римская дорога, над которой грохочет пошлый железнодорожный вагон* [Там же, с. 107].

Далее говорится о первых встречах с Марией и Каролиной встрече с упоминанием места и времени: *Я не смогу назвать точную дату. – Я был совсем юным – думаю, лет пятнадцати. В том году мы отправились на морские купания в прелестный городок*** в Пикардии, –* пишет Флобер о встрече с Марией [Там же, с. 90]. И, рассказывая о Каролине, уточняет: *Помню, случилось это в ноябре, два года тому назад, кажется, я был тогда в пятом. Впервые я встретил ее на обеде у моей матери, в четверг. Я ворвался в столовую стремительно, как школьник, который всю неделю ждет этого обеда. Она обернулась* [Там же, с. 108].

Флобер рисует подробные портреты героинь, коротко рассказывает о том, как возникли доверительные отношения, дружба, вспоминает о беседах с ними, причем, и в том, и в другом случае, он подчеркивает мелодичность их речи.

Вскоре мы познакомились ближе, – пишет он о Марии. *– На морских купаниях, в деревне или в путешествии особенно легко разговариваться, все расположено к знакомству. Ничтожный повод – и начинается беседа. <...> Вот по такой причине мы и разговорились в первый раз. <...> Она говорила просто, выразительно и прямо, а главное с такой небрежностью и грацией, так непринужденно и неспешно – казалось, она поет* [Там же, с. 99].

Между нами быстро возникла задушевная близость, – вспоминает Флобер Каролину, – через четыре месяца я целовал ее, как сестру; мы говорили друг другу "ты". Я так любил разговаривать с ней! В ее иноземном акценте было что-то изящное и нежное, из-за чего голос казался свежим, как ее щеки [Там же, с. 110].

И в тот, и в другой эпизоды включены в сходной последовательности воспоминания о прогулках, лирические пейзажи и, наконец, рассказ о расставании: *Пришло время отъезда. Мы расстались. Проститься я не смог. Она уехала в один день с нами, в воскресенье. Она – утром, мы – вечером. Она уехала, и больше я не видел ее. Прощай навсегда! Она исчезла, как дорожная пыль, что летела следом за каретой – так заканчивается встреча с Марией [Там же, с. 105].*

Девочек взяли из пансиона, и они жили с матерью в тихой улице на первом этаже. <...> В январе Каролина вышла замуж. <...> Мы не виделись полтора года. Так закончилась эта связь, она могла стать страстью со временем, но сама собой распалась. <...> Холодный пепел остался от этого огонька, – завершает Флобер рассказ о Каролине [Там же, с. 118].

Параллелизм в структуре эпизодов вряд ли можно объяснить неопытностью юного автора. Скорее, это сознательный прием. При всем композиционном сходстве интонационный рисунок этих глав различен.

Эпизод о влюбленности в Каролину Флобер называет чувствительно-мечтательной смесью, выставленной напоказ перед друзьями, *заглянувшими однажды зимним декабрьским деньком погреться, побездельничать и мирно поболтать <...> в уголке у огня [Там же, с. 107].*

Его интонация, элегическая и одновременно ироничная, позволяет оттенить исключительность чувства к Марии: он говорит о нем восторженно, печально, с оттенком горечи, но без иронии.

Чувство к Каролине – *«нежное, чистое, не замутненное мыслью об обладании, и потому лишнее энергии, а для платонической любви слишком наивное [Там же, с. 117].* В любви же к Марии есть нечто похожее на платоническое, возвышенное чувство, *какое вызывает статуя или собор [Там же, с. 97].*

Говоря о платонической любви, Флобер подразумевает божественный Эрос Платона – неистощимый источник духовной энергии. В нем чувственное влечение соединяется с идеальными мотивами [Йегер, 1997, с. 185]. Флобер был хорошо знаком с сочинениями античного философа. Платоновские аллюзии возникают в его творчестве и письмах, начиная с 1839 года [Flaubert, 1973, p. 56; Flaubert, 2001, p. 621–6414; Flaubert, 1980, p. 691]. Он по памяти цитирует фрагменты из «Федра» и «Федона», называет диалоги Платона источником идеального, а самого себя платоником.

Платоновский эрос – начало, связанное с творчеством, предопределяющее совершенствование человеческой души, *переход из небытия в бытие [Платон, 1970, с. 135].* Платон изображает это движение как путь вершине: *Вот каким путем нужно*

идти в любви: начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх, <...> пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь, наконец, что же это – прекрасное. И в созерцании прекрасного <...> только и может жить человек, его увидевший. <...> Лишь созерцая прекрасное <...> он сумеет родить не призраки добродетели, а добродетель истинную, потому что постигает он истину, а не призрак <...> и если кто-либо из людей бывает бессмертен, то именно он», – объясняет в диалоге «Пир» пророчица Диотима [Там же, с. 142].

К этой идее Платона восходит один из принципов зрелой эстетики Флобера: требование *познавать, усваивать Истинное через посредство Прекрасного* [Flaubert, 1980, p. 698].

Встреча с Марией – важный этап воспитания чувств поэта, открытие новых свойств его души, переживание в большей степени эстетическое, нежели чувственное. Любовь к ней Флобер называет *возвышенной, божественной, подобной вере, святыне и священному экстазу* [Флобер, 2009, с. 91].

В странном мистическом чувстве сливаются мучение и радость, герой становится взрослым и гордым, взгляд Марии зажигает божественный огонь в его душе, он пронзительно ощущает бесконечную гармонию, что раньше открывалась ему лишь в природе и поэзии [Там же, с. 95].

В главах, посвященных Марии, мотив безумия звучит лишь однажды как *безумие любви – нежное упоение сердца, блаженство, гармония души* [Там же, с. 95].

За рассказом о Каролине следует короткая глава о связи с неизвестной женщиной, связи плотской, без любви. Флобер оставляет эту женщину безымянной, и это так же символично, как имя мадонны, данное им госпоже Шлезингер. Повествование о Марии напоминает возвышенный гимн в прозе, рассказ о Каролине Флобер называет *элегией*, в третьем эпизоде есть нечто от гротеска: *Эта короткая глава. Хотел бы я, чтоб она была длиннее. Вот как это было. Тщеславие пробудило во мне любовь; нет – сладострастие, и еще точнее – чувственность. <...>. Женщина предложила мне себя. Я был с ней и покинул ее объятия с отвращением и горечью, зато теперь среди завсегдатаев кафе мог разыгрывать Ловласа и за чашей пуниша произносить непристойности, как все. <...> Ту женщину я возненавидел. Она приходила, я принимал ее. Она расточала улыбки, противные, как мерзкие гримасы* [Там же, с. 119].

История о связи с безымянной женщиной, безнадежность любви к Марии вновь возвращают рассказчика к состоянию душевного хаоса и сомнений, вновь возникает антитеза духа и плоти: священная любовь к Марии ассоциируется с творческим началом, несовместимым с низменной плотской страстью: *Нет, невозможно рассказать о священных тайнах девственной души, о чувствах, о творимых ею мирах – так прекрасны мечты, так они туманны и хрупки. Какое горькое и жестокое разочарование. Любить, мечтать о счастье, видеть все совершенство*

и божественную красоту души, а после быть скованным всей тяжестью плоти, вялостью тела! Мечтать о небесах и падать в грязь! [Там же, с. 119].

В этом фрагменте XVII главы возникает пространственная метафора, сходная с образом из II главы. В ней автор размышлял о дисгармонии мысли и слова: *как высоко уносила моя восторженная мысль <...>! А после надо было спускаться из этих возвышенных сфер к словам, <...> А еще разочарование в том, что мы привязаны к земле, ледяной земле, где гаснет всякий пыл, где слабеет энергия* [Там же, с. 68]. Эта метафора служит переходом к теме искусства, мотивам сомнения и безумия мир в главах XVIII – XX. В них речь идет о безумии мира, и скепсис достигает пределов отчаяния. Заметим, что так связаны не только названные выше главы. В основу композиции «Мемуаров безумца» положен принцип симметрии. Главы о любви (X – XVI) представляют собою композиционный центр, его обрамляют главы, посвященные темам искусства и памяти, в них звучат мотивы безумия, сомнения. Располагаются они следующим образом:

Главы I – III и V – VIII – тема искусства, мотивы безумия, сомнений.

Главы IV, IX – тема памяти (IX) и ее вариация: воспоминания о сновидениях (IV).

Главы X – XVI – тема любви.

Главы XVII – XX – тема искусства, мотивы безумия, сомнений.

Глава XXI – тема памяти, «сон наяву» (явление Марии).

Глава XXII – итог субъективной линии сюжета: завершение темы любви «прощание» с Марией, размышления о будущем.

Глава XXIII – финал, обобщение размышлений о себе, мире, искусстве.

Заметим, что главы, посвященные любви занимают сильную позицию: они помещены в композиционный центр, что подчеркивает исключительное значение мотива любви в повести.

Финал отличается особой музыкальностью: *Я слышу жалобный звон погребальных колоколов, и в душе возникает смутная грусть, необъяснимая и мечтательная, как эти гаснущие звуки. Скорбный гул рождает вереницу мыслей, мне представляется жизнь в дни великопных торжеств, с возгласами триумфа, колесницами и коронами, а над всем этим – вечное безмолвие и вечное величие.*

Звон размеренный и холодный, как могила, а между тем он звучит каждый праздник, рыдает во всякий день скорби – люблю опьяняться твоей гармонией, заглушающей шум городов. Люблю в полях, на холмах, золотых от спелых колосьев, слушать слабый голос деревенского колокола, он поет среди лугов, а в траве жужжит мошкара, и птицы щебечут в листве.

Зимой, в хмуром и тусклом свете пасмурных дней, подолгу слушал я зовущие к службе колокола – отовсюду звучали их голоса, оплетая небо сетью гармоний. И мысли мои текли в согласии с этим исполненным инструментом – величавые, бесконечные, я ощущал в себе звуки, мелодии, эхо иного мира, нечто безмерное, и тоже об-

реченное на смерть. Колокола! Вы так же будете звонить в день моих похорон, а минутой позже ваш голос отметит крестины! Вы насмехаетесь, как все на свете, лжете, как жизнь, каждый этап которой вы отсчитываете: крещение, брак, смерть. Бедная медь, она заблудилась и повисла между небом и землей, а могла бы так славно служить в полях сражений, или стать конской подковой [Там же, с. 142].

Рисуя символический образ колоколов, Флобер соединяет в нем темы и мотивы, наметившиеся в первой части повести (до рассказа о встрече с Марией) и получившие развитие во второй части. Но здесь они звучат в новом ключе: в мире, подобном «гигантскому безумцу» [Там же, с. 142], есть гармония, существуют искусство и творчество, возможные вопреки сомнениям, неудачам и доводам рассудка.

3.2. Трагическое начало русской переводческой истории «Макбета» Шекспира

Е.А. Первушина

Трагедия Шекспира «Макбет» всегда производила ошеломляющее эмоциональное воздействие на зрителей и читателей. И не только впечатляющими сценами с участием призраков и ведьм, породившими поверье о мистическом проклятии пьесы, якобы приносящей несчастья ее постановщикам и исполнителям. Совершенно особенным образом здесь была представлена смерть героя. Конечно, умирали протагонисты всех шекспировских трагедий, но гибель Макбета – «это гибель без нравственного очищения, какое озарило страдальческий путь Лира, и без просветляющего примирения, осенившего последнее дыхание Отелло. Это... полная и беспросветная ...моральная гибель человека» [Аникст, 1963, с. 497]. Вполне понятен поэтому переводческий интерес к «Макбету». В России он возник уже в начале XIX в.

Путь воспроизведения великой трагедии на русском языке был непростым, и начался он так же, как начинались у нас все другие произведения Шекспира, – не с переводов его оригинальных текстов, а с подражаний французским адаптациям. Авторы таких адаптаций, особенно П. Летурнер и Ж.-Ф. Дюси, откровенно переделывали Шекспира, стараясь облагородить этого, по их представлениям, не знающего правил классицизма варвара. Именно таким еще в 1748 г. был «Гамлет» А.П. Сумарокова. Известный советский специалист в области сравнительного литературоведения П.Р. Заборов даже сказал, что эта «первая русская “переводческая декларация”, связанная с Шекспиром» в сущности стала «отречением от него» [Заборов, 1965, с. 90]. Таким по сути было и первое русское переложение шекспировского «Отелло», выполненное в 1808 г. И.А. Вельяминовым. Так поступил с «Королем Лиром» не владевший английским языком молодой Н.И. Гнедич, сотворив в

том же году еще и своего «Леара». Подражанием не Шекспиру, а опять-таки Дюси в 1811 г. явился «Гамлет» С.И. Висковатова. В том же духе в 1815 г. был исполнен и «Макбет», впервые представленный русским читателям в переложении П.А. Корсакова (1790–1844), впрочем, полностью никогда не издававшегося.

Конечно, с высот ретроспективного взгляда нашего времени и былое классицистское высокомерие по отношению к Шекспиру, и переводческое равнение на Францию предстают неоправданными, неконструктивными и даже нелепыми. Однако нельзя забывать, какой ошеломительной неожиданностью явился Шекспир для литературной Европы XVIII века, когда классицизм был высшим достижением художественной культуры, особенно культуры французской. Даже восхищаясь Шекспиром, Вольтер не скрывал своего снисходительного неодобрения по отношению к этому «дикарю с проблесками гения» и ко всей английской литературе. «Поэтический гений англичан, – писал он в “Философских письмах” – пока напоминает посаженное самой природой густое дерево, беспорядочно раскинувшее во все стороны свои ветви и растущее неравномерно и буйно» [Вольтер, 1974, с. 300]. Шекспира, столь далекого от считавшейся непреложной классицистской поэтики, тогда не могли не править. Но надо отдать должное французским перелагателям Шекспира, которые в известной мере способствовали утверждению его художественной значимости. «В предисловии к своему переводу Летуэрнер поставил Шекспира выше Расина, – читаем у авторитетного современного шекспироведа Н.В. Захарова. – Этим он вызвал гнев Вольтера, который обратился с раздраженными письмами к членам Французской Академии <...> с призывом “унять наглеца” и не допустить, чтобы “английский Жиль” (клоун) вытеснил Корнеля и Расина» [Захаров, 2008, с. 72]. В России очень интересовались западноевропейскими спорами о Шекспире и горячо поддерживали сторонников Шекспира. Известный деятель русского Просвещения М.Н. Муравьев, с одобрением относившийся и к Летуэрнеру, и к Дюси, написал в своей тетради 1780-х гг.: «Нет, несмотря на все преимущества французского театра, такого трагического стихотворца во Франции, который бы выкупал такие погрешности, каковы Шекспировы» [Захаров, 2008, с. 72].

Однако постепенно европейский авторитет Шекспир не просто возрастал – в последние десятилетия XVIII века, в период активного становления новых европейских литератур, Шекспир становился для них вдохновляющим примером в программе национального созидания и залогом уверенности в возможности будущего величия собственной словесности. Задолго до романтиков о Шекспире как о национальном гении заговорили деятели английского Просвещения, вкладывая в свои высказывания полемическое отношение к франкоцентризму [Подробнее об этом см.: Первушина, 2002]. К концу XVIII столетия в Европе сформировался настоящий культ Шекспира, чему в огромной мере способствовала шекспиризация немецкой

эстетики. Именно Германия дала миру «целую плеяду шекспиристов, чьи глубоко философские суждения о природе драматического таланта Шекспира легли в основу мирового шекспироведения и продолжают оставаться актуальными до сих пор» [Захаров, 2008, с. 39]. Благодаря Шекспиру, немецкие драматурги обратились к поиску новых характеров и новых подходов в создании исторических драм. В Германии рождались принципиально новые подходы к переложениям пьес Шекспира, которого совсем не хотели править – им захотели восхищаться. Это произвело сильное впечатление на деятелей русской культуры. Настоящим эстетическим потрясением стала для них писательская аранжировка «Макбета», выполненная Шиллером в 1800 г. для постановки пьесы в Веймаре. А.А. Бестужев-Марлинский, для которого великий Шекспир был «сама поэзия», считал, что «мир его дивных мечтаний» не имел «отголоска в нашем мире», «покуда гений Шиллера не угадал его девственной прелести и не усвоил немецкой словесности романтизма Шекспирова во всей величавой его простоте» [Цит. по: Левин, 1988, с. 65].

В 1830 г. эту шиллеровскую адаптацию «Макбета» перевел и издал А.Г. Ротчев. Однако при этом он возмутил всех своих читателей совершенно нелепым названием своего перевода – «Макбет. Трагедия Шекспира. Из сочинений Шиллера» [Макбет, 1830]. «Как Шиллер сочинил трагедию Шекспира?» – негодовал А.А. Дельвиг [Цит. по: Заборов, 1965, с. 100]. Но еще большее раздражение вызвал сам факт очередной адаптации. Еще в 1828 г. А.С. Грибоедов настойчиво говорил о необходимости читать подлинного Шекспира. «Совестно читать Шекспира в переводе, если кто хочет вполне понимать его, потому что, как все великие поэты, он непереволим, и непереволим оттого, что национален», – писал он К.А. Полевому [Полевой, 1929, с. 190]. Другие литераторы не отрицали возможности переводить Шекспира, но ратовали за переводы только с оригинала. «Не стыд ли литературе русской, – возмущался М.П. Погодин в конце 1820-х гг., – что у нас до сих пор нет ни одной его [Шекспира – *Е.П.*] трагедии, переделанной с подлинника?» [Цит. по: Левин, 1988, с. 243–244]. Однако уже сам по себе этот гнев Погодина свидетельствовал о готовности русской переводной словесности обратиться к оригинальному Шекспиру. Более того: первые шаги к достойному перевоссозданию «Макбета» в России уже были предприняты. Но к несчастью, начало русской жизни шекспировской трагедии тоже оказалось по-своему трагическим.

Говоря об этом, в первую очередь следует вспомнить имя талантливого поэта, переводчика и литературного критика *Андрея Ивановича Тургенева* (1781–1803). Удивительно, как много он успел сделать в своей короткой, но творчески очень насыщенной и яркой жизни (подробнее об этом см.: [Рябухин, 2009]). Поначалу Тургенев был увлечен творчеством Гете и Шиллера, но, прочитав шиллеровский перевод «Макбета», очень заинтересовался Шекспиром и его шотландской трагедией. «Je suis tente de le traduir», – признался он в письме В.А. Жуковскому от

30 января 1802 г. [цит. по: Алексеев, 1965, с. 65]. В отличие от Ротчева, Тургенев не стал переводить переложение Шиллера, хотя и обожаемого им, – Андрей Иванович переводил подлинного, шекспировского «Макбета». В том же году он завершил эту работу, но остался очень недоволен ею. «Отчаяние берет меня, когда я сравню Макбета на русском с Макбетом на английском. Какая сила в последнем», – написал он Жуковскому [цит. по: Заборов, 1965, с. 85]. Тургенев собирался усовершенствовать свою версию, но удалось ли ему выполнить этот план, неизвестно, потому что, к несчастью, его переводной текст вообще не сохранился. «Был ли тургеневский “Макбет” уничтожен самим переводчиком или затерян впоследствии, неизвестно», – читаем у П.Р. Заборова. Аналитически оценивая сложившуюся ситуацию, ученый высказал предположение, с которым невозможно не согласиться: «Трудно сказать, каким был этот первый русский “Макбет”, но литературный талант Андрея Тургенева, его глубокий интерес к творчеству великого английского драматурга, настойчивое стремление понять произведение и передать его своеобразие позволяют предположить, что это был весьма примечательный эпизод в первоначальной истории русского шекспиризма» [Заборов, 1965, с. 85].

Судьба тургеневского перевода оказалась не единственной потерей на пути обретения русского «Макбета». Самой трагической фигурой в этом плане Ю.Д. Левин назвал *Вильгельма Карловича Кюхельбекера* (1797–1846) [Левин, 1967]. «Ни один русский писатель не посвятил стольких трудов Шекспиру, как Кюхельбекер, – отметил ученый. – Шекспировские занятия, которым он отдал многие годы своей творческой жизни, были многообразны; они включали в себя и истолкование драматургии Шекспира, и опыты воссоздания его пьес на русском языке, и разностороннее использование и переосмысление шекспировских мотивов и поэтики в оригинальном творчестве» [Левин, 1988, с. 79]. Увлечение Кюхельбекера Шекспиром было особенно активным в годы его тюремного заточения. В Шлиссербургской крепости он изучил английский язык, чтобы читать, а потом и переводить подлинного Шекспира. Мечтая открыть его своим соотечественникам, Кюхельбекер начал переводить шекспировские пьесы – упорно, настойчиво, одну за другой. «Переводческой работы таких масштабов по отношению к Шекспиру не предпринимал до него ни один русский литератор», – сказал Ю.Д. Левин [Левин, 1988, с. 69]. Заниматься переводом в этих условиях было невероятно трудно: Кюхельбекер был вынужден работать с уже устаревшим изданием Шекспира Л. Теоболда¹⁷, у него не было других необходимых

¹⁷ Теоболд Льюис (Theobald Lewis, 1688–1744; Ю.Д. Левин называет его Теобальдом) – английский писатель и издатель, один из первых авторитетных редакторов Шекспира. Известно, что Теоболд критиковал шекспировское издание 1725 г., вышедшее под редакцией А. Поупа, за что тот сделал его героем своей сатирической поэмы «Дунсиада». В 1733 г. Теоболд опубликовал собрание сочинений Шекспира в собственной редакции. Для XVIII столетия оно было самым авторитетным, но к XIX в. появились новые издания с более развернутыми примечаниями и комментариями.

книг. В своем заточении поэт был лишен важных для него творческих контактов, а тяжкий тюремный быт ускорял надвигающуюся слепоту.

Конечно, этот переводческий труд стал для Вильгельма Карловича мощным жизненным стимулом и бесценной духовной поддержкой, но, несмотря на это, он очень строго оценил результаты своего труда. За полгода до смерти, измученный болезнями и уже ослепший, Кюхельбекер продиктовал другу-декабристу И.И. Пущину завещание, в котором достойными публикации были названы только три его перевода шекспировских пьес. Первым в их перечислении значилось: «Макбет. Напечатать первые три акта» [Цит. по: Левин, 1967, с. 47]. По воле Кюхельбекера, «Ричарда III» надлежало напечатать полностью, а «Генриха IV» – «истребить», если автор не успеет отредактировать свой переводной текст. К несчастью несмотря на все предпринятые Кюхельбекером и его близкими усилия, современники Вильгельма Карловича так и не узнали о самоотверженном и поистине героическом труде этого талантливого переводчика и неутомимого пропагандиста Шекспира. Русская переводная литература того времени осталась без влияния Кюхельбекера. Его шекспировские переводы были напечатаны только спустя почти полтора столетия после смерти переводчика [«Макбет», 1981; «Ричард III», 1986].

Понятно, что к этому времени они устарели и все авторские неудачи проявились отчетливее. Кюхельбекер не сумел избежать мало оправданных для шекспировского текста архаичных русизмов. Он часто не справлялся с шекспировской игрой слов и с его «слишком фигурными», по выражению Н.М. Карамзина, метафорами. В кюхельбекеровском «Макбете» есть невнятные или просто неудачные формулировки [Левин, 1967]. Но при этом Кюхельбекер сам прекрасно отдавал себе в этом отчет, не устывая редактировать свой переводной текст. Ю.Д. Левин, сопоставлявший разные его редакции, увидел, что «иногда Кюхельбекер сперва не решался передать необычный шекспировский образ, но затем отваживался на это» [Левин, 1967, с. 51]. Так, переводя страстный призыв леди Макбет к ее супругу «But screw your courage to the sticking-place», Кюхельбекер вначале предложил довольно лексически нейтральное «Только утверди неколебимо / Свое бесстрашие...», но потом добился гораздо более близкого Шекспиру варианта: «Сердце завинти в груди покрепче».

Понимая, что необходимо было решить «самую трудную задачу изо всех <...> – пересадку в наш язык причуд гения огромного, но и чрезвычайно своенравного, да еще и англичанина XVII века» [Левин, 1967, с. 50], Кюхельбекер горячо ратовал за точность в воспроизведении шекспировского текста, стараясь добиться ее не только в передаче смысла, но и формы, трепетно относясь к ее художественной значимости. Он был невероятно тщателен в воссоздании особенностей шекспировской стиховой манеры. Прозаические фрагменты подлинника он переводил прозой, стихотворные – стихами, рифмованными даже там, где у Шекспира не было рифм. Желая выдержать

в своих переводах принципы эквилинеарности и эквиритмии, Кюхельбекер, который вообще был зачинателем введения пятистопного ямба в русскую драматическую поэзию, постарался воспроизвести этот шекспировский размер, казалось бы, совершенно невозможный в отечественной поэтической словесности. Неудивительно – ведь более длинные русские слова в большинстве случаев просто не вмещались в короткую пятистопную строку, а короткие английские располагались в ней вполне свободно. Более чем на столетие Кюхельбекер опередил таким образом переводческий опыт М.А. Кузмина, чье стремление оставаться эквилинеарным и эквиритмичным Шекспиру даже в середине XX столетия показалось недопустимой вольностью [Подробнее мы писали об этом: Первушина, 2013; Первушина, 2019].

Чтобы воплотить в жизнь свой творческий замысел, Кюхельбекер пошел на смелый лексический эксперимент, сокращая или даже изобретая слова, которые вписывались бы в пятистопную строку. Подчеркну их в своих примерах. «Рой всевозможных скверн над ним парит», – переводит он слова шекспировского Сержанта «The multiplying villainies of nature» из 2 явления I акта трагедии. Там же кюхельбекеровский Ленокс называет норвежского короля («the Norwegian lord») «Норвежский властель». Чтобы сохранить энергичность звучания последующей его реплики («What a haste looks through his eyes!»), Кюхельбекер дает такую версию: «Какой же спех его очами смотрит!». В 3 явлении акта это же слово произносит и сам Макбет, призывающий соратников: «Вооружимся в мужество и спех!» (в оригинале «Let's briefly put on manly readiness»). Леди Макбет в 3 явлении I акта у Кюхельбекера называет золотую корону («the golden round»), о которой она мечтает для супруга, «бесценный обод», а призывая духов смерти сменить ее пол («unsex me here»), восклицает: «Придите же, меня лишите женства!». Когда в 1 явлении II акта перед убийством Дункана Макбет видит зловещий призрак кинжала, он понимает, что это плод его разгоряченного ума – «Proceeding from the heat-oppressed brain». В переводе Кюхельбекера появляется неожиданный архаизированный окказионализм: «Исшлец ты из пылающего мозга». В знаменитом монологе о зарезанном сне герой признает тяжесть своего преступления, поскольку он посягнул на животворную ценность целебного сна – «Balm of hurt minds». Кюхельбекер опять переводит это выражение с помощью изобретенного им слова – «больных сердец цельба». В следующем, 4 явлении, говоря о сгущающемся мраке, шекспировский Росс скажет, что «dark night strangles the travelling lamp», а кюхельбекеровский – «...ночь глухая / Тьмит путничий фонарь».

Словесные изобретения Кюхельбекера остались жить только в его переводном тексте, но даже сейчас они способны тронуть впечатлительного читателя, потому что в них, несомненно, живы изумление и восторг переводчика перед поэтическим гением Шекспира.

Завершая работу, не могу не выразить своей убежденности в том, как необходимо знание об этих трагических страницах в истории «русского» «Макбета».

Даже несмотря на то, что переводческая версия А.И. Тургенева вообще не сохранилась, а труд В.К. Кюхельбекера в России увидели с полуторавековым опозданием и в весьма невыгодном для автора контексте – рядом с уже состоявшимися высокопрофессиональными и художественно значительными переводами А.Д. Радловой (1935), М.Л. Лозинского (1949), Б.Л. Пастернака (1950) и Ю.Б. Корнеева (1960) и др. «Шекспировские» истории А.И. Тургенева и В.К. Кюхельбекера – достаточно важные факты в истории русского Шекспира. Это безусловное подтверждение усиливающейся потребности отечественной словесности в освоении творческих уроков великого трагика, которого уже в 1830 г. А.С. Пушкин именовал «творцом Макбета». Это свидетельство того, какими конкретно были первые шаги этого освоения. Это, наконец, примеры нравственного героизма открывателей Шекспира, пролагавших писателю его дорогу в русскую переводную словесность.

3.3. Интерпретация романа Патрика Модiano «Вилла “Печаль”» в фильме Патриса Леконта «Аромат Ивонны»

М.И. Ступницкая

А кино – это же чудо, потому что
можно показать и не показать, можно
намекнуть, можно ускорить темп,
можно сделать крупный план и массу
всего вообще!

Патрис Леконт

Тема взаимодействия литературы и кино в процессе экранизации давно уже привлекала внимание исследователей: литературоведов, киноведа, культурологов, философов, психологов, социологов. Различные аспекты данной проблемы исследовались в работах отечественных авторов (Ю. Тынянов, Б. Айхенбаум, В. Шкловский, Ю. Лотман, М. Бахтин, А. Сокуров, К. Разлогов, М. Каган, А. Казин, И. Вайсфельд, А. Вартаманов, Л. Волкова, Е. Габрилович, В. Л. Фрадкин, Р. Якобсон, М. Ямпольский) и зарубежных авторов (Р. Барт, У. Эко, А. Базен, Ж. Садуль, Л. Деллюк, П. Пазолини и др.).

Известный французский кинокритик А. Базен охарактеризовал искусство кино следующим образом: «Кино – это не живопись, не фотография и не театр, это особый синтетический вид искусства. Оно вобрало в себя от каждого искусства по-немногу, став чем-то особенным» [Базен, 1972, с. 195–196].

Кино имеет свою специфику, это «полифункциональная коммуникативная система, создающая аудиовизуальные образы» [Худякова, 2004, с. 4] и «занимающая гораздо большее социокультурное пространство, в отличие от других видов

искусства, охватывая своим влиянием духовное и бытовое, моральные принципы и поведение людей» [Максимов, 1994, с.195].

В содержательном плане кино – это мышление сценами, взятое из жанровых принципов романа. На общую нарративную природу двух искусств указывал Ю.М. Лотман: «То, что изображение в кино подвижно, переводит его в разряд «рассказывающих (нарративных) искусств, делает способным к повествованию, передаче тех или иных сюжетов» [Лотман, 1998, с. 661–671].

Тема интерпретации литературного произведения вызывает много вопросов и споров. Происходит ли передача с помощью киноязыка «буквы и духа» первоисточника, как взаимодействуют литература и кино в процессе экранизации литературных произведений? Создается ли на материале источника новое, самобытное произведение, связанное сюжетными линиями и дополняющее его?

На один из этих вопросов дает ответ С.М. Арутюнян: «Знаки киноязыка и знаки вербального языка, на котором создаются литературные произведения, обладают различной природой, поэтому, строго говоря, утверждения о переводе с одного языка на другой некорректны; фильм, созданный в результате экранизации литературного произведения, представляет собой новое художественное произведение, это особый тип взаимодействия искусств» [Арутюнян, 2003].

Этой же точки зрения придерживается М.С. Каган, «распространенная практика инсценирования повестей и экранизации пьес и романов приводит к эстетически полноценным результатам только тогда, когда является не «переводом» с одного художественного языка на другой, а созданием новых и самостоятельных художественных произведений по мотивам оригинала» [Каган, 2003, с. 73].

Ряд исследователей (А. Вартанов, Л. Фрадкин, А. Базен, Луи Деллюк) основным критерием удачной интерпретации считают верность фильма «духу» литературного произведения, его теме и идее [Марусенков, 2015].

Важными для проводимого исследования оказались идеи М.М. Бахтина о диалоге культур и диалогизме как структурной основе явлений культуры. Эти идеи, а также их развитие в работах В. Брагинского, В. Библера, Т. Григорьевой и др. составили методологическую основу данной статьи. В связи с этим объектом внимания в данной работе является диалог литературы и киноискусства, т.е. искусства, основанного на слове, и искусства, основанного на изображении, движении, звучании.

Поставлена задача – проследить, как трансформируется литературный текст П. Модиано в романе «Вилла “Грусть”» в сюжетно-образный ряд в фильме П. Леконта «Аромат Ивонны». Каким образом действие, описанное преобразуется в изображаемое, какими средствами достигается воздействие на зрителя.

Интерпретация вербальная и аудиовизуальная глубоко отличны. Фильм и книга воспринимаются и оцениваются по-разному. При создании кинопроизведения на основе литературного источника происходит процесс сотворчества. Произ-

ведение киноискусства, созданное при воплощении на экране сюжетно-образного ряда произведения литературы, имеет свои художественные особенности.

Французский кинокритик А. Базен считает: «Благодаря счастливому стечению обстоятельств кинематографист имеет возможность подойти к книге не как к серийному сценарию, тогда оказывается, что кинематограф в целом поднимается до уровня литературы» [Базен, 1972, с. 136].

Роман «Вилла “Грусть”» (1975) – основа для создания фильма «Аромат Ивонны» (1994), а так как сценаристом является Модиаго, то в данном случае это авторское осмысление произведения. В создании фильма участвовали два крупных мастера современности – Патрик Модиаго, писатель и сценарист, лауреат Нобелевской премии 2014 года, автор 36 романов, и Патрис Леконт, знаковая фигура французского кинематографа, режиссёр и сценарист, снявший 74 фильма, создатель таких замечательных картин, как «Муж парикмахерши» (1990), «Господин Ир» (1998) и «Тандем» (1987). Фильм «Аромат Ивонны» – сотворчество двух мастеров, создавших многослойную и многозначную картину с глубинными смыслами в декорациях 60 годов. Эта вторая работа Патрика Модиаго как сценариста, первая – фильм «Лакомб Люсьен» (1974) в соавторстве с сценаристом Луи Маль, получившая премию ВАФТА¹⁸ в 1975 г.

Роман П. Модиаго «Вилла “Грусть”» самый кинематографический роман писателя, поэтому, вероятно, он был выбран для экранизации. Модиаго использует кинематографические средства выразительности практически во всех своих романах. Писатель предлагает читателю «увидеть» свое произведение, визуализировать его с помощью различных литературных приемов: «хронологическая последовательность событий зачастую уступает место фрагментарному и обрывочному характеру повествования вплоть до полного отсутствия внешней логики и упорядоченности» [Маркова, 2017, с. 134]. А также в романе имеются «признаки литературной кинематографичности – слова лексико-семантической группы кино, киноцитаты, фреймы киновосприятия, образы и аллюзии кинематографа, <...> названия фильмов, имена режиссеров, актеров, персонажей». [Мартыанова, 2011, с. 304–337].

Фильм Леконта «Аромат Ивонны» не имел такого шумного успеха как «Муж парикмахерши», «Господин Ир» и «Насмешка». Он не был понят ни критиками, ни зрителями и принес горькие минуты Леконту, режиссер посчитал его провальным. Надо заметить, что непросто экранизировать зыбкую и туманную, полную загадок прозу Модиаго. Причиной этого были также коммуникативные трудности восприятия фильма, довольно сложного для зрителя.

Принцип фильма, как и книги «Вилла “Грусть”» ничего не объяснять и позволить сомнениям поселиться в душе зрителя, чтобы предполагать и размышлять о

¹⁸ **BAFTA** (англ. *The British Academy of Film and Television Arts*) – премия Британской академии кино и телевизионных искусств

том, что же было. Режиссер ставит вопросы, на которые зритель должен ответить сам, он считает, что неизвестность, недосказанность всегда глубже и загадочнее, поэтому в фильме как и в книге большая роль принадлежит контексту и скрытым смыслам. В романе перед нами история-рассказ о любви и предательстве, в фильме в историю трагически встраивается смерть.

Лейтмотив фильма – ностальгия по ушедшему времени и невозможности его вернуть. Только память побеждает время, возвращая пережитые моменты.

Смысловая структура литературного произведения сохранена. Леконт, как и Модiano предпочитает прошлое, потому что оно дает больше возможностей рассказать историю, наполняя ее яркими чувствами и переживаниями. По словам Рустама Хамдамова, прошлое: «дает отстраненность от событий и помогает их осмыслению» [Артамонов, 2007].

Для Модiano-романиста близка трагическая эпоха оккупации Франции во время Второй мировой войны, более точно, он одержим ей. Литератор остро чувствует воздух времени и морально-нравственные потери французов после поражения Франции в войне. По совместному сценарию с Луи Маль был снят уже выше упомянутый фильм «Люсьен Лакомб», посвященный этой теме. Ко времени выхода этих двух кинолент еще замалчивалось позорное время оккупации Франции. Эти экранизации – смелый шаг со стороны их создателей.

В фильме «Аромат Ивонны» представлена реконструкция прошлого: герой мучительно ищет себя и свою молодость в «формате диалога между прошлым и настоящим» [Ступницкая, 2017, с. 55]. Таким образом, достигается момент истины, которая есть, по словам Беккета, «одновременно воскрешение в памяти и непосредственное восприятие, реальное, не являющееся просто абстрактным, идеальное реальное» [Beckett Samuel, 1965, p. 75].

История-рассказ Леконта об утраченном времени, в который встраивается смерть. Персонаж с вымышленным именем русского аристократа, Виктор Хмара, спустя двенадцать лет отправляется в курортный городок, на берегу Женевского озера, где он встречает прелестную Ивонну. Герой бежал из Парижа, чтобы укрыться от призыва в армию, страшась, попасть в Алжир, где идет война.

Вот как он вспоминает свои ощущения в романе: «Ведь я умирал от страха: страх, не покидающий меня до сих пор, был тогда гораздо более сильным, хотя и менее обоснованным. Я убежал из Парижа, чувствуя, что он становится просто опасным для таких, как я. В нем царила отвратительная атмосфера полицейского сыска. Сажали, на мой взгляд, слишком многих. Рвались бомбы. Но мне бы хотелось внести хронологическую ясность, и поскольку наилучшие точки отсчета – это войны, то уточним, о какой же войне пойдет речь. О той, которую называют алжирской, в самом начале шестидесятых годов, в эпоху, когда все катили во Флориду в открытых машинах, а женщины плохо одевались. Мужчины, впрочем, тоже. Тогда я боялся еще больше, чем те-

перь, и выбрал себе это убежище, поскольку оно всего в пяти километрах от швейцарской границы. При малейшей угрозе достаточно переплыть озеро – и ты там. По своей наивности я полагал, что чем ближе к Швейцарии, тем дальше от опасности. Тогда я еще не знал, что Швейцарии не существует» [Modiano, 1975, p. 21].

Как трансформируются эти строки на киноязык. С первых кадров передается ощущение спокойствия и безмятежности, благодаря мерцающему пейзажу озера и белому пароходу под швейцарским флагом. На носу парохода в белом платье стоит красивая девушка, олицетворение чистоты. Затем следуют кадры самого дорогого отеля «Эрмитаж» и вдруг на фоне этого прекрасного пейзажа и благополучия врываются черно-белые документальные кадры войны в Алжире, что создает сразу ощущение опасности и тревоги.

В романе и в фильме три основных персонажа, у каждого своя тайна, связанная с прошлым, и распознать ее невозможно. Эти тайны надо дешифровать зрителю.

Анализируя многослойность и многозначность смыслов как фильма, так и романа всплывает сразу несколько тематических ядер. Одно из них присутствие фантома войны и постоянной опасности в безмятежной и праздной обстановке курорта в пяти километрах от нейтральной Швейцарии. Название романа «Вилла “Грусть”», а такое же название виллы, принадлежавшей Рене Мейнту, символично. Оно отсылает нас к теме Второй мировой войны, болезненно близкой Модiano. «Villa Tristi di Firenze» (итал. Вилла Печаль Фирензе) находится во Флоренции на улице Bolognese 67. Там с сентября 1943 года по август 1944 года размещалась немецкая полиция, где совершались жестокие пытки всех видов. «Вилла Печаль» использовалась в качестве тюрьмы и места пыток до освобождения Флоренции в августе 1944 года. Такие же «Виллы Печаль» были в других городах Италии.

Знаменательно, что Модiano вводит в свой роман «Улица Темных лавок», улицу, которая также находится в Италии в Риме, и связана с трагическими событиями Второй мировой войны: «И потом, мне ведь еще надо предпринять последнюю попытку – поехать в Рим, на улицу «Темных Лавок», дом два, туда, где я когда-то жил» [Modiano, 1978, p. 251].

Уже одно название виллы вселяет тревогу и страх и противоречит красоте пейзажа и беспечной жизни курортников. Именно на виллу Рене Мейнта в нейтральной Швейцарии вносят тайно тело окровавленного человека и туда же звонят неизвестные и назначают свидания Мейнту.

Второе ядро – тема памяти. Виктор возвращается в город, где произошла его встреча с Ивонной, где остался след ушедшей юности. Его гложет желание воскресить прошлое, равное постижению смысла жизни. И только память может помочь ему испытать незабываемые воспоминания.

В его прошлой жизни есть время и место: молодость и модный курортный город. Двенадцать лет спустя, Виктор Хмара бродит как во сне, вспоминая лето

шестидесятых и аромат своей возлюбленной. Все растворилось как в тумане, все стало призрачным, похожим на мираж.

Если в романе в большей степени цвет позволяет Виктору передать ощущение пережитых эмоций как «вспышку воспоминаний» – первая встреча с Ивонной: «Рыжая. В зеленом шелковом платье. И белых туфельках на шпильках, модных в то время. У ее ног, зевая и потягиваясь, растянулась собака. Огромный флегматичный немецкий дог, белый в черных пятнах. Зеленое, рыжее, черное, белое. От этого сочетания я как бы впал в прострацию» [Modiano, 1975, p. 29].

В первых кадрах в фильме Ивонна в белом платье, необыкновенно красива, и от этой чистой красоты Виктор тоже впадает в прострацию. Он любит красивую беспечную молодую женщину и пытается закрыть глаза, расслабиться, особенно расслабиться и забыть. Но как сделать это? Он мечтает о жизни без проблем, без целей, без определённой политической ориентации. Уйти от обычной реальности в инобытие, бежать от действительности. Его преследует тревога, окрашенная блаженством безделья, а в сознании бьется мысль: «Кажется, в Алжире идут бои».

Возникает вопрос, как с помощью камеры передать аромат? В кинематографе известны фильмы о запахах, как «Запах женщины», «Парфюмер», «Муж парикмахерши», «Запах Лаванды», «Запах страсти» и другие. Этому есть объяснение – запахи могут переносить к самым сильным, по эмоциональности воспоминаниям из прошлого. Данная теория названа в честь французского писателя Марселя Пруста, который в своем романе «В поисках утраченного времени» рассказал о том, как живо всплыли в памяти самые радужные воспоминания из детства, казавшиеся совершенно забытыми, всего лишь после того, как он съел бисквит, вкус которого напомнил ему кекс «мадленку». Запах как воспоминание, теория, названная «феноменом Пруста», гласит, что именно запахи помогают человеку вспомнить события, казавшиеся совершенно забытыми. В фильме пробуждает воспоминания аромат тела возлюбленной. В трех фильмах он воздает оду запахам, и особенно в фильме «Господин Ир». Леконт связывает запах женщины с любовью, его эротика предполагает то, что не видит зритель. Кинематографист передает эротичность через тактильность и музыку при описании любовных отношений персонажей, музыка и аромат близки по своему воздействию. Образ аромата – это «многозначное иносказание» об ушедшей любви, об утрате времени и невозможности обрести его вновь, оно ушло безвозвратно.

Интересно заметить, что при описании эротических сцен Модиано в этом романе и других тоже, целомудрен: полунамеки, утонченная любовная интрига, нет ярких чувственных эпизодов, они читаются между строк.

Следующее ядро – поиски идентичности персонажей. Образ Виктора Хмары представлен во множественной идентичности: француз по происхождению, он выдает себя за молодого русского графа Виктора, в своей еврейской идентично-

сти он мечтает о славе еврейского писателя, подобной славе Артура Миллера. Он создает в воображении собственный иллюзорный миф, строит свой «нарратив»: придумывает себе судьбу и историю, связанную с дореволюционной Россией. В какой-то момент он осознает, что не хочет жить в этом мире. Отрицание действительности проявляется у Виктора неприятием французов и героического прошлого Франции. К сожалению, актер, исполняющий роль Виктора Хмары, Ипполит Жирардо, мало выразителен, трудно понять его внутренние переживания, а значит, и поступки. В романе, напротив, это тонко чувствующий человек, начинающий писатель.

Рене Мейнт, друг Ивонны, врач, его роль великолепно исполняет известный французский актер Жан-Пьер Марьель, играющий во многих фильмах Леконта, и которого режиссер считает гениальным. Он самый яркий из триптиха персонажей. Крупные планы Рене позволяют увидеть его экзистенциальную боль, драму личности, отвергаемой обществом. Мейнт, ставший предметом насмешек и издевок, представляет «инаковость», тему изгоя, идентичность гомосексуальной личности. Его болезненно занимает текучесть времени и старость. В романе доктору Мейнту через три недели должно исполниться двадцать семь лет, и он считает, что безнадежно стареет. Леконт представляет его зрителю уже пожилым человеком, вероятно, знакомым с трагическим опытом оккупации. Его «инаковость» и изгойство представлены колоритнее, чем в книге. Вероятно поэтому, он носит феску, чтобы отличаться от остальных. Это о нем реплика из фильма «Господин Ир»: «Объясните, почему окружающие Вас не любят?»

Не совсем понятно, чем он занимается в шестидесятых годах на своей вилле, но предположительно его деятельность связана с войной в Алжире. Безысходность существования, переживание своего изгойства толкает его на самоубийство. В смерти он обретает смысл жизни.

Последнее ядро – это женский образ, образ Ивонны, самый ускользающий и вызывающий большое количество вопросов, на которые нет ответа ни в романе, ни в фильме. Ее роль исполняет очень красивая Сандра Мажани, модель голландского происхождения. Действительно ли Ивонна актриса? Откуда у нее деньги, которые она прячет в шкафу, и как она может жить в самом дорогом отеле, если она ничем не занимается. Пазл, в котором не хватает деталей.

Ей льстит, что Виктор – аристократ, образован. Ивонна же невежественна, но оболстительна. В романе Виктор характеризует ее: «ленивая как водоросль». Она олицетворяет чувство ненадежности и упадничества при видимой красоте. Леконт лишает ее романтического флера, каким наделяет ее литературный герой. Ей не нужен русский аристократ, который живет от продажи редких бабочек из коллекции своего отца (аллюзия на Набокова). Она оставляет Виктора и тайно уезжает с пожилым богатым французом из окружения, чуждого герою.

В романе особая роль отдана немецкому догу Ивонны, который страдает врожденной меланхолией, «у него печаль и усталость от жизни в крови» [Modiano, 1975, p. 36]. В фильме это состояние проецируется на Виктора, это он страдает португальской меланхолией¹⁹.

С позиции диалогического метода исследования проблемы взаимодействия литературного текста и кинотекста сделан вывод, что экранизация – это визуализированный текст, подчиняющийся своим правилам. Режиссерская версия прочтения представляет собой новое художественное произведение, эстетический феномен, подчиняющийся своим внутренним закономерностям создания и существования.

Фильм передает ностальгическую атмосферу 60-годов (1958 год) и главную идею книги о текучести времени и его невозвратности, об утраченном рае молодости, о памяти, сохраняющей эпоху с помощью аромата и других деталей.

Произведение Леконта не претендует на верность оригиналу, при этом ему удалось передать атмосферу эпохи, нерешительность и хрупкость характера Виктора, акцент на изгойстве Мейнта и трагичность его экзистенциального существования, неопределенность и двойственность Ивонны. Оба Виктор и Мейнт – духовные маргиналы, не нашедшие себя, пленники послевоенной эпохи. Леконт нашел неповторимый, сдержанный, легкий пронизательный и захватывающий тон французского классика.

Реалии передают эхо ушедшего прошлого: задымленный вокзал из-за дыма паровоза, модные песни Селии Круз, курортный «Конкурс элегантности», марки старых автомобилей.

В отличие от романа фильм – это результат коллективного творчества. Прекрасно исполнена роль Ришаром Боринже, дяди Ивонны. Операторская работа Эдуардо Серра усиливает сценарий выразительными композициями, неторопливыми сценами, крупными планами, постепенно вводятся будоражащие детали. Музыкальное сопровождение Паскаля Эстеве, написавшего музыку к нескольким фильмам Леконта, украшает и преобразует сюжет.

Недостатком фильма называют избыточность эротических сцен, однако, по словам режиссера, он не стремился к эротичности, а хотел показать чувственность на фоне тревожности. Фильм не имел успеха и незаслуженно забыт, потому что зритель не смог понять особого многозначного тона фильма Леконта и принять его субъективную точку зрения художника.

¹⁹ Португальская меланхолия проявляется как тоска, боль по человеку, месту или переживанию, которое некогда доставляло великое наслаждение.

* * *

Для меня Людмила Петровна – нравственный эталон в служении своему делу: ученый, руководитель, преподаватель, работающий в неутомимом движении. Творческая личность в разнообразных проявлениях, отдающая все силы и помыслы Институту Иностранных языков. Меня восхищали всегда ее лидерские качества, энергия и энтузиазм.

Мне посчастливилось работать вместе с Людмилой Петровной несколько лет и всегда хотелось подражать ее заинтересованности, преданности делу и надежности.

Символично, что коллеги подарили Людмиле Петровне на юбилей капитанскую фуражку, она, как настоящий капитан, провела команду ИИЯ сквозь бури и штормы филологического образования в университете и в стране.

3.4. Природа реальности и смысл творчества: диалог Джона Фаулза с французскими экзистенциалистами

Д.Ю. Червякова

Произведения Джона Фаулза многие литературоведы рассматривают как яркие образцы философской прозы, а сам писатель не раз говорил о своем неослабевающем интересе к философии. Первые же страницы его дневников позволяют отчетливо увидеть, что для двадцатитрехлетнего начинающего писателя «поэзия не сводится к напечатанным словам. Это философский взгляд на мир» [Fowles, 2005, p. 4]. В эссе 1964 года «Я пишу, следовательно, я существую» («I Write Therefore I Am»), само название которого было явной отсылкой к дискурсу философскому («Cogito, ergo sum» Рене Декарта), Фаулз признавался: «Мне всегда хотелось писать (в следующем порядке) стихи, философские работы и лишь в последнюю очередь – романы» [Фаулз, Кротовые норы, 2002, с. 27]. Спустя тридцать лет, в интервью, данном им Дианн Випон, он вновь подчеркнул важность философии для его становления как художника: «Точно так же, как я мечтал когда-то стать настоящим поэтом, я не меньше в глубине души стремился, как и мой отец, стать философом» [Фаулз, Кротовые норы, 2002, с. 571]. Так что опубликованный вслед за принесшим писателю известность романом «Коллекционер» сборник философских афоризмов «Аристос» был сознательным действием, проясняющим собственные философские основания в том виде, в каком они сложились к началу шестидесятых: «В нашем мире бытует мнение, будто философию следует оставить философам, социологию – социологам, а смерть – мертвым. Я считаю это одной из великих и деспотических ересей нашего времени. Я целиком отвергаю точку зрения, будто в вопросах, которые касаются всех и каждого (например, относящихся к проблемам смысла жизни,

природы наилучшего общественного устройства, ограниченности человеческих возможностей) правом на собственное мнение обладает только специалист, да и то исключительно в рамках своей области знания» [Фаулз, Аристос, 2002, с. 9]²⁰. Если в «Аристосе» мировоззренческие основания рационально структурированы и даны Фаулзом в сжатом, концентрированном виде как философские тезисы, то в романах писателя они конструируют основания, определяющие облик мира и человека, и осмысливаются как проблема.

Природа реальности и смысл творчества – проблемы, остававшиеся значимыми для Джона Фаулза на протяжении всей его творческой жизни, и среди факторов, послуживших импульсом к оформлению представлений писателя о реальности в законченную систему, стала философия экзистенциализма. Факт близости Джону Фаулзу идей экзистенциализма уже давно признан в литературоведческой науке. Еще один из первых исследователей его творчества У. Палмер писал: «Каждый из романов Фаулза... имеет дело с главным героем, который должен вдохнуть жизнь в основополагающий для Камю постулат: “Вся суть в том, чтобы жить”» [Palmer, 1974, p. 9].

Фаулз, действительно, принадлежал поколению, на которое экзистенциалисты – прежде всего французские, Жан-Поль Сартр и Альбер Камю, – оказали особенно глубокое влияние [Butler, 1991, p. 63], и первое неотрафлексированное знакомство будущего писателя с их идеями состоялось в конце сороковых годов, в Оксфорде, где он с 1947 по 1950 год изучал французский язык и французскую литературу. В одном из данных впоследствии интервью писатель заметил: «Я полагаю, что это «влияние» отчасти проистекало из имевших место в Оксфорде бесчисленных разговоров об «экзистенциалистах», «аутентичности», «ангажированности» и прочем» [Baker, 1989, p. 47]. В своем «интеллектуальном автопортрете» – книге философских афоризмов «Аристос» (1964) он не только упоминает Сартра и уделяет экзистенциализму особый раздел среди «других философий», но одну из важнейших глав своей книги, «Напряженный характер человеческой реальности», строит, опираясь на понимание «существования» как «экзистенции».

Нам представляется особенно важным, что писатель с самого начала говорил о близости этой философской системы его собственным, сложившимся помимо влияния экзистенциализма, выводам относительно сущности мира и человека: некоторые идеи, хотя и недостаточно отчетливо, существовали в его сознании еще до близкого знакомства с сочинениями Сартра и Камю. Он утверждал это и в интервью, и в дневниках. Так, в ноябре 1953 года Фаулз радостно пишет о том, что чув-

²⁰ В своей убежденности наличия «права на философию», дарованного не только представителям цеха профессиональных «любителей мудрости», Фаулз переключается с самими философами. Так, Альбер Камю, утверждал: «Нет перегородок между теми видами умственной деятельности, к которым человек прибегает ради понимания и любви» [Камю, 1990, с. 92].

ствует себя гораздо более уверенным в жизни человеком, и добавляет, что одна из причин этого состояния – «... новая философия – экзистенциализм, которая вызрела во мне с тех пор, как я уехал в Грецию, и которую лишь сейчас я стал ощущать как активное начало» [Fowles, 2005, р. 302]. Замечая, что своеобразным толчком, запустившим этот процесс, послужила книга Э.Л. Алена «Экзистенциализм изнутри», он признается: «Когда я ее читал, столь многое из того, *о чем сам думал в последнее время*, выстроилось в законченную систему; особенно близко мне представление де Бовуар и Камю о человеке как о существе, способном победить абсурдность существования. *Ко всем их выводам я пришел самостоятельно*» (курсив наш – Д.Ч.) [Fowles, 2005, р. 302]. Экзистенциализм, как позднее дзэн-буддизм, оказался не столько «влиянием», сколько «узнаванием» тех знакомых истин, что изначально определяли картину мира в восприятии Фаулза: «Они согласовывались с моими внутренними переживаниями, которые, как мне представляется, возникли бы в любом случае, и они, действительно, уже возникли тогда, пусть даже и пребывали на тот момент в некотором беспорядке, но этот процесс был ускорен писателями-экзистенциалистами» [Baker, 1989, р. 47]. «Побудительная сила» этого философского направления, его роль в становлении творческой личности Фаулза, были значительны. Но именно изначальная укорененность важнейших экзистенциалистских положений в сознании писателя позволили впоследствии возникнуть своеобразному диалогу с экзистенциализмом, который строился на основе непосредственного, лично окрашенного восприятия философии существования. Не случайно, рассуждая в «Аристосе» о сущности экзистенциализма, Фаулз замечает, что «экзистенциализм – это не философия, а способ рассмотрения и использования других философий» [Фаулз, Аристос, 2002, с. 34] и способен «только на сопротивление одного человека; на одно личное выражение взглядов; такое, как эта книга» [Фаулз, Аристос, 2002, с. 235]. Потому и невозможно для Фаулза «отвергнуть экзистенциализм» [Фаулз, Аристос, 2002, с. 234], что он, словно эхо, вторит его собственному пониманию реальности и человека.

Одной из важнейших точек схождения Фаулза и французских экзистенциалистов оказалась ключевая для этой философской системы концепция экзистенции – «бытийственной характеристики человеческой реальности» [Современная западная философия, 1991, с. 389], существования как звена, соединяющего бытие и «мир» как арену повседневного обезличенного существования. Приоритет «существования» перед «сущностью» – кредо как экзистенциалистов, так и Фаулза. Для английского писателя первое из них предполагает способность к полному и глубокому «ощущению бытия» (sense of existingness). Иначе это же состояние он называет «созерцанием» (looking at). «Созерцание», как он сам формулирует, для него равнозначно экзистенциальному понятию «осознания настоящего момента» (awareness of the now) [Fowles, 1999, р. 449], то есть состоянию непосредственного переживания

человеком бытия. Это, пишет Фаулз, – «способность чувствовать бытийственность вещей и благоговеть перед нею» (the ability to feel and venerate the existingness in things) [Fowles, 1999, p. 279]. И данное состояние принципиально отлично от того, что он обозначает как «поиск» (looking for) – иными словами, от направленности на достижение некоей цели в своем контакте с реальностью, от отношения к вещам как к материалу, инструменту.

Не случайно размышления о реальности предстают у Фаулза именно в форме художественных произведений: ведь роман, по его собственным словам, – это «личный взгляд человека на жизнь» [Fowles, 1999, p. 11], то есть индивидуальная проекция существования, приоткрывающая завесу бытия. И даже сборник философских афоризмов «Аристос» содержит подзаголовок «Автопортрет в идеях», отсылая нас к тому же личностному существованию. И потому уже один из первых исследователей творчества Фаулза У. Палмер отмечал: «И для Фаулза, и для Камю существование – это все» [Palmer, 1974, p. 9].

Существование как «бытие-в-мире» являет собой непосредственное переживание реальности, а не ее отражение, предполагающее разделение субъекта и объекта в акте познания: «Это жизненный поток наших переживаний, взятый еще до рефлексии, до рационального осмысления. Это... наше сознание, но не рассуждающее, а непосредственно-переживающее, не безлично-абстрактное, а индивидуальное, субъективное, напряженно-эмоциональное» [Сурова, 2001, с. 257]. И здесь истоки той роли, которую в экзистенциализме играет искусство.

Постигнуть мир как он есть – значит выявить смысл единого мироощущения личности, произвольно присутствующего в ее настроениях, переживаниях, эмоциях, ведь доступ к познанию бытия открывается только посредством человека. И только искусство способно, по выражению Сартра, «как бы застигнуть сознание на месте преступления» [цит. по Соловьев, 1991, с. 289]. Это оказывается возможным, так как в отличие от науки искусство видит мир через призму самого этого человеческого сознания, и не только в его познавательных, но и в эмотивных аспектах [Киссель, 1976, с. 32].

Акцент на смысле художественной деятельности вводит в сферу интересов экзистенциалистов вопросы о сущности сотворенной реальности, специфике художественного сознания и о смысле творения. При этом разговор о творчестве не замыкается у представителей этого направления в рамках искусства, но выходит за его пределы. Так, в знаменитой работе 1946 года «Экзистенциализм – это гуманизм» Сартр пишет о творчестве, предстающем в форме морали: «Моральный выбор можно сравнить... с созданием произведения искусства... Здесь мы тоже оказываемся в ситуации творчества» [Сартр, 1990, с. 338–339]. Как полагает философ, общим между этими видами духовной культуры является то, что в обоих случаях в их основании лежит «творчество и изобретение». Человек создает себя сам. Чело-

веческая свобода – творческий акт. Камю, в свою очередь, считает творчество художника родственным тому, которое создается другими людьми абсурда, например, актером или завоевателем [Камю, 1990, с. 90].

И все же приоритет, безусловно, принадлежит художественному творчеству. «Психология воображения» как механизм сотворения художественной реальности становился объектом исследования Жана-Поля Сартра в книгах «Воображение» (1936) и «Воображаемое. Феноменологическая психология воображения» (1940).

Проблема воображения – одна из важнейших и в эстетической системе Фаулза, который в пятидесятые годы, как позволяют увидеть его дневниковые записи, мучительно пытается понять, способен ли он быть писателем, а значит, творцом. Поэтому интерпретация французским философом проблемы воображения как творческого начала не могла остаться не замеченной английским романистом.

Акт воображения, по Сартру, является магическим: «... воображение представляет собой некое заклинание, необходимое для появления объекта, о котором мыслят, или вещи, которой хотят обладать» [Долгов, 1990, с. 18]. Иными словами, важнейшей особенностью воображающего сознания является его творческий характер. Воображающее сознание не детерминируется извне реальным объектом, оно возникает само по себе и свободно по отношению к действительности [Афасижев, 1988, с. 89]. Создаваемый воображением образ отличен от вещи, и более того – для возникновения образа в сознании необходимо «полагание его несуществующим перед лицом воображающего субъекта» [Там же, с. 89]. Восприятие вещи – есть реальность, создание образа – ирреальность. Мир воображения совершенно отличен от обычного, реального мира. Он существует вне времени и пространства и в этом своем бытии противостоит миру действительности [Долгов, 1990, с. 17]. Таким образом, восприятие вещи и создание образа вырастает у Сартра в проблему соотношения ирреального и реального – проблему, столь важную и для эстетической системы Фаулза.

Эта проблема оставалась важнейшей для французского мыслителя и десятилетия спустя после создания работ о воображении. В автобиографической повести «Слова» (1964), восстанавливая в памяти свое детство, философ здесь, в начале истории своей жизни, видит истоки будущей значимости воображаемого ирреального мира: «Я считал слова сутью вещей», – признается он [Сартр, 1992, с. 428]. Сначала мир существовал на страницах книг из домашней библиотеки: «Книги – это был мир, отраженный в зеркале; они обладали его бесконечной плотностью, многообразием и непредугаданностью» [Сартр, 1992, с. 386]. Позже Сартр сам стал творить свою вселенную: «... воображаемое воплощалось... я поверил, что в закорючках, нацарапанных моим стальным пером, вымысел обращается в действительность» [Сартр, 1992, с. 428].

Продукты творчества, согласно Сартру, ирреальны, и все же эта ирреальность необходима, потому что переживание реальности как «бытия-в-себе», ставит жизнь

человека под угрозу. Приносящее обретение истины «восприятие» действительности как «бытия-в-себе», то есть бытия, полного непроницаемых вещей в их чувственной конкретности, – слишком тяжелое знание. Выдержать эту истину человек не может, не перестав быть человеком [Сулова, 2001, с. 60]. Но, к счастью, у сознания, помимо восприятия, есть и другая форма бытия – воображение. Именно оно позволяет «пересоздавать» мир и дарует человеку способность к «деланию себя». Способность к воображению, по Сартру, – это проявление свободы сознания. Восприняв реальный мир, оно «создает ирреальность, изменяя или отрицая действительный мир с помощью сотворенного образа» [Сулова, 2001, с. 261].

Можно сказать, что в восприятии экзистенциалистов искусство не является ни подражанием, ни способом познания действительности, но второй реальностью. Ему придается онтологический статус. Аналогичным образом и для Фаулза, как отметила С. Онега, «реальное и нереальное, онтологическое и вымышленное обладают одним и тем же статусом» [Онега, 1989, р. 10].

Однако, интеллектуальная встреча (если использовать емкое выражение С. Аверинцева) Сартра и Фаулза, произошедшая в сфере размышлений о воображении, о взаимодействии реального и ирреального, позже стала источником своеобразной полемики Фаулза с Сартром. В то время как утверждение ирреальной природы продуктов воображения не вызывало у него никакого возражения, отказ от соотнесенности образа с реальностью оказался для Фаулза неприемлем. В одной из, условно говоря, теоретических глав романа «Дэниел Мартин», носящей название «В саду благословенных», речь идет о трагической и абсурдистской атмосфере современных главному герою художественных произведений, впитавших экзистенциалистские идеи. В финале главы Дэниел, внезапно осознав искусственность этих построений, обозначает свое кредо романиста следующим образом: «К чертям модные клише культуры; к чертям элитное чувство вины; к чертям экзистенциальное отвращение; и прежде всего – к чертям *такое воображаемое, которое не говорит – ни образом, ни тем, что стоит за образом, – о реальном*» (курсив наш – Д.Ч.) [Фаулз, Дэниел Мартин, 2000, с. 134].

В трактовке характера взаимоотношения искусства и реальности Фаулзу, на наш взгляд, ближе оказалась позиция Сартра периода создания им трактата «Что такое литература» (1947), а также восприятие этого взаимоотношения Альбером Камю. В творчестве последнего такого резкого размежевания между сотворенным миром и действительностью не было, что, возможно, обусловлено различиями между созданными Сартром и Камю концепциями реальности.

Английский писатель сам говорил о большей близости ему творчества Камю по сравнению с Сартром, которого Фаулз находил сложным для понимания. Так, в интервью 1987 года романист утверждал: «Я всегда больше любил Камю» [Baker, 1989, р. 47], а в эссе 1997 года «Симпозиум, посвященный Джону Фаулзу» (The John Fowles Symposium) эта мысль прозвучала вновь, когда он констатировал,

что открытие им экзистенциализма было в большей мере открытием Камю, чем Сартра [Fowles, 1999, p. 87].

Заметим, что данное обстоятельство находится в русле общей тенденции, характерной для английской культуры шестидесятых годов. Р. Стивенсон, анализируя эволюцию романного жанра в Англии прошлого столетия, отмечает, что с конца пятидесятых в Великобритании влияние Камю было особенно сильным, большим, чем воздействие Сартра, и подтверждает свой вывод целым рядом произведений («Аутсайдер» Колина Уилсона, «Удостоверения личности» Найджела Денниса, «Пасмор» Дэвида Стори) [Stevenson, 1993, p. 99]. Тем не менее, можно утверждать, что большая, по сравнению с Сартром, близость Фаулзу Камю, не только аспект общей тенденции, но индивидуальное предпочтение, обусловленное, прежде всего, различным восприятием облика бытия этими мыслителями.

Реальность как область непосредственно переживаемого, как единственно достоверный мир, с точки зрения обоих французских философов, бессмысленна и абсурдна. «Я ничуть не удивился, я понимал, что это Мир, мир, который предстал передо мной во всей своей наготе, и я задыхался от ярости при виде этого громадного абсурдного существа», – с ужасом и отвращением восклицает Антуан Рокантен, герой романа Сартра «Тошнота» (1938) [Сартр, 2003, с. 172]. И Камю вторит ему в «Мифе о Сизифе» (1942): «... в этой плотности и этой чуждости мира обнаруживает себя абсурд» [Камю, 1990, с. 38].

Однако есть существенные отличия между пониманием характера бытия философами. Для Сартра очевидность вещей, реальность внешнего мира предстает в виде «вязкой материи, которая душит, засасывает, словно трясины» [Сулова, 2001, с. 259]. Природа в его восприятии «не творящая, а поглощающая, она обволакивает человека влажной, грязной поверхностью предметов, не оставляя ему ни малейшего просвета» [Зенкин, с. 6]. «Мир вне меня был так уродлив... так уродливо само существование мира», – с отвращением произносит Рокантен [Сартр, 2003, с. 221]. У Камю же абсурд проистекает из невозможности «найти связь с равнодушным (но прекрасным!) миром» [Ерофеев, с. 55]. «Мир прекрасен, и в этом все дело, – пишет он в 1937 году в своих «Записных книжках». – Он терпеливо разъясняет нам великую истину, состоявшую в том, что ум и даже сердце – ничто. А камень, согретый солнцем, или кипарис, который кажется еще выше на фоне ясного неба, очерчивают единственный мир, где понятие «быть правым» обретает смысл, – природу без человека» [Камю, 1990, с. 29]. Человек «испытывает желание быть счастливым и постигнуть разумность жизни. Абсурд рождается из столкновения этого человеческого запроса с безмолвным неразумием мира» [Камю, 1990, с. 47], – констатирует Камю в «Мифе о Сизифе».

Это различное восприятие мира французскими философами, на наш взгляд, и стало одним из источников предпочтения, которое Фаулз отдавал Камю. Соглаша-

ясь в двадцатипятилетнем возрасте с экзистенциалистским тезисом об абсурдности существования, он писал в дневнике: «Мне кажется, Кафка и Камю установили границу. Они докопались до самой сути, обнажили истину. Абсурдность и безнадежность существующего» [Fowles, 2005, с. 107]. Но если отсутствие рядом с именами Кафки и Камю имени Сартра само по себе еще не показатель существующего разногласия, то значительным может оказаться другой факт. И он, как нам представляется, более весом: английский писатель на протяжении всей жизни говорил о своей страстной любви к природе, к той очаровательной «дикарке», «великолепной наготой, гибким и стройным станом, изысканными украшениями, чувственными нарядами и пышным цветением» [Фаулз, Кротовые норы, 2002, с. 521] которой он не устал восхищаться. Комментируя роман «Волхв» (The Magus, 1966), Р. Шоулз пишет о концепции реальности у Фаулза: «Мир не мертв и не тошнотворен. Он живой и непостижимый» [Scholes, с. 42]. Действительно, представление Фаулза о мире далеко отстоит от сартровского образа затаившейся «утробы природы» [Сартр, 2003, с. 204]. Но его «загадочная инаковость природы» [Фаулз, Кротовые норы, 2002, с. 521] родственна образам Камю. Родственна, однако, не равна.

На страницах дневников английского романиста, где звучат его размышления о бытии, возникает своеобразный диалог с французским философом. В эссе Камю «Миф о Сизифе» звучат следующие слова: «... нас ждет ощущение нашей чужеродности в мире – мы откроем, до чего он «плотен», заметим, насколько камень нам чужд, как он неподатлив, с какой силой природа, самый пейзаж может нас отрицать. В недрах красоты залегает нечто бесчеловечское, и все вокруг – эти холмы, это ласковое небо, очертания деревьев внезапно утрачивает иллюзорный смысл, который мы им приписывали, и вот они уже дальше от нас, чем потерянный рай. Первобытная враждебность мира доносится до нас сквозь тысячелетия... Мир ускользает от нас, потому что снова становится самим собой» [Камю, 1990, с. 38].

В дневниковой записи 1963 года, рассказав о пережитом им однажды приступе экзистенциальной тошноты, Фаулз, далее, словно ответную реплику в беседе с Камю, записывает: «Ужасает не чужеродность (otherness) вещей; ужасает, когда они утрачивают свою чужеродность, когда они теряют всю присущую им ценность, все свое онтологическое значение. Они есть, и в то же время их нет. Они более не отражают тебя самого, уже не сдерживают и не фиксируют (в навигационном смысле слова) твоей личности; она рассеивается в психологической пустоте, в neant» [Fowles, 2005, с. 558]. Та же мысль звучит и в «Аристосе»: «Я вынужден постоянно сознавать свое отличие от окружающих вещей, предметов и т.п.... Однако они определяют меня, говоря мне, кто я такой» [Фаулз, Аристос, 2002, с. 161]. Для английского писателя это скорее не «чужеродность», но «инаковость» вещей, которую Фаулз воспринимает как положительное их качество. Отражаясь от непо-

датливо плотных предметов, личность как бы собирается в фокусе, обретает собственные координаты. Наталкиваясь на чуждость вещей, человек обостренно ощущает собственное существование. Когда же вещи теряют это качество, свою особость, свою «плотность» и инаковость, то личность оказывается «онтологически разьединенной» (ontologically dislocated) [Fowles, 2005, с. 558], она рассеивается в образовавшейся пустоте, потеряв сетку для определения координат.

И все же природный мир – источник не иссякающего восторга для обоих писателей. Любование миром пронизывает «Записные книжки» Камю, в которых до боли в глазах ослепительно блещет солнце, плещут крылья птиц в синеем небе и расстилается залитое ярким светом море. «Я, подобно грекам, верю в природу», – пишет он [Камю, 1990, с. 439]. И этот восторженный взгляд на раскинувшийся вокруг мир природы сохраняется всегда. Даже несмотря на то, что пейзажей среди его дневниковых записей по мере течения времени становится все меньше и меньше – факт, отмеченный самим Камю в 1947 году [Камю, 1990, с. 460]. Даже учитывая, что в этих заметках звучит горечь от невозможности «наслаждаться криками птиц и вечерней прохладой – миром, как он есть», так как этот мир «покрылся нынче густым слоем истории, сквозь которую пробивается к нам его речь» [Камю, 1990, с. 403]. Это обстоятельство не может не исказить прекрасный облик мира. Но все же непреложным остается ощущение удивительной красоты мироздания: «Мистраль расчистил небо, и оно совсем новенькое, синее и блестящее, как море. Со всех сторон доносятся громкие птичьи трели – ликование, упоенная разноголосица, бесконечный восторг. День журчит и сияет» [Камю, 1990, с. 59].

Та же влюбленность в красоту мира – сквозной мотив дневников Фаулза. Подобно Камю, писатель с обостренной чувствительностью вглядывается в природные ландшафты. Те же грани мира, что и у французского философа, обретают очертания на страницах его дневников вновь и вновь. Это дремлющее солнце, которое напоминает Фаулзу огромную спелую хурму, «висящую над невозмутимыми серыми кронами пробуждающихся деревьев» [Fowles, 2005, с. 559]. Это огромное, бескрайнее, залитое закатом небо, то в огненно-красных завитках облаков, то безоблачно ясное, разрезаемое стремительными крыльями птиц. Это море, «его облик и звуки, которые оно издает, когда касается земли, насильно овладевает землей, ласкает землю» [Fowles, 2005, с. 647]. И еще, среди тех природных объектов, что неизменно влекут взгляд Фаулза, нельзя позабыть лес и горы: «Величественное сочетание леса, моря, солнца, ветра и гор. Совершенство не романтического, а классического рода» [Fowles, 2005, с. 259]. Мир Фаулза – это мир, полный жизни и красоты. Почти религиозный трепет звучит в рассказе писателя о том, как, стоя ночью посреди городской площади, он напряженно вслушивался в голоса пролетающих над Пуатье птиц: «Странные, далекие, прекрасные звуки» [Fowles, 2005, с. 66]. И это восприятие природы много ближе к Камю, чем к Сартру.

Близость концепций реальности Фаулза и Камю определяет и степень родства их представлений о взаимоотношении искусства и реальности. В «Мифе о Сизифе» автор «Постороннего» вторит Ницше: «Искусство дано нам, чтобы мы не умерли от правды» [Камю, 1990, с. 89]. Как проекцию этого тезиса можно интерпретировать сказку о принце и маге из романа Фаулза «Волхв». Выслушав признание короля, который утверждает: «По ту сторону чародейства не существует ничего», – принц жаждет смерти. Однако он «вспомнил прекрасные, но ненастоящие острова и ненастоящих, но прекрасных принцесс» [Фаулз, Волхв, с. 552]. Именно это воспоминание позволило принцу вынести бремя приобретенного знания о мире. И именно этот момент стал началом его собственного превращения в мага.

И для Фаулза, и для Камю, творя собственную иллюзорную реальность, художник примиряет человека с действительностью. Творчество способно помочь человеку выстоять против однажды открывшейся ему вопиющей абсурдности существования. Помочь выстоять и против соблазна использовать «спасительный» выход из этой ситуации: прекратить абсурдную жизнь с помощью самоубийства. Жизнь в абсурдном мире почти невозможна, но человек должен «жить и думать посреди этого мучительного разлада» между «тоской по единству и распыленной вселенной» [Камю, 1990, с. 61], лишенной смысла. И, подобно Сартру, Камю полагает, что выполнить эту задачу оказывается возможным посредством творчества как единственного способа преодоления абсурда. В том же 1942 году, когда вышел в свет «Миф о Сизифе», в «Записных книжках» Камю пишет, что «если бы мир был ясен, искусства бы не существовало», точнее, «если бы мир казался мне осмысленным, я не стал бы писать» [Камю, 1990, с. 360]. Пусть искусство – «едва ли не самая явная, «чистая» разновидность сизифова труда» [Великовский, с. 150], но все-таки, «может быть, – звучит на последних страницах эссе, – великое произведение искусства значимо не столько само по себе, сколько тем испытанием, которому оно подвергает человека, и предоставляемым человеку случаем возобладать над своими наваждениями и немного приблизиться к голой действительности» [Камю, 1990, с. 103].

В период становления его творческой индивидуальности, в пятидесятые годы, представления Фаулза о функции искусства очень близки тем, что звучат в «Мифе о Сизифе». Констатировав, что «мир и жизнь с философской точки зрения не имеют никакого значения», он пишет в дневнике в 1951 году: «Итак, искусство, чтобы развлекать, и искусство, чтобы облегчать страдания... Однако каждое из этих новых «espoir» произведений – апострофа, утверждающая, что «мир не имеет смысла, но...». Во всех остальных случаях вообще нет попыток отрицать весь ужас существования. Факелы в темной пещере. Невозможно забыть о пещере. Она существует вне зависимости от каких бы то ни было факелов» [Fowles, 2005, с. 107–108].

Предположение, что творческая деятельность имеет особый смысл для творящего сознания, позволило Камю в свое время, комментируя роман Сартра «Тош-

нота», перефразировать изречение Декарта: «Пишу – следовательно, есмь». И возможно, повторив впоследствии эту фразу по-английски и сделав ее заглавием открывающего сборник «Кротовые норы» (Wormholes, 1998) эссе, Джон Фаулз вторил Камю: «I Write Therefore I Am»²¹.

Именно в этом смысл подлинного творчества для Фаулза: художник «играет в Бога», одновременно заставляя своего читателя отчетливо осознавать, что «небеса пусты». Но магия художественного слова, приоткрывая завесу над непостижимой – ибо абсурдной – реальностью, в то же время придает ей смысл.

3.5. Метафизика времени в романе Уильяма Фолкнера «Шум и ярость»

М.И. Жук

Миф и время – ключевые категории как художественного мира романа У. Фолкнера «Шум и ярость», так и всего творчества писателя. Так, в данном произведении можно обнаружить отсылки к античным мифам об аргонавтах, Нарциссе, ветхозаветной легенде об Иосифе Прекрасном и к новозаветным мифологическим образам.

Евангельские аллюзии пронизывают всю структуру романа: основное действие книги разворачивается в течение Пасхи 1928 года, четырехчастная композиция «Шума и ярости» соотносится с Четвероевангелием. Первые три части – это своего рода синоптические евангелия, повествующие о Кедди Компсон, четвертая часть, резюмирующая основные темы романа, является аналогом Евангелия от Иоанна.

Центральный герой романа, слабоумный Бенджи Компсон, недвусмысленно соотносится автором с образом Иисуса Христа: он наделен его возрастом (33 года). На первых же страницах негритенок Ластер говорит герою: *Опять ты за этот гвоздь зацепился. Никак не можешь, чтоб не зацепиться* [Фолкнер, 1985, с. 332] *You snagged on that nail again. Cant you never crawl through here without snagging on that nail* [Faulkner, 1996, p. 2–3]. В евангельском контексте романа слово nail отсы-

²¹ Заметим, что парафразы знаменитого афоризма Декарта как минимум дважды возникают на страницах произведений Альбера Камю: как лаконичная формулировка его философии бунта («Я бунтую, следовательно, мы существуем», – утверждает он в «Человеке бунтующем») и в упомянутой рецензии на первый роман Сартра «Тошнота» («Из первоначального сомнения родится, вероятно, “Я пишу, следовательно, я существую”»). Предположение о сознательном отклике английского писателя на формулировку Камю имеет под собой основание, если учесть, что в названном так эссе Фаулз вспоминает и Сартра, и Камю, а свое решение стать писателем определяет как «сознательный выбор экзистенциалиста»: «Общество, само мое существование среди других людей, бросает мне вызов, так что мне приходится выбирать оружие. Я выбираю писательство; но важнее всего то, что сначала мне был брошен вызов» [Фаулз, 2002, с. 28].

ляет нас к евангельской сцене распятия Спасителя. Кроме возраста и используемой лексики, на хриstopодобность героя указывают и другие детали. Согласно сюжету евангельского мифа, Христос был распят между двумя преступниками. В романе Фолкнера Бенджи Компсон связан кровными узами с Квентином, совершившим грех самоубийства, и Джейсоном, воруящим деньги у племянницы.

Однако в художественном мире романа У. Фолкнера образ Христа подвергается трансформации. Христианский бог должен не только умереть, но и воскреснуть, тем самым символически утвердив идеи бессмертной жизни, искупления греха и любви Бога к человеку. Однако фолкнеровский Бенджи-Христос не умирает и не воскресает. Более того он – кастрированное божество, не способное возродиться в другом и возродить мир. Поэтому через весь роман проходит лейтмотивный плач Бенджи, символизирующий муки бога, лишённого возможности умереть и переродиться, обречённого вечно страдать на кресте: [...] *он голосил – медленно, убого и бесслезно, и в сумрачном и безнадежном звуке этом звучала вся безгласная горесть Вселенной* [Фолкнер, 1985, с. 569] [...] *he bellowed slowly, abjectly, without tears; the grave hopeless sound of all voiceless misery under the sun* [Faulkner, 1996, p. 395].

С христианским мифом очень тесно связано художественное время романа. Как известно, в христианской картине мира понятие времени появляется после грехопадения и изгнания человека в несовершенный мир. Время сотворено, оно имеет начало и конец, между которыми проходит история человечества. Христианский теолог Ориген отметил, что своеобразие христианства заключается прежде всего в том, что воплощение осуществляется во времени историческом, а не во времени космическом. Важное свойство времени в христианском мифе заключается в том, что данное время линейно и необратимо. Это уже больше не циклическое время вечного возвращения, характерное для античного или германо-скандинавского мифа. *Мир был сотворен единожды, и у него будет один конец. Воплощение произошло в истории единожды, и Страшный суд тоже произойдет один раз* [Элиаде, 2010, с. 168–169]. Как пишет Мирча Элиаде, *для иудейско-христианских религий конец мира есть часть мессианистского таинства* [Там же, С. 72]. После Страшного суда *времени уже не будет* (Откровение, 10:6), и человечество перейдёт во вневременное целостное пространство Вечности.

При этом христианство сохраняет циклическое время мифа во времени литургическом. Живя в линейном времени, христианская община принимает участие в ежегодных циклических ритуалах, символизирующих рождение, жизнь, смерть и воскресение Бога [Там же, С. 72].

В романе «Шум и ярость» герои характеризуются своей включенностью в тот или иной тип времени. Братья Компсоны заперты в разных хронологических отрезках, отчуждены от целостного линейного времени христианской истории, то есть

они не могут пройти весь путь времени через прошлое, настоящее и будущее, что мешает им перейти в Вечность.

Первая часть «Шума и ярости» написана от лица слабоумного Бенджи, который не различает прошлого и настоящего, для него нет линейного времени. Вся эта часть написана в Past Simple, но О.П. Сорока перевёл ее на русский язык в настоящем, чтобы показать существование героя в вечном моменте настоящего. Однако необходимо отметить, что с точки зрения грамматики повествование Бенджи осуществляется в вечном прошлом, даже когда говорит о событиях, происходящие в настоящем времени романного повествования.

Поскольку для героя нет прошлого и настоящего, то можно сказать, что, во-первых, он живёт изолированно от времени христианской истории мира. Во-вторых, герой лишен будущего, а значит у него нет эсхатологической надежды на конец истории, который в христианской парадигме мыслится как финальное единение с Божеством, переход в Вечность. Как уже говорилось, Бенджи, который соотносится Фолкнером с фигурой Христа, кастрирован, что является метафорой бесплодия и разрыва с будущим, а значит и с Бессмертием. И, в третьих, поскольку практически вся глава написана в Past Simple, то можно говорить, что события о которых говорит Бенджи, уже произошли и он их вспоминает, снова и снова прокручивая в своей голове. То есть герой втянут в цикл Вечного повторения и отчужден от линейной христианской хронологии.

Отчужденность героя от Вечного подчёркивается Фолкнером в самой первой строке романа: *Через забор, в просветы густых завитков, я вижу, как они бьют* [Фолкнер, 1985, с. 331] [...] *Through the fence, between the curling flower spaces, I could see them hitting* [Faulkner, 1996, p. 1]. Бенджи через ограду, наблюдает луг, который пришлось продать, чтобы оплатить учёбу Квентина в Гарварде и свадьбу Кедди. В контексте христианской символики романа луг может символизировать потерянный навсегда Эдем, отчуждение от Вечности. Не случайно также, что Бенджи видит через забор птицу, севшую на флажок: *Он красный, его треплет среди луга. Подлетела птица косо, села на него* [Фолкнер, 1985, с. 331] *It was red, flapping on the pasture. Then there was a bird slanting and tilting on it* [Faulkner, 1996, p. 2]. Птица символизирует присутствие Вечности, от которой отрезан Бенджи.

Идея утраты связи с Творцом также обозначена указанием на день повествования в первой главе – это пасхальная суббота, то есть время пребывания Христа в загробном мире, что которое символизирует богооставленность человечества.

Перманентный плач Бенджи можно рассматривать как аллюзию к строчкам из «Откровения святого Иоанна Богослова»: «И услышал я громкий голос с неба, говорящий: ...И сотрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло. И сказал сидящий на престоле: Се, творю все новое» (Откровение, 21). Однако плач героя не смолкает до

3.5. Метафизика времени в романе Уильяма Фолкнера «Шум и ярость»

конца романа, и мир Компсонов не обновляется, о чём говорит последняя сточка, подчеркивающая идею бесконечного повторения: *Над цветком, сломанно поникшим из руки, взгляд Бена был опять пуст и синь и светел, а фасады и карнизы уже вновь плыли слева направо; столбы и деревья, окна, двери и вывески – все на своих назначенных местах* [Фолкнер, 1985, с. 572] *The broken flower drooped over Ben's fist and his eyes were empty and blue and serene again as cornice and facade flowed smoothly once more from left to right, post and tree, window and doorway and signboard each in its ordered place* [Faulkner, 1996, p. 401].

В этом отношении важен маршрут героя в пространстве романа: Бенджи перемещается преимущественно по замкнутому циклу между домом Компсонов и кладбищем, где находятся семейные могилы.

Цикличность, замкнутость подчеркивается еще и тем, что цветок, который герой держит в руке в конце романа – нарцисс. Это отсылает нас к античной легенде об одноимённом герое, чьё существование замкнулось на самом себе. Стоит отметить, что в первой части романа Бенджи держит в руку цветок дурмана (jimson weed), который можно воспринимать как символ погруженности мира в духовную летаргию, смерть, так как повествование разворачивается в пасхальную субботу, день смерти Христа.

Во второй части романа Квентин Компсон пытается остановить поток линейного времени, вернуть и переделать прошлое. Он разбивает карманные часы, ломает стрелки, но после этого он только сильнее ощущает могущественный поток времени, о котором напоминают его знакомые, совершающие свои рутинные ежедневные действия, бой башенных часов и его собственная тень. Не случайно, Фолкнер несколько раз помещает в поле зрения героя унитаристскую церковь с часами на башне, символизирующую линейное время христианской истории, из которой Квентин хочет себя изъять через самоубийство. В романе трижды повторяется мысль героя, который надеется не появиться на Страшном суде, то есть выпасть из хода времени: *Он повелит воскреснуть, всплывут только одни утюги* [Фолкнер, 1985, с. 413] *and when He said Rise only the flat irons* [Faulkner, 1996, p. 139]. Как человек, совершивший грех самоубийства, Квентин не сможет соединиться с Бесконечностью после конца времен, поэтому его суицид – это прежде всего жест против времени христианской истории.

Стоит отметить, что Квентин Компсон изъят не только из христианского линейного времени, но даже из времени общего повествования романа. Действие второй части происходит хронологически автономно: это не время Пасхи 1928 года, когда разворачиваются все события романа, а день самоубийства героя в 2 июня 1910 года.

Немаловажно, что наблюдая *квадрат башины и круглое око часов* [Фолкнер, 1985, с. 419] *the square cupola above the trees and the round eye of the clock* [Faulkner,

1996, р. 139], Квентин слышит разговор мальчиков о водовороте и рыбной ловле, дети решают, куда пойти: купаться на мельницу или рыбачить у водоворота. Квентин зачарованно следует за мальчиком, идущим к водовороту, и идёт прочь от часовни, символизирующей христианское время.

Слово «водоворот» (Eddy), повторяется в небольшом отрывке семь раз. Такая частотность говорит о желании автора выделить этот элемент художественного ландшафта и придать ему статус символа. Водоворот здесь может олицетворять адскую воронку, служить аллегорией потока мыслей героя, которые постоянно вращаются вокруг одних и тех же событий, а также может символизировать вечное движение по кругу времени, изъятость из Вечности, которой добивается герой. Важно, что около водоворота не ловится рыба, символизирующая в христианском искусстве Христа. Как и в предыдущей части, Фолкнер снова говорит об отчужденности и богопокинутости мира, в котором живёт семейство Компсонов.

Необходимо отметить психологическую составляющую этой сцены. Фолкнер использует слово *Eddy* (водоворот), а не синонимичные *vortex* или *whirlpoole*. Слово *Eddy* вызывает у героя ассоциацию с именем сестры (*Caddy*), чей образ травмирует и зачаровывает Квентина.

Воображаемая инцестуальная связь Квентина с Кедди подчёркивает ту же идею герметичного существования человека в телесном пространстве. Во многих мифологических традициях инцест является исходной точкой творения мира, но в данном случае инцест связан с идеей человеческого Бытия, автономного от Вечности, Природы и ее естественных законов. Так можно интерпретировать образ, который представляет себе Квентин: *Если бы просто за всем этим ад – чистое пламя и мы оба мертвее мертвых. Чтобы там один я с тобой я один и мы оба среди позорища и ужаса но чистым пламенем отделены* [Фолкнер, 1985, с. 416] *If it could just be a hell beyond that: the clean flame the two of us more than dead* [Faulkner, 1996, р. 145].

Джейсон Компсон, как и его братья, отчужден от целостного потока времени. Он предпочитает использовать настоящее время, когда говорит о прошлом и прошедшее, когда речь идет о событиях в настоящем времени повествования романа. Если поток внутренней речи его братьев наполнен звуками, запахами и цветами, то его поток мыслей почти не фиксирует ярких цветов и запахов. Но даже здесь в поле зрения героя попадает часовня. Он видит в лучах заходящего солнца голубей, летающих вокруг шпиля, и с раздражением думает о налогах, которые идут на чистку башенных часов, и с удовольствием вспоминает о санитарном отстреле голубей перед рождеством.

Для Джейсона голубь – это не посредник между миром и Богом, а только лишь птица, доставляющая беспокойство, а часы – лишь механизм, отсчитывающий время. Прагматическое мышление отчуждает героя от сакрального измерения, поэтому не случайно, что Джейсон видит церковь на закате в Страстную пятницу, то есть во время, когда Христос умер на кресте. В последней части романа Джейсон, преследуя

3.5. Метафизика времени в романе Уильяма Фолкнера «Шум и ярость»

сбежавшую племянницу, проезжает мимо церквей с колокольнями и с ненавистью думает о том, как *стащит с трона самого Всевышнего, если потребуется; как прорвется сквозь построенные к бою легионы преисподней и небес и схватит наконец беглянку* [Фолкнер, 1985, с. 561] *dragging Omnipotence down from his throne, if necessary; of the embattled legions of both hell and heaven through which he tore his way and put his hands at last on his fleeing niece* [Faulkner, 1996, p. 382–383].

В четвертой части, действие которой разворачивается на пасхальное Воскресение, Фолкнер создает своего эталонного героя – чернокожую служанку Дилси. В отличие от братьев Компсонов она живёт в линейном христианском времени. После проповеди она говорит: *Я видела первые и вижу последние. <...> Видела начало и вижу конец* [Фолкнер, 1985, с. 554] *I've seed de first en de last <...> I seed de beginning, en now I sees de endin* [Faulkner, 1996, p. 371].

Символично, что в церкви, куда она приходит с Бенджи, проповедник говорит именно о конце времён и переходе в Бесконечность: *Братья, о братья! Я вижу час последнего суда, слышу золотые трубы, трубящие славу с небес, и вижу, как встают из мертвых сберегшие память об агнце и пролитой крови его!* [Фолкнер, 1985, с. 554] *Breddren, O breddren! I sees de doom crack en de golden horns shoutin down de glory, en de arisen dead whut got de blood en de ricklickshun of de Lamb!* [Faulkner, 1996, p. 370].

Не случайно, что в кухне, где она готовит, висят отстающие часы, но Дилси точно знает верное время.

На стене над буфетом тикали кабинетные часы, различимые лишь вечером при лампочке, но и вечером многозначительно загадочные из-за недостающей стрелки; заскрежетав, как бы прокашлявшись, они пробили пять раз.

- **Восемь часов**, – проговорила Дилси [Фолкнер, 1985, с. 536].

On the wall above a cupboard, invisible save at night, by lamp light and even then evincing an enigmatic profundity because it had but one hand, a cabinet clock ticked, then with a preliminary sound as if it had cleared its throat, struck five times.

"Eight oclock," Dilsey said [Faulkner, 1996, p. 341–342].

Дилси совпадает с христианской моделью мира не только хронологически, но и аксиологически, она репрезентирует в романе христианские добродетели и ценности: любовь, доброту и милосердие. Дилси заботится о слабоумном Бенджи, защищает от Джейсона Квентину, дает негритьнку Ластеру монетку, чтобы он смог сходить в цирк.

Кроме этого Дилси не только противостоит тирании Джейсона-младшего, но ведёт безмолвную заочную полемику с Джейсоном-старшим, который воспринимает время как безжалостный механизм энтропии, уничтожающий всё, чем живёт человек. Квентин вспоминает его слова, которые он произнёс вручая ему часы: *Дарю тебе, Квентин, сию гробницу всех надежд и устремлений; <...> общечеловеческий опыт reductio*

absurdum, способный удовлетворять твои собственные нужды столь же мало, как нужды твоих деда и прадеда. <...> Христос не распят был, а стерт на нет крохотным пощелкиванием часовых колесиков [Фолкнер, 1985, с. 385]. *I give you the mausoleum of all hope and desire; <...> the reducto absurdum of all human experience which can fit your individual needs no better than it fitted his or his father's <...> Christ was not crucified: he was worn away by a minute clicking of little wheels* [Faulkner, 1996, p. 93–94].

Человеку, считает Джейсон-старший, не дано победить время, надеяться на победу *могут лишь философы и дураки* [Фолкнер, 1985, с. 385] *victory is an illusion of philosophers and fools* [Faulkner, 1996, p. 93]. Понимая обреченность семьи Компсонов, Дилси остаётся с ними до конца, зная, как христианка, что человечество не только погибнет, но и воскреснет, а дела человеческие не растворяются во времени.

Фолкнер маркирует свое отношение к концепциям героев: Джейсон-старший умирает от алкоголизма, раздавленный собственной философией, а благородную Дилси писатель наделяет долголетием и одевает в последней части в пурпурное платье *цвета царственного и закатного* [Фолкнер, 1985, с. 530] *in color regal and moribund* [Faulkner, 1996, p. 330].

Как можно видеть, мир братьев Компсонов не может преодолеть кошмар боооставленности, он лишен возможности выйти из дурной цикличности. Герои отчуждены от Вечности, с которой связана главная героиня романа – Кедди Компсон. Она является метафорой вечнообновляющейся, непостижимой жизни. Не случайно, что она соотносится со всеми первоэлементами Природы: водой (героиня играет с братьями в ручье, отмывается в реке, после того как Квентин испачкал ее свиной жижей), землёй (Фолкнер упоминает ее нижнее белье, испачканное землей), воздухом (запахи, с которыми она ассоциируется, переносятся по воздуху) и огнём (у нее волосы цвета огня, Бенджи вспоминает о Кедди, когда смотрит в огонь). Дерево, с которого Кедди наблюдает за похоронами бабушки, и с запахом которого она ассоциируется у Бенджи, в этом контексте можно интерпретировать как Мировое Дерево, объединяющее все сферы мироздания.

В Приложении к роману, которое Фолкнер написал для сборника избранных текстов *Portable Faulkner* в 1946 году, постаревший Джейсон Компсон читает газету и видит фотографию Кедди, которая осталась такой же молодой, какой уходила из дома. Джейсон не узнаёт ее: *That Candace? he said. Don't't make me laugh. This bitch aint thirty yet. The others one's fifty now* [Faulkner, 1996, p. 417]. Фолкнер подчеркивает красоту и вневременность Кедди: он говорит, что ее лицо на фотографии было *ageless and beautiful* [Faulkner, 1996, p. 417].

Благодаря использованию мифологического подтекста, роман становится не просто хроникой распада и деградации семьи, а историей разрыва человечества с Вечным. Братья Компсоны являются обобщенным архетипом человечества: Бенджи – вечный ребенок, Квентин – рефлексирующий подросток, Джейсон – прак-

3.5. Метафизика времени в романе Уильяма Фолкнера «Шум и ярость»

тичный взрослый. Уход Кедди из мира Компсонов обозначает символический отрыв человечества от трансцендентных корней.

Мир романа Фолкнера «Шум и ярость» в контексте христианской концепции времени можно интерпретировать как купированный апокалипсис: человечество в лице семьи Компсонов обречено на постоянное повторение кошмара без возможности перерождения. Именно поэтому в романе повторяются семейные имена, символизирующие цикличность их существования: Мори (дядя) – Мори (Бенджи), Квентин – Квентина, Джейсон (отец) – Джейсон (сын). Но при этом книга оставляет читателю в четвертой резюмирующей части в лице Дилси Компсон эталон отношения человека к ближнему и к Вечному.

Заключение

Представленный в монографии анализ проблем в области филологического образования и науки подтверждает уникальность академической школы, сложившейся на Дальнем Востоке России, во многом, благодаря усилиям профессора Людмилы Петровны Бондаренко. Поднимаемые вопросы отражают современный этап развития языкознания, литературоведения, переводоведения и теории обучения иностранным языкам в вузе.

Спектр лингвистических направлений школы зарубежной филологии чрезвычайно разнообразен. Наиболее широко представлены исследования, выполненные в русле лингвоконтактологической парадигмы, что обусловлено особенностями социолингвистической ситуации в Дальневосточном регионе и практическими потребностями межкультурного взаимодействия в АТР. Приоритет устной формы общения подчёркивает особую актуальность исследований, в фокусе внимания которых находятся фонетические аспекты межкультурной коммуникации на английском языке-посреднике. Не менее значимым направлением можно признать изучение явлений, возникающих при языковом контакте на лексическом уровне. В работе показано, что теоретическое осмысление проблем перевода и дискурсивного анализа не теряет своей актуальности в современном языкознании. Необходимость поиска способов снятия трудностей, возникающих при контакте лингвокультур Востока и Запада в глобальном мире, придаёт новый импульс развитию такого направления, как лингвистическая прагматика. В ходе анализа проблем иноязычного образования в высшей школе выявляется потребность осознания и учёта роли метакоммуникации в языковом классе. Закономерно обращение авторов к проблеме совершенствования учебных программ с учётом развития информационных технологий, которые открывают новые возможности изучения, описания и нормализации языка. Большую практическую ценность для понимания специфики организации учебного процесса в современном вузе имеет представленное в монографии описание опыта языковой подготовки при реализации, совместно с зарубежными вузами, дудипломных программ. Художественный анализ ряда произведений зарубежных авторов, проведённый в литературоведческой главе монографии, и выявление традиций художественного перевода подчёркивают значимость отбора литературных источников и обязательность включения объёмного литературоведческого блока при обеспечении классического филологического образования.

Направленность представленных в коллективной монографии исследований позволяет заключить, что Дальневосточная академическая школа, с одной стороны, продолжает отечественные традиции фундаментальной филологической науки и образования, с другой – отвечает на практические вызовы современного глобально-

го общества. Научно-образовательный потенциал дальневосточников чрезвычайно велик. Результаты исследований находят широкое признание не только в России, но и за рубежом. Нарботки учёных востребованы в практике подготовки филологов и лингвистов, а также специалистов широкого профиля, призванных выступать профессионально в роли посредников или непосредственных участников межкультурной коммуникации. Результаты имеют практическую значимость для развития реального сектора экономики не только Дальнего Востока, но и других регионов нашей страны. Перспективы Дальневосточной академической школы видятся в гармонизации и дальнейшем развитии многообразных филологических направлений, нашедших отражение в данной монографии.

Литература

1 глава

1. Агапова С. Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации. Ростов н/Д: Феникс, 2004. 282 с.
2. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М.: Прогресс, 2005. 608 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
4. Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968. 546 с.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 576 с.
7. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов с английскими эквивалентами. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА : АСТ-ПРЕСС МАРТ, 2006. 496 с.
8. Белоножко Ю.В. Слог и ритм английской речи носителей японского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007. 18 с.
9. Бельчиков Ю.А. Контаминация // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 238.
10. Бен Енг Сук. Просодическая организация фонетического слова и синтагмы в русском и корейском языке: Дис. ...канд. филол. наук. М., 2000. 187 с.
11. Богаченко Н.Г. История восточноазиатских заимствований в английском языке: На материале Большого Оксфордского словаря : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2003. 22 с.
12. Богдан Е.Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики: автореф. дис....канд.филол.наук. М., 2007 а. 25с.
13. Богдан Е.Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестник Моск. ун-та. Серия 10, Журналистика, 2007 б. №4. С. 122–127.
14. Богданова О.Ю. Сопоставление функциональных особенностей заглавий художественных произведений и современной публицистики (на англоязычном материале) // Ярославский педагогический вестник, №3. Том I, 2012. С. 140–143.
15. Бондаренко Л.П. Английский язык в странах Юго-Восточной Азии: Произносительные варианты. Корейский английский // Культурно-языковые контакты: сб. науч. трудов. Владивосток: Изд-во Дальневост.ун-та, 1999. Вып. 2. С. 3–12.
16. Бондаренко Л.П. О региональных вариантах английского языка в Восточной Азии (произносительные особенности) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006а. № 2 (10). С. 138–147.

17. Бондаренко Л.П. Восприятие слога-ритмической структуры английских слов носителями восточных языков // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006б. 4(2). С. 77–85.
18. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р. и др. Фонетика спонтанной речи. Л.: ЛГУ, 1988. 248 с.
19. Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи. СПб., 1994. 230 с.
20. Венцов А.В., Касевич В.Б. Проблемы восприятия речи/2-е изд. М.: УРСС, 2003. 237 с.
21. Вишневская Г.М. Интерференция и акцент (на материале интонационных ошибок при изучении неродного языка): дисс... док.филол.наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 1993. 481с.
22. Волков А.Г. Язык как система знаков. М.: Издательство Московского университета, 1966. 88 с.
23. Говорун С. В. Развитие навыков и умений аудирования у студентов-востоковедов, изучающих английский язык: дис. ...канд. пед. наук (13.00.02). Санкт-Петербург, 2016. 270 с.
24. Голодов А.Г. Антропонимическая контаминация как политический маркер времени (на материале немецкого языка) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 69–73.
25. Городецкий Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: сб. ст. Новосибирск, 1985. С. 64–78.
26. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / пер. с нем.; под ред. Г.В. Рамишвили // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984а. С. 37–300.
27. Едличко А.И. Семантика политических интерлексов в статике и динамике (на материале русского, немецкого и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 22 с.
28. Едличко А.И. Имя собственное в протестном политическом дискурсе // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 14. М.: ЯСК, 2017. С. 107–115.
29. Ефанова Л.Г. Контаминация (материалы к словарю лингвистических терминов). Часть 1. Широкое и узкое понимание термина «контаминация» // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2015. № 2 (34). С. 14–22.
30. Ефанова Л.Г. Контаминация. Часть 2. Основные разновидности контаминации // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. 2016. № 1 (9). С. 5–14.
31. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 157 с.
32. Жукова И. Н., Лебедько М. Г., Прошина З. Г., Юзефович Н. Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М.: ФЛИНТА : Наука, 2013. 632 с.

33. Завьялова В.Л. Особенности слого-ритмической организации английской речи носителями китайского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2001. 24 с.
34. Завьялова В.Л. Английский язык в Китае: Особенности просодического строя. Владивосток : Мор. гос. ун-т, 2010. 178 с.
35. Завьялова В.Л. Когнитивные фонологические исследования в языкознании // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2014. № 4. С.131–143.
36. Завьялова В.Л. Звуковой строй английского языка Восточной Азии: концепция регионального фонетического варьирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2018. 42 с.
37. Зайченко М.А. К проблеме гносеологической сущности звучащей речи // Вестник ОГУ №7 (113), 2010. С.123–126.
38. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999. 348 с.
39. Золхоев И.В. Фонология и морфонология агглютинативных языков. Новосибирск, 1980. 142 с.
40. Зубкова Л.Г. Отражение лексичности/грамматичности языка в супraseгментной организации значащих единиц // IV Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: сб. докладов. М.: МГУ, ИСАА, 1997. Ч.1. С.77–87.
41. Зубкова Л.Г. От типологической детерминанты языка и потребностей системы к специфике звукового строя // III Международный симпозиум МАПРЯЛ «Фонетика в системе языка». Тезисы докладов. М.: Изд-во РУДН. 2002. С. 38–40.
42. Зубкова Л.Г. Принцип знака в системе языка. М.: Языки славянской культуры, 2010. 752 с.
43. Иванкова Т.А. Лексические и грамматические особенности китайской региональной разновидности английского языка: на материале письменных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007. 25 с.
44. Иванкова Т.А. Английский язык в Китае: Региональные особенности. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 193 с.
45. Иванов Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). Минск: Пропилеи, 2002. 176 с.
46. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
47. Каверина В. В. Обучение русскому произношению лиц, говорящих на китайском языке (на основе сопоставительного анализа китайской и русской фонетических систем) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой / Ред. Л.П. Клобукова, В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1998. Вып. 6. С.78–92.

48. Карасик В.И. Криминализация сознания как предмет лингвистического описания // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина СПб: ООО Книжный дом, 2015. С. 70–74.
49. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука, 1983. 295 с.
50. Касевич В.Б. О просодике слова в корейском языке // Вестник Центра корейского языка и культуры / Под ред. А.Г.Васильева. С–Пб. 2003. Вып.5–6. С. 17–29.
51. Касевич В.Б., Шабельникова Е.М., Рыбин В.В. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л.: Изд. Ленинградского ун-та, 1990. 248 с.
52. Кирилова И.А. Особенности фонетической организации английской речи носителей тайского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 22 с.
53. Клушина И.И. Стилистика публицистического текста. М.: МдиаМир, 2008. 242 с.
54. Кодзасов С.В. Интонация вопросительных предложений: форма и функции // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Сборник научных трудов. / под ред. А.С. Наумнянц. Новосибирск, 1985. С. 40–63.
55. Кодзасов С.В. Типология просодии слова и данные дагестанских языков // Языкознание: Теория и эксперимент. Сб. статей. М.: МГУ, 2002. С. 336–351.
56. Колычева В.Б. Универсальное и культурно-специфическое в функциональном стиле английского научного текста : автореферат дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 23 с.
57. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
58. Коржнева О.В. Медиаобразы в массовой политической коммуникации // Вестник СБпГУ. Сер. 9, Журналистика. СПб.: С. Петерб. ун-та., 2013. С. 217–220.
59. Корнилова Л.Е. Восточноазиатские ксенонимы в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 25 с.
60. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск : Издание ОГУП «Иркутская областная типография №1», 2001. 261 с.
61. Крыкова И.В. Англоязычные эргонимы и словесные товарные знаки Японии как опосредованное отражение национальной культуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 24 с.
62. Кубрякова Е.С. Панкрац Ю.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
63. Кульбиков В.П. Звуковая интеграция как процесс эволюционного развития функциональной системы психической деятельности человека: монограф. Хабаровск: ОПП Крайкомстата, 1999. 109 с.

64. Лаврова Н.А. Контаминация в современном английском языке: a fait accompli. М.: Прометей, 2012. 222 с.
65. Лаврова Н.А. Контаминация в современном английском языке: о некоторых результатах и перспективах исследования // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. 2014. № 706. С. 120–129.
66. Лейчик В.М. Об одном малоизученном способе словообразования («Телескопные слова» современного французского языка) // Филологические науки. 1966. № 3. С. 14–21.
67. Леонтьев М.В. Большая Игра // Наш современник. 2008. № 5. С. 135–160.
68. Лепская Н.И. Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации). М.: Филол. фак. МГУ, 1997. 151 с.
69. Ловцевич Г.Н. Кросскультурный терминологический словарь как словарь нового типа : на материале английских и русских терминов лингводидактики : автореф. дис. ... д-ра филологических наук. М., 2010. 39 с.
70. Логинова И.М. Типологическая характеристика слова и построение лингво-дидактической модели обучения // Языкознание: Теория и эксперимент.: Сб. статей. М.: МГУ, 2002. С. 351–369.
71. Лосев А.Ф. Философия имени/// Самое само: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 29–204.
72. Лупачева Т.А. Функционирование китайских вкраплений в произведениях американской писательницы Эми Тэн : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005. 23 с.
73. Мазур Ю.Н. Корейский язык // Языки мира. М.: Изд-во «Индрик», 1997. С.361–398.
74. Максимова Ю.С. Лингвистическое выражение компромисса в культурах Запада и Востока через английский язык как язык-посредник: на материале художественных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2011. 23 с.
75. Малышев Г. И., Киселевич Я. Е., Митчелл П. Дж. Трудности в изучении фонетики китайского языка русскоговорящими студентами: основные ошибки и способы их устранения // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. № 173. С. 43–48.
76. Малышева С.С., Коноплева И.Н. Особые случаи структурной организации телескопических производных в английском лексическом субстандарте // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2015. № 5. С. 111–118.
77. Матвиенко Е.В. Языковая репрезентация образов восточноазиатской мифологии в англоязычных текстах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 18 с.
78. Моль А. Социодинамика культуры. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 418 с.
79. Нелюбин Л.Л. Хухуни Г.Т. История и теория зарубежного перевода. М.: СигналЪ, 1999. 144 с.

80. Николаева О.В. Теория взаимодействия концептуальных картин мира: языковая актуализация : на материале новозеландского варианта английского языка и языка маори : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 38 с.
81. Овчинникова И.Г. Еще раз о моделировании ментального лексикона билингва // Проблемы психолингвистики. 2009. №10. С.43–49.
82. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
Пак Су Бин. Фонетические особенности имен числительных в русской речи корейцев // Вестник СПбГУ. Спб., 1997. Сер.2. Вып.4, № 23. С. 105–108.
83. Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 227 с.
84. Пекарская И.В. Контаминация // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта : Наука, 2003. С. 269–272.
85. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. [Электронный ресурс]. URL.: <http://psylib.org.ua/books/petya01/txt04.htm> (Дата обращения: 13.02. 2014).
86. Пивоварова М.О. Слоγο-ритмическая организация английской речи носителей вьетнамского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005. 22 с.
87. Платон. Кратил // Собрание сочинений в четырех томах / Т.1. / Общ.ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: «Мысль», 1990. С. 613–681.
88. Полянская М.А. Просодия английской фразы в речи носителей китайского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2011. 22 с.
89. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2003. 59 с.
90. Потапова Р.К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. М.: Едиториал УРСС, 2003. 568 с.
91. Прошина З.Г. Английский язык и культура Восточной Азии: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 474 с.
92. Прошина З.Г. Перекрёсток: Англо-русский котактологический словарь восточноазиатской культуры / Под ред. Дун Чжэнминя и Л.П. Бондаренко. Прилож. собств. имен Т.Н. Мельниковой. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 580 с.
93. Прошина З.Г. Лингвоконтактология: статус, проблемы, перспективы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2005. № 1 (5). С. 124–128.
94. Прошина З.Г. Передача китайских, корейских и японских слов при переводе с английского языка на русский и с русского языка на английский: Теория и практика опосредованного перевода. М.: Восток – Запад, 2005 (2007). 160 с.
95. Прошина З.Г. Опосредованный перевод в перспективе экотранслатологии // Вестник Моск. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013, № 4. С. 9–17.

96. Прошина З.Г. Опосредованный перевод и принцип обратимости перевода // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 1 (41). С. 179–184.

97. Прошина З.Г. Подходы к пониманию переводческой нормы // «Историко-теоретические взгляды отечественных переводоведов. К 100 летию дискуссии о нормативности перевода». Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2018. № 1. С. 11–16.

98. Ревенко Е.С. Гендерно маркированные номинации лиц в лингвоэтническом аспекте: На материале произведений американских авторов китайского происхождения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2006. 23 с.

99. Розанова С.П. Динамика внутриязыковой лексической интерференции и ее нейтрализация // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. 2009. № 1. С. 67–74.

100. Розен Е.В. На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. М.: Менеджер, 2000. 192 с.

101. Румянцев М.К. О просодии слова в типологически разных языках // VII Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: сб. докладов. М.: МГУ, ИСАА, 2003. Ч. II. С. 98–108.

102. Слог и ритм английской речи в странах Восточной и Юго-Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Япония, Вьетнам, Таиланд): монография / Под ред. Л.П. Бондаренко. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 176 с.

103. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: СОЦЭКГИЗ, 1933. 272 с.

104. Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2005. № 1 (5). С. 124–128; 2009. № 1 (21); 2010. № 2 (26); 2011. № 4 (32); 2012. № 3 (35); 2013. № 1 (37); 2014. № 2 (42); 2015. № 1 (45); 2016. № 2 (50); 2016. № 4 (52); 2017. № 1 (53); 2018. № 1 (57); 2019. № 1 (61).

105. Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка / Н.А. Спешнев. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1980. 143 с.

106. Спивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания. Л.: Наука, 1986. 92 с.

107. Степанов Ю.С. В мире семиотики // Семиотика: антология. М.: Академический проект. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 5–42.

108. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка / под ред. Т.В. Строевой. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1953. 375 с.

109. Суван-оол Е.С. К проблеме изменения звуковых характеристик слов китайского языка в потоке речи // Молодой ученый. 2012. №6. С. 229–231. URL: <https://moluch.ru/archive/41/4985/> (дата обращения: 14.04.2019).

110. Суздальцева В.Н. Образ власти в современных российских СМИ // Язык СМИ и политика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. 952 с.

111. Сухих С.А., Зеленская В. В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного, процесса. Краснодар, 1998. 160 с.
112. Сычева О.Н. Кодовое смешение и переключение на английский язык в среде русского социума : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005. 21 с.
113. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации: учеб. пособие. М.: АСТ-Астрель-Хранитель, 2007. 286 с.
114. Тимина С.В. Методика обучения иностранных студентов аудированию на материале языка специальности (на этапе вводно-предметного курса): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М, 2003.
115. Тулеева Ч.С. Типологические черты фонетико-фонологических систем немецкого и кыргызского языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алматы, 2010. 55 с.
116. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. –252 с.
117. Уютова Е.В. Слоγο-ритмическая структура английской речи носителей корейского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 25 с.
118. Уютова Е.В. Слоγο-ритмическая структура английской речи носителей корейского языка: : Дис. ...канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 263 с.
119. Файзрахманова Ю.С. Кореизированные английские слова в корейском варианте английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 18 с.
120. Хомутская Н.И. Контаминация в немецком словообразовании // Вестник Коломенского гос. пед. ун-та. 2007. № 3. С. 51–55.
121. Хромов С.С. Семиотическая сущность интонации // Фонетика в системе языка: Сб. статей. М.: Изд-во РУДН, 2002. Вып. 3.Ч.2. С.148–153.
122. Хьюбел Д. Глаз, мозг, зрение. М.:Мир, 1990. 239 с.
123. Чой Сун Ми. Сопоставление слоговых структур ккорейского и русского языков. М.: МГУ, 1996. 9 с. Деп. в ИНИОН РАН12.12.96, 52138.
124. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
125. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
126. Шляхова С.С. Фоносемантические маргиналии в русской речи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. Пермь, 2006. 41с.
127. Шевчук Н.М. Просодия фразы в корейской региональной разновидности английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2011. 22 с.
128. Штыров Ю., Пулфермюллер Ф. Автоматизм и параллелизм ранних этапов обработки речевой информации мозгом: нейрофизиологические данные на основе негативности рассогласования [Automaticity and parallelism of early stages of linguistic information processing: neurophysiological data based on the mismatch

negativity] // Current issues in neuroscience [Современные проблемы нейронаук] (Ed. Ivan Y. Pavlov). СПб.: University of St. Petersburg, 2010. С. 169–189.

129. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л. 1970. 204 с.

130. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / Серия «Становление Европы». /Пер. с итал. и примечания А. Миролюбовой. СПб.: «Александрия», 2009. 423 с.

131. Ягунова Е.В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей): монография. Пермь, 2008. 395 с.

132. Athanassopoulou A., Vogel I. Emergence of word prosody in Korean // Proceedings of the International Conference of Experimental Linguistics ExLing 2016, 1–2 July 2016, Saint Petersburg. Pp. 10–15.

133. Barz I. Die Wortbildung // Duden. Bd. 4. Die Grammatik. 7. Aufl. Mannheim u.a.: Dudenverlag, 2005. S. 641–772.

134. Barz I. Die Kontamination in Wortbildung und Phraseologie // Korhonen J., Mieder W., Piirainen E., Piñel R. (Hg.) Europhras 2008. Beiträge zur internationalen Phraseologiekonferenz vom 13.–16.8.2008 in Helsinki. Helsinki: Universität Helsinki, 2010. S. 142–150.

135. Benbin L. English's Influence on the Cultural Identity of Chinese People in the Context of Globalization//Cross-Cultural Communication. No12, 2015, Pp. 26– 29.

136. Bialystok E., Craik F.I.M., Luk G. Bilingualism: Consequences for Mind and Brain // Trends Cogn Sci., 2012.16(4). 240–250. doi:10.1016/j.tics.2012.03.001

137. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Kröner, 2008. 818 S.

138. Corré A.D. A Glossary of Lingua Franca [Электронный ресурс]. URL: <https://minds.wisconsin.edu/bitstream/item/3920/edition3/lingua.3.html#ref> (Дата обращения: 24.05.2019).

139. Cowley S.J. Distributed language: biomechanics, functions and the origins of talk // Lyon, C., Nehaniv, C. and Cangelosi, A. eds., 2006. The emergence and evolution of linguistic communication. London: Springer, 2006. Pp. 105–129.

140. Donalies E. Die Wortbildung des Deutschen. 2., überarb. Aufl. Tübingen: Narr, 2005. 207 S.

141. Duden-online-Wörterbuch. URL: <http://www.duden.de/> (abgerufen am: 02.05.2019).

142. Elsen H. Kontaminationen im Randbereich der deutschen Grammatik // Deutsche Sprache. 2008. Nr. 36. S. 114–126.

143. Ethnologue: Languages of the World. 2019. China. URL: <https://www.ethnologue.com/country/CN> ; Russian Federation. URL: <https://www.ethnologue.com/country/RU> (12.07.2019)

144. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4. völlig neu bearb. Auflage. Berlin/Boston: de Gruyter, 2012. 484 S.
145. Friedrich C. Kontamination – Zur Form und Funktion eines Wortbildungstyp im Deutschen. Diss. Erlangen-Nürnberg: Friedrich-Alexander-Universität, 2008. 549 S.
146. Glück H. (Hrsg.) Metzler Lexikon Sprache. CD-ROM. Berlin, 2000.
147. Golodow A. Wortkreuzung als Mittel der Charakterisierung: Vergleich eines Stilmittels in der russischen und der deutschen Politpublizistik, Teil I: Russisch // Sprachspiegel. 2013. Vol. 69. S. 2–10.
148. Goethe J.W. Rede zum Andenken des edlen Dichters, Bruders und Freundes Wieland, 1813. Translated into English by D.Robinson // Ed. Robinson/ Western translation theory Manchester, US.: St Jerome, 1997. P. 222.
149. Gries S.Th. Shouldnt it be breakfunch? A quantitative analysis of blend structure in English // Linguistics. 2004. Vol. 42(3). P. 639–667.
150. Gumperz J., Aulakh G., Kaltman H. Thematic structure and progression in discourse// Gumperz, J. (Ed.). Language and Social Identity. Cambridge University Press, 1983. Pp. 22–56.
151. Han F. Pronunciation Problems of Chinese Learners of English // ORTESOL. 2013. Vol.30. P. 26–30.file:///C:/Users/днс/Downloads/ORTESOL_scannedcopy.pdf (дата обращения: 13.04.2019).
152. Hansen K. Wortverschmelzungen // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. 1963. Vol. 11. S. 117–142.
153. Henzen W. Deutsche Wortbildung, 2. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1957. 306 S.
154. Hu R., Adamson B. Social Ideologies and the English Curriculum in China: A Historical Overview [Электронный ресурс]. URL: <https://www.springer.com/la/book/9789400749931> (Дата обращения 15.02.2019).
155. Huang H. L., Radant J. Chinese Phonotactic Patterns and the Pronunciation Difficulties of Mandarin-Speaking EFL Learners // Asian EFL Journal. 2009. Vol. 11. Issue 4. P. 114–133. <http://asian-efl-journal.com/December-2009.pdf> (дата обращения:14.04.2019).
156. Ingram J.C., Park S-G. Cross-language vowel perception and production by Japanese and Korean learners of English // Journal of Phonetics. Vol.25. №3, July 1997. Pp. 343–370.
157. Johann Wolfgang von Goethe: Zu brüderlichem Andenken Wielands. Eine in der Trauerloge gehaltene Rede1 // Text nach Wernecke, Hugo: Goethe und die Königliche Kunst. Leipzig: Poeschel, 1905. https://www.rolandbremen.de/wp-content/uploads/2017/11/Goethe_Wieland.pdf.
158. Kachru B.B. Meaning in deviation: toward understanding non-native English texts // The Other Tongue: English Across Cultures. / Ed. by B.Kachru. 2nd edn. Urbana & Chicago: University of Illinois Press, 1992. P. 301–326.

159. Kachru B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism. *The English language in the outer circle // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures / Ed. by R. Quirk and H.G. Widdowson. Cambridge : Cambridge University Press, 1985. P. 11–30.*

160. Kim S. Do Korean EFL students recognize argument structure constructions in English? // *The Korean Association of Teachers of English 2016 International Conference: Current Perspectives on Teaching English: A Multidisciplinary Approach, 7–8 July, 2016, Seoul, Korea. P. 55.*

161. Landler M. Trump Says He Discussed the ‘Russian Hoax’ in a Phone Call With Putin [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/03/us/politics/trump-putin-phone-call.html> (Дата обращения: 12.05.2019).

162. Lederer R. *Crazy English*. New York: Pocket Books, 1990. Pp. 100–105.

163. Maltz D., Borker R.A. A Cultural approach to male-female miscommunication // Gumperz, J. (Ed.). *Language and social identity*. 1982, Cambridge University Press, Pp. 196–216.

164. Maurer F. *Volkssprache. Abhandlungen über Mundarten und Volkskunde. Zugleich eine Einführung in die neueren Forschungsweisen*. Erlangen: Palm & Enke. 1933. X,135 S.

165. Mishra A. *Discovering connections* // Gumperz J. (Ed.). *Language and Social Identity*. Cambridge University Press, 1983. Pp. 57–71.

166. Mizutani O., Mizutani N. *How to be polite in Japanese*. Tokyo, 1987. 164 p.

167. Müller H.-G. *Adleraug und Luchsenohr: deutsche Zwillingformeln und ihr Gebrauch*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. 579 S.

168. *Ökumenisches Heiligenlexikon*. URL: https://www.heiligenlexikon.de/BiographienT/Mutter_Teresa.htm (abgerufen am: 02.05.2017).

169. Park S. Errors of English stress by Korean speakers. *English Language and Literature Teaching*. Vol. 10. №3. Pp. 177–190.

170. Paul H. *Principien der Sprachgeschichte*. 2. Aufl. Halle: Max Niemeyer, 1886. 368 S.

171. Paul H. *Über Kontamination auf syntaktischem Gebiete (Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und der historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München. 2. Abhandlung)*. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1919. 71 S.

172. Perani D., Abutalebi J. The neural basis of first and second language processing // *Current Opinion in Neurobiology*, 15(2), 2005. Pp. 202–206.

173. Prodromou L. *Idiomaticity and the Non-Native Speaker*. // *English Today* 74. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. V. 19, No. 2. Pp. 42–48.

174. Proshina Z. *Intermediary translation from English as a lingua franca // World Englishes: Journal of English as an International and Intranational Language*.-Oxford, Boston: Blackwell. 2005. Vol. 24, No. 4. P. 517–522.

175. Proshina Z. Intervarietal translation and the theory of intelligibility // World Englishes. 2018. Vol. 37, № 3. Special Issue: Celebrating the Life and Work of Larry E. Smith. P. 503–510
176. Ronneberger-Sibold E. Zur Definition und Typologie von Wortkreuzungen: ein Vorschlag auf der Grundlage ihrer relativen Transparenz // Fenk-Oczlon G., Winkler Ch. (Hg.): Sprache und Natürlichkeit: Gedenkband für Willi Mayerthaler. Tübingen: Narr, 2005. S. 205–224.
177. Russian English: History, Features, and Functions / Ed. by Z. Proshina and A. Eddy. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 329 p.
178. Saleshtsky L. Deutsche Wortkunde für pädagogische Hochschulen. Moskau: Staatsverlag für Lehrbücher und Pädagogik, 1935. 126 c. Steinhauer A. Sprachökonomie durch Kurzwörter: Bildung und Verwendung in der Fachkommunikation. Forum für Fachsprachen-Forschung, Band 56. Tübingen: Narr, 2000. x+371 S.
179. Scollon R., Scollon S.W. Intercultural Communication: A Discourse Approach. Perking: Blackwell Publishers Ltd., 1995. 276 p.
180. Smith L.E. Familiar issues from a World Englishes Perspective // Культурно-языковые контакты. / Под ред. З.Г. Прошиной. Вып. 10. Владивосток, 2008. С. 67–73.
181. Yokoyama O. Responding with a question in colloquial Russian // Mills, M.H. (Ed.). Topics in colloquial Russian. New York, 1990. Pp. 1–16.
182. Young L.W.L. Inscrutability revisited // Gumperz J. (Ed.). Language and social identity. 1982, Cambridge University Press. Pp. 72–84.

Глава 2

183. Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 7–19.
184. Вежицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. Вып.8. С. 402–424.
185. Гвишиани Н.Б. Метаязык // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 297–298.
186. Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии: как работать над терминологическим словарем. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 73 с.
187. Гринев-Гриневиц С. В. Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь: учебное пособие. М.: Либроком, 2009. 224 с.
188. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.
189. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2008. 432 с.

190. Дубровченко Е.М. Специфика метакоммуникации как особого типа общения // *Lingua mobilis*, 2011. № 2(28). С. 79–82.
191. Ильина С.С., Быкова Е.С. Tests to Accompany “Reading Advantage. Book 1” by Casey Malarcher. Владивосток: «Типография РПК МГУ им. Адм. Г.Н. Невельского», 2009.
192. Ильина С.С., Быкова Е.С. Tests to Accompany “Reading Advantage. Book 2” by Casey Malarcher. Владивосток: «Литера В», 2015.
193. Ильина С.С., Быкова Е.С., Бекишева Ю.В. Tests to Accompany “Reading Advantage. Book 3” by Casey Malarcher. Владивосток: «Литера В», 2018.
194. Ильина С.С., Науменко Л.К., Винокурова Т.В. Grammar Pages. Part 1. Владивосток: «Литера В», 2018. 108 с.
195. Ильина С.С., Науменко Л.К., Винокурова Т.В. Grammar Pages. Part 2. Владивосток: «Литера В», 2018. 96 с.
196. Кудашев И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Хельсинки: HelsinkiUniversityPrint, 2007. 443 с.
197. Кубрякова Е.С. О когнитивных процессах, происходящих в языке // Исследование познавательных процессов в языке. Серия «Когнитивные исследования языка», 2009. Вып. 5. С. 22–29.
198. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.
199. Ловцевич Г. Н. Кросскультурный терминологический словарь как способ репрезентации терминологии гуманитарных наук: монография. Владивосток: Издательство Дальневосточного Университета, 2009. 264 с.
200. Ловцевич Г. Н. Англо-русский словарь аббревиатур терминов лингводидактики / под ред. М. В. Вербицкой. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. 183 с.
201. Ловцевич Г.Н., Данилова С.А. Анализ кодовых переключений и смешений кода в учебном дискурсе преподавателя // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2017. Т. XIV. № 1. С. 80–85.
202. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
203. Московская Н.Л., Пирвердиева Ю.А. Металингвистическая компетенция лингвиста-преподавателя: генезис и содержание // Вестник Ставропольского университета, 2011. Вып. 73. С. 96–101.
204. Общаемся по-английски. Русско-английский разговорник / [М. Г. Лебедько, Э. Г. Меграбова, Т. Ф. Павлова и др.; под ред. З. Г. Прошиной]. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1994. 159 с.
205. Овчинникова И.Г. Что такое метаязыковая способность // Филолог, 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mnum_7 (дата обращения: 12.04.2019).

206. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Релф-бук, Киев: Ваклер, 2001. 651 с.
207. Прошина З.Г. Перекресток: Англо-русский контактологический словарь восточноазиатской культуры / под ред. Дун Чжэнминя и Л. П. Бондаренко; прилож. собств. имен Т. Н. Мельниковой. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 580 с.
208. Русско-английский, англо-русский словарь-справочник спортивной терминологии: уч. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 484 с.
209. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович; под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2013. 632 с.
210. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. Изд. 6-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 248 с.
211. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: 2-е изд., доп. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.
212. Broomberg M., Liebb J., Traiger A. 504 Absolutely Essential Words. 6th Edition. USA: Barron's Educational Series, 2012. 203 p.
213. Chong Chia Suan. How much metalanguage do you use? // English Teaching Professional. February, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.etpprofessional.com/how-much-metalangugae-do-you-use> (дата обращения: 19.09.2018)".
214. Euch S. E. and Huot A. Strategies to develop metalinguistic awareness in adult learners // Conference paper at WEFLA 2015 International Conference on Foreign Language, Communication and Culture, Holguin (Cuba), WEFLA Proceedings. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/277329116_Strategies_to_develop_metalinguistic_awareness_in_adult_learners (дата обращения: 08.10.2018).
215. Finley T. 8 Strategies for Teaching Academic Language. 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.edutopia.org/profile/todd-finley> (дата обращения: 23.12.2018).
216. Flavell J.H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-development inquiry // American Psychologist, 1979. V. 34 (10). Pp. 906–911.
217. Hu Guangwei. Revisiting the role of metalanguage in L2 teaching and learning // English Australian Journal, 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/234119431> (дата обращения: 26.04.2019).
218. Ilina S., Bykova E., Naumenko L., Kutuzova T. 42 Tests to Check Your 504 Absolutely Essential Words. Владивосток: «Литера V», 2015. 122 p.
219. Lebedko M. American Quilt: A Reference Book on American Culture (Американское «поскутное одеяло»: справочник по американской культуре) / М. Lebedko, I. Zhukova. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. 760 с.
220. Loughed L. Essential Words for the IELTS, 3d Edition. USA: Barron's Educational Series, 2016. 384 p

221. Matthiesen S.J. Essential Words for the TOEFL, 6th Edition. USA: Barron's Educational Series, 2017. 352 p.
222. Malarcher C. Reading Advantage 1. Student Book, 3d Edition. Singapore: Cengage Learning Asia Pte Ltd, 2011. 96 p.
223. Malarcher C. Reading Advantage 2. Student Book, 3d Edition. Singapore: Cengage Learning Asia Pte Ltd, 2011. 96 p.
224. Malarcher C. Reading Advantage 3. Student Book, 3d Edition. Singapore: Cengage Learning Asia Pte Ltd, 2011. 96 p.
225. Malarcher C. Reading Advantage 4. Student Book, 3d Edition. Singapore: Cengage Learning Asia Pte Ltd, 2011. 96 p.
226. Tanka J., Baker L.R. Interactions II. Listening/Speaking. USA: McGraw-Hill education, 2014. 310 p.

Глава 3

227. Алексеев М.П. Первое знакомство с Шекспиром в России // Шекспир и русская культура. Л.: Наука, 1965. С. 9–69.
228. Аникст А.А. Творчество Шекспира. М.: Изд-во худож. литературы, 1963. 615 с.
229. Артамонов А. Юбилейный выпуск журнала «Сеанс». Рустам Хамдамов: Потерянный ключ» [Электронный ресурс] <https://seance.ru/blog/poteryannyj-klyuch/> (дата обращения: 09.05.2019).
230. Арутюнян С.М. Экранизация литературных произведений как специфический тип взаимодействия искусств : дис. канд. филос. наук. М., 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/estetika/jekranizacija-literaturnyh-proizvedenij-kak-specificheskij-tip-vzaimodejstvija.html> (дата обращения: 03.05.2019).
231. Афасижев М.Н. Западные концепции художественного творчества. М., 1988. 274 с.
232. Базен А. «Что такое кино?» // Сборник статей. М.: Искусство, 1972. 384 с.
233. Великовский С. И. «Вольный стрелок» между согласием и бунтом. (Эстетические работы Камю. «Шведские речи») // Великовский С.И. Умозрение и словесность. Очерки французской культуры. М.-СПб., 1998. С. 147–167.
234. Вольтер. Эстетика. Статьи. Письма. М. : Искусство, 1974. 392 с.
235. Долгов К.М. Эстетика Жана-Поля Сартра. М.: Знание, 1990. 64 с.
236. Ерофеев В.В. А. Камю // Французская литература 1945–1990. М., 1995. С. 53–69.
237. Заборов П.Р. От классицизма к романтизму // Шекспир и русская культура. Л.: Наука, 1965. С. 70–128.
238. Захаров Н.В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. 320 с.

239. Зенкин С. О писательском творчестве Ж.-П. Сартра // Сартр Ж.-П. Стена: Избранные произведения. М.: Политиздат, 1992. С. 3–14. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека: эпоха великих воспитателей и воспитательных систем. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1997. 594 с.
240. Каган М.С. Культура как специфическое системное образование. // Введение в историю мировой культуры. Кн. 1. СПб., 2003. 368 с.
241. Камю А. Творчество и свобода / Пер. с франц. М.: Радуга, 1990. 608 с.
242. Киссель М.А. Философская эволюция Ж.-П. Сартра. Л., 1976. 240 с.
243. Левин Ю.Д. В.К. Кюхельбекер – переводчик Шекспира // Шекспировский сборник. М. Всероссийское театральное общество, 1967. С. 44–59.
244. Левин Ю.Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988. 327 с.
245. Лотман Ю.М. Природа киноповествования [Текст] // Ю.М. Лотман. Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. С. 661–671.
246. Макбет. Трагедия Шекспира. Из соч. Шиллера. Перев. с немец. (по перев. Шиллера) А. Ротчева. СПб., 1830. 116 с.
247. «Макбет» Шекспира в переводе В.К. Кюхельбекера // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1981. Л.: Наука, 1983. С. 30–58.
248. Максимов А. Стивен Кинг – Стэнли Кубрик: "Сияние" // Экранные искусства и литература. Современный этап. М., 1994. С. 195.
249. Маркова Т.Н. Кинематографические приемы как проявление формотворчества современной прозы // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск 2017. №01. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinematograficheskie-priemy-kak-proyavlenie-formotvorchestva-sovremennoy-prozy> (дата обращения: 10.04.2019).
250. Мартыанова И.А. Кинематографичность стиливого развития современной литературы [Текст] / И.А. Мартыанова // Современная русская литература конца XX-начала XXI века. М.: Академия. 2011. С. 304–337.
251. Марусенков В. В. Интерпретация сюжетно-образного ряда литературного произведения средствами киноискусства: дис. канд. искусствоведения. М., 2015. [Электронный ресурс]. <http://cheloveknauka.com/interpretatsiya-syuzhetno-obraznogo-ryada-literaturnogo-proizvedeniya-sredstvami-kinoiskusstva> (дата обращения 06. 05. 2019).
252. Первушина Е.А. Категория «гений» в эстетике английского просветительского классицизма // Другой XVIII век: сб. науч. работ. М.: МГУ, 2002. С. 68–75.
253. Первушина Е.А. Русские переводы комедии Шекспира «Love's Labour's Lost» // У. Шекспир. Пустые хлопоты любви. М. Наука, Литературные памятники, 2019. С. 604–638.
254. Первушина Е.А. Русские переводы трагедии Шекспира «Король Лир» // У. Шекспир. Король Лир: Кварто 1608 и Фолио 1623. М. Наука, Литературные памятники, 2013. С. 345–355.

255. Платон. Пир // Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1970. С. 95–156.
256. Полевой К.А. О жизни и соч. А.С. Грибоедова // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С.189–191.
257. «Ричард III» в переводе В.К. Кюхельбекера // Записки отдела рукописей Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина. М.: Книга, 1986. Вып. 45. 320 с.
258. Рябухин Б. «Душа, не воспылав, свой пламень угасила...». 2009. URL: <https://www.proza.ru/2009/07/24/275>.
259. Сартр Ж.-П. Слова // Сартр Ж.-П. Стена: Избранные произведения / Пер. с франц. М.: Политиздат, 1992. С. 365–479.
260. Сартр Ж.-П. Тошнота: Роман. Рассказы / пер. с франц. Ю. Яхниной. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2003. 412 с.
261. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева / Пер. с франц. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.
262. Современная западная философия: Словарь / Сост.: Малахов В.С., Филатов В.П. М.: Политиздат, 1991. 414 с.
263. Соловьев Э.Ю. Экзистенциализм // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас: М.: Политиздат, 1991. С. 286–345.
264. Ступницкая М. Портрет Франции в творчестве Патрика Модино. Lambert Academie Publishing. Beau Bassin. 2017. 83 с.
265. Сурова О.Ю. Человек в модернистской культуре // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000. М.: Высшая школа, 2001. С. 221–291.
266. Фаулз Дж. Аристос / пер. с англ. В. Нугатова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. 432 с.
267. Фаулз Дж. Волхв / пер. с англ. Б. Кузьминского. М.: Махаон, 2002. 704 с.
268. Фаулз Дж. Дэниел Мартин. Т.2 / пер. с англ. И.М. Бессмертной. М.: Махаон, 2001. 560 с.
269. Фаулз Дж. Кротовые норы / пер. с англ. И. Бессмертной, И. Тогоевой. М.: Махаон, 2002. 640 с.
270. Флобер Г. Агонии. / перевод с фр. Г. Модиной // Мемуары безумца. Автобиографическая проза 1835–1842 гг. М.: Текст, 2009. С. 37–61.
271. Флобер Г. Мемуары безумца / перевод с фр. Г. Модиной // Мемуары безумца. Автобиографическая проза 1835–1842 гг. М.: Текст, 2009. С. 62–140.
272. Фолкнер У. Шум и ярость // Фолкнер У. Собрание сочинений. Т.1. М.: Художественная литература, 1985. С. 331–572.
273. Худякова Л.А. Особенности искусства кино и эволюция их художественно-философских интерпретаций: дис. канд. философии. СПб., 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/osobennosti-iskusstva-kino-i-evolyutsiya-ih-hudozhestvenno-filosofskih-interpretatsiy#ixzz5nuLAGW1q> (дата обращения 06. 03. 2019).
274. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2010. 251 с.

275. Andrieu L. Caroline Anne Heuland, l'Anglaise probable des 'Mémoires d'un fou' // Les Amis de Flaubert. 1963. No. 23. Pp. 27–29.
276. Baker J.R. The Art of Fiction: John Fowles // Paris Review. N.Y. etc. 1989. Vol. 31, № 111 P. 41–6.3
277. Beckett Samuel. M. Proust and Tree Dialogues. London, 1965. 229 p.
278. Bruneau J. Les Débuts littéraires de Gustave Flaubert, 1962. Pp. 256.
279. Butler L.St.J. John Fowles and the Fiction of Freedom // The British and Irish Novel Since 1960. Macmillan, 1991. P. 62–77.
280. Du Camp M. Souvenir Littéraires: Paris: Aubier, 1994. Pp. 337–338.
281. Faulkner W. The Sound and the Fury. New York: Vintage books, 1996. 444 p.
282. Flaubert G. Correspondance. T. I. Paris: Gallimatd, Bibliothèque de la Pléiade, 1973. 1183 p.
283. Flaubert G. Correspondance. T. II. Paris: Gallimatd, Bibliothèque de la Pléiade, 1980. 1542 p.
284. Flaubert G. Correspondance. T. IV. Paris: Gallimatd, Bibliothèque de la Pléiade, 1998. 1484 p.
285. Flaubert G. Mémoires d'un fou / éd. P. Dauze. Paris: Floury, 1901. 163 p.
286. Flaubert G. Les Funérailles du docteur Mathurin // Œuvres complètes. Vol. I : Œuvres de jeunesse. Paris : Gallimard, 2001. Pp. 619–640.
287. Fowles J. The Journals. Vol.1: 1949–1965. New York: Alfred A. Knopf, Publisher 2005. 668 p.
288. Fowles J. Wormholes. London: Vintage, 1999. 484 p.
289. Ginsburg M. P. Flaubert writing. A Study in Narrative Strategies. Stanford, California: Stanford University Press, 1986. 207 p.
290. Modiano Patrick. Villa Triste. P.: Gallimard. 1975. 209 p.
291. Modiano Patrick. Rue des Boutiques Obscures. P.: Gallimard. 1978. 258 p.
292. Onega S. Form and Meaning in the Novels of John Fowles. UMI Research Press. Ann Arbor/London, 1989. 207 p.
293. Palmer W.J. The Fiction of John Fowles: Tradition, Art, and the Loneliness of Selfhood. Columbia Univ. of Missouri press, 1974. 113 p.
294. Scholes R. John Fowles as Romancer // Scholes R. Fabulation and Metafiction. University of Illinois Press, Urbana, Chicago, London. 1979. P. 37–45.
295. Spencer Ph. New Light on Flaubert's Youth // French Studies. 1954. No. 8. P. 97–108.
296. Stevenson R. Crossroads: The 60 to the 80s // Stevenson R. A Reader's Guide to the Twentieth-Century Novel in Britain. NY, London, Toronto, Sydney, Tokio, Singapore, 1993. P. 98–125.
297. Unwin T. Introduction // Memoires d'un fou. Memoirs of a madman. Liverpool: Online Series Critical Editions of French Texts, 2001. Pp. 3–24.

Приложение

Список основных трудов Л.П. Бондаренко

Монографии

1. Бондаренко Л.П. Слог и ритм английской речи в странах Восточной и Юго-Восточной Азии (Китай, Республика Корея, Япония, Вьетнам, Таиланд) : монография [Текст] / Л.П. Бондаренко, В.Л. Завьялова, Е.В. Уютова, М.О. Пивоварова, И.А. Кирилова, Ю.В. Белоножко / под ред. Л. П. Бондаренко. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 354 с.

Статьи

2. Бондаренко Л.П. Английский как “лингва-франка” и стандарты в обучении // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2010. № 1. С. 73–76.

3. Bondarenko L. Phonological Issues of World Englishes Intelligibility / L. Bondarenko, V. Zavyalova // Россия – Восток – Запад. Проблемы межкультурной коммуникации. Материалы научно-практической конференции. 2009. С. 27–28.

4. Bondarenko, L., Zavyalova, V. English as Asian Lingua Franca: a Russian Perspective // The 14th Conference of the International Association for World Englishes held in Hong Kong: World Englishes and World’s languages: Convergence, Enrichment, or Death? City University of Hong Kong; Department of Chinese, Translation & Linguistics, 2008. Pp. 76–77.

5. Бондаренко Л.П. Восприятие слога-ритмической структуры английских слов носителями восточных языков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4. № 2. С. 77–85.

6. Бондаренко Л.П. О региональных вариантах английского языка в Восточной Азии (произносительные особенности) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006. № 2 (10). С. 138–147.

7. Бондаренко Л.П. Английский язык в странах Юго-Восточной Азии // В сборнике: Культурно-языковые контакты. Сборник научных трудов. Владивосток, 1999. С. 3–12.

8. Бондаренко Л.П. О некоторых темповых различиях в разных видах речи // Функциональные характеристики единиц коммуникации в английском языке : Сб. науч. тр. / Под ред. А. И. Шевелевой. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1990. С. 9–11.

9. Бондаренко Л.П. Пауза колебания и порождение речевого высказывания // Экспериментально-фонетический анализ речи. Проблемы и методы / отв. ред. Л.В. Бондарко. Вып. 1. Л.: Ленингр.ун-т, 1984. С. 158–166.

10. Бондаренко Л.П. О роли пауз хезитации в мелодическом оформлении синтагмы // Интонация. Киев: Изд-во при Киевском гос. ун-те издательского объединения «Вища школа», 1978. С.103–112.

Словари

11. Русско-английский, англо-русский словарь-справочник спортивной терминологии Русско-английский, англо-русский словарь-справочник спортивной терминологии / Лупачева Т.А., Бондаренко Л.П., Власова Т.М.. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 484с.

Учебные пособия

12. Звуковой строй английского языка: вводно-фонетический курс / В.Л. Завьялова, С.М. Соболева, М.А. Колесниченко, Н.М. Запорожская, Л.П. Бондаренко / Учебное пособие / Под общей редакцией В.Л. Завьяловой. Владивосток, 2015. 112 с.

13. Основы фонетики английского языка / Бондаренко Л.П., Завьялова В.Л., Пивоварова М.О., Соболева С.М. Москва, 2009. 152 с.

14. The Intonation and Prosody of the English Phrase [Электронный ресурс] : учебное пособие для студентов старших курсов и аспирантов / сост. Л. П. Бондаренко. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2008. 66 с.

15. Per aspera ad astra. Английский язык для абитуриентов : учебное пособие / Бондаренко Л.П., Денисенко Т.И., Прошина З.Г. Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1996. 224 с.

16. Хрестоматия по теоретической фонетике английского языка. Ч. 1 / сост. : Л.П. Бондаренко, Л.Н. Юркова. Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1991. 182 с.

17. ABC-2. Вводно-фонетический курс американского варианта английского языка: учебное пособие / Бондаренко Л.П., Завьялова В.Л., Кульчицкая Л.В., Томас Р., Шин Г. Владивосток, 1994. 105 с.

Сборники научных трудов (отв. редактор)

18. КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ сборник научных трудов / Владивосток, 2000. Том Выпуск 3.

19. КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ Сборник научных трудов / Владивосток, 1999. Том Выпуск 2.

Базы данных

20. Корпус образцов английской речи ДВ России и стран АТР: Russian-Asian Corpus of English (RACE): база данных / Бондаренко Л.П., Завьялова В.Л., Горбенко С.А., Полянская М.А., Ищенко Н.Л./ Регистрационный номер объекта учета в ЕР РНТД 13240.2536014538.11.1.007/001 от 26.10.2011 // Официальный бюллетень Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам «Программы для ЭВМ, базы данных, топологии интегральных микросхем» RU ОБПБТ № 3(76), 2011 (20.09.2011). М.: ФГУ ФИПС. С. 630.

Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук и автореферат

21. Бондаренко Л.П. Членение спонтанной речи паузами колебания и его соотносённость с синтагматическим членением: дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1978. 217 с.

22. Бондаренко Л.П. Членение спонтанной речи паузами колебания и его соотносённость с синтагматическим членением (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка): автореф. дис.канд. филол. наук. Л., 1978. 23 с.

Кандидатские диссертации, защищённые под научным руководством Л.П. Бондаренко

23. Белоножко Ю.В. Слог и ритм английской речи носителей японского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007. 17 с.

24. Завьялова В.Л. Особенности слоگو-ритмической организации английской речи носителями китайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2001. 24 с.

25. Киритова И.А. Особенности фонетической организации английской речи носителей тайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 23 с.

26. Пивоварова М.О. Слоگو-ритмическая организация английской речи носителей вьетнамского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005. 22 с.

27. Полянская М.А. Просодия английской фразы в речи носителей китайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2011. 22 с.

28. Уютова Е. В. Слоگو-ритмическая структура английской речи носителей корейского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004. 25 с.

29. Шевчук Н.М. Просодия фразы в корейской региональной разновидности английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2011. 22 с.

*Л.П. Бондаренко. 2004 г.
(фото из архива Института иностранных языков ДВГУ)*

2003 г. (фото из архива Института иностранных языков ДВГУ)

Сведения об авторах

З.Г. Прошина, кафедра теории преподавания иностранных языков, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва. E-mail: proshinazoya@yandex.ru

В.Л. Завьялова, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: zavyalova.vl@dvfu.ru

Е.В. Уютова, кафедра иностранных языков, Академия гражданской защиты МЧС РФ, г. Москва. E-mail: uyutova_ev@mail.ru

Н.М. Запорожская, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: shevchuk.nm@dvfu.ru

М.А. Колесниченко, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: kolesnichenko.ma@dvfu.ru

М.О. Белова, кафедра иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург. E-mail: m.pivovarova@spbu.ru

А.И. Едличко, кафедра немецкого языка и культуры, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва. E-mail: ang299@yandex.ru

Л.В. Кульчицкая, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: kulchitskaya.lv@dvfu.ru

Э.Г. Меграбова, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: emik41@yandex.ru

С.М. Соболева, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: soboleva.sm@dvfu.ru

М.Н. Рассоха, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: rassokha.mn@dvfu.ru

Г.Н. Ловцевич, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: lovtsevich.gn@dvfu.ru

Д.А. Марков, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: markov.da@dvfu.ru

А.С. Трифонов, кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: trifonov.as@dvfu.ru

Т.В. Винокурова, академический департамент английского языка, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: vikokurova.tvl@dvfu.ru

С.С. Ильина, академический департамент английского языка, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: ilina.ss@dvfu.ru

Г.И. Модина, кафедра романо-германской филологии, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: modina.gi@dvfu.ru

Е.А. Первушина, кафедра русского языка как иностранного, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: pervushina.ea@dvfu.ru

М.И. Ступницкая, кафедра романо-германской филологии, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: stupnitskaya.mye@dvfu.ru

Д.Ю. Червякова, кафедра романо-германской филологии, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: chervyakova.dyu@dvfu.ru

М.И. Жук, кафедра романо-германской филологии, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток. E-mail: zhuk.mi@dvfu.ru

Оглавление

Предисловие	4
Введение	7
Глава 1. Актуальные вопросы лингвистики	9
1.1. Лингвоконтактологические исследования на Дальнем Востоке России: история и перспективы	9
1.2. К вопросу о звуковой стороне языкового знака	16
1.3. О спорных вопросах просодической типологии разносистемных языков (на примере корейского языка)	22
1.4. Маркеры синтагмораздела при смысловом членении в корейской региональной разновидности английского языка	29
1.5. Нарушения консонантных модификаций в связной акцентной речи (на материале восприятия английской речи китайцев русскоязычными билингвами)....	34
1.6. Лексическая контаминация в немецком языке: статус и типологические особенности	41
1.7. Размышления о сохранении в переводе метаязыковой функции текста с высокой степенью метафоричности	49
1.8. Медиаобраз президента России В.В. Путина в дискурсе журнала Newsweek	56
1.9. Англоязычная коммуникативная парадигма в контексте глобализации.....	67
Глава 2. Языковое образование в высшей школе	73
2.1. Метакоммуникация в языковом классе: что стоит на повестке дня?	73
2.2. Об организации курса практической лексикографии (бакалавриат, направление «Фундаментальная и прикладная лингвистика»).....	81
2.3. Из опыта преподавания английского языка студентам совместных двудипломных российско-американской / австралийской международных программ (РАФ)	90
Глава 3. Проблемы современного литературоведения.....	97
3.1. Мотив любви в повести Флобера «Мемуары безумца».....	97
3.2. Трагическое начало русской переводческой истории «Макбета» Шекспира....	104
3.3. Интерпретация романа Патрика Модiano «Вилла “Печаль”» в фильме Патриса Леконта «Аромат Ивонны»	110
3.4. Природа реальности и смысл творчества: диалог Джона Фаулза с французскими экзистенциалистами.....	118
3.5. Метафизика времени в романе Уильяма Фолкнера «Шум и ярость».....	128
Заключение	136
Литература.....	138
Приложение. Список основных трудов Л.П. Бондаренко.....	156
Сведения об авторах	160

Научное издание

Прошина Зоя Григорьевна,
Завьялова Виктория Львовна,
Уютова Евгения Викторовна и др.

**Проблемы языкового образования
и направления филологических исследований
в высшей школе
Дальнего Востока России**

*К 80-летию Л.П. Бондаренко
и 120-летию Восточного института*

Монография

Подписано в печать 14.10.2019 г.
Формат 70 × 100 / 16. Усл. печ. л. 13,33.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–80).
Изд. № 4817. Заказ 382.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324
Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Дальневосточный федеральный университет
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

Отпечатано в Дальневосточном федеральном университете
690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8
(Типография Издательства ДВФУ,
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10)